

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ М.В. ЛОМОНОСОВА
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

На правах рукописи

ЧЖУ ЯНЬ

**СИСТЕМА ОБРАЗОВ В РОМАНЕ В СТИХАХ А.С. ПУШКИНА
«ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН» И ИХ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ В КИТАЕ (1900-2010-Е
ГОДЫ)**

Специальность 5.9.1 – Русская литература
и литературы народов Российской Федерации

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель
кандидат филологических наук,
доцент Н. Г. Мельников

Москва 2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава 1. Система образов в романе в стихах «Евгений Онегин».....	16
1.1 Образ Онегина: интерпретация и полемика	17
1.2 Образ Татьяны и её интерпретации в русской критике.	32
1.3 Образы второстепенных и эпизодических персонажей.....	38
1.4 Образ автора	50
Глава 2. Рецепция «Евгения Онегина» в Китае до 1978 года.	57
2.1 Первое знакомство с творчеством А.С. Пушкина и «Евгением Онегиным» (начало XX в. – 1920-е гг.)	58
2.2 Интерпретация «Евгения Онегина» в военные годы (1930–1940-е)	65
2.3 Интерпретация «Евгения Онегина» после основания КНР (1949 –1978).....	77
Глава 3. Интерпретация «Евгения Онегина» в китайской пушкинистике 1978- 2010 гг.	97
3.1 Интерпретация образа Евгения Онегина.	105
3.2 Интерпретация образа Татьяны Лариной.....	125
3.3 Интерпретация героев второго ряда и образа автора.....	142
Заключение.....	160
Библиография	165
Приложение	188

Введение

«Кроме России, нам трудно найти другую страну, в которой могли бы публиковаться произведения Пушкина так часто и в таких больших количествах [как они публикуются в Китае]»¹, — так сказал бывший посол России в Китае Ло Гаошоу (И.А. Рогачев)². Действительно, начиная с появления в 1903 году первого перевода романа А.С. Пушкина «Капитанская дочка» произведения поэта сопровождают китайских читателей уже более ста лет. В прошлом столетии благодаря усилию нескольких поколений переводчиков большинство произведений поэта было переведено на китайский язык, возникла и развивалась китайская пушкинистика. Как отмечает китайский пушкинист Чжа Сяо-янь, «универсализм мышления Пушкина порождает всемирную отзывчивость к нему. Этим определяется его резонанс в китайской культуре»³.

Тема «Пушкин в Китае» изучалась русскими и китайскими учёными. Работы на эту тему появились в основном в советское время. Значительный вклад сделали В.М. Алексеев в статьях «Русские писатели в китайских переводах» (1922)⁴ и «Русские писатели в современном Китае» (1937)⁵, В. Рудман в статье «Пушкин в Китае» (1949)⁶, В.Н. Токмаков в статье «Книги Пушкина в Китае» (1949)⁷, Т.А. Малиновская в статье «Пушкин в Китайской народной республике» (1958)⁸, В.

¹ 罗高寿大使在“普希金在中国”学术研讨会上的发言(一九九八年六月二十二日)[J].国外文学,1999,(第 1 期). 87–88 [Выступление посла Ло Гаошоу на научной конференции «Пушкин в Китае» (22 июня 1998 г.) // Иностранная литература. 1999. № 1. С. 87–88. Здесь и далее выходные данные китайских работ даются в двух вариантах: в оригинале и (в квадратных скобках) в переводе на русский язык.]

² И.А. Рогачев (1932–2012): дипломат, китаевед и бывший посол РФ в Китае с 1992 г. до 2005 г. Китайское имя: Ло Гаошоу.

³ Чжа Сяо-янь. Восприятие Пушкина в Китае: обзор переводов//Язык, сознание, коммуникация/ Ответственные редакторы: В. В. Красных, А. И. Изотов. Москва: Издательство Диалог-МГУ, 1999. С. 96–99.

⁴ Алексеев В. М. Русские писатели в китайских переводах // Восток. Кн.1, 1922. С. 73–79.

⁵ Алексеев В. М. Русские писатели в современном Китае // Книжные новости. 1937. № 22.

⁶ Рудман В. Пушкин в Китае // Новый мир. 1949. № 6. С. 227–233.

⁷ Токмаков В.Н. Книги Пушкина в Китае // Вокруг света. 1949. № 6. С. 61–62.

⁸ Малиновская Т. А. Пушкин в Китайской народной республике // Пушкин: Исследования и материалы / АН СССР.

Рогов в статье «Пушкин в Китае» (1960)⁹, М.Е. Шнейдер во второй главе «А.С. Пушкин» в книге «Русская классика в Китае. Переводы. Оценки. Творческое освоение» (1977)¹⁰, М.П. Алексеев в статье «Пушкин в странах зарубежного Востока» (1979)¹¹, Н.А. Лебедева в статье «Пушкин в Китае» (1999)¹² и т.д.

По данной теме опубликованы и работы китайских исследователей. Укажем статьи Гэ Баоцюаня «Книги Пушкина в Китае» (1949)¹³, Гуан Луна «Пушкин в Китае» (1959)¹⁴, Чжан Тефу «Исследования Пушкина в Китае в последние годы» (1988)¹⁵, Чжа Сяо-яня «Восприятие Пушкина в Китае: обзор переводов» (1999)¹⁶, Ли Минбиня «Пушкин в Китае»¹⁷ (1999), «Китайская пушкинистка» (1999)¹⁸ и «Развитие пушкиноведения в Китае» (1999)¹⁹, Сун Дэфа «Достижения и кризис в китайском пушкиноведении нового века» (2007)²⁰, Ван Лие «Творчество А.С. Пушкина в Китае» (2012)²¹, Лю Янькуня и Чэн Цзина «Изучение творчества

Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. Т. 2. С. 409–418.

⁹ Рогов В. Пушкин в Китае // Восточный альманах. 1960. Вып. 3. С. 187–195.

¹⁰ Шнейдер М.Е. Русская классика в Китае. Переводы. Оценки. Творческое освоение. М., 1977. 272 с.

¹¹ Алексеев М. П. Пушкин в странах зарубежного Востока. Сборник статей. М., 1979. С. 55–92.

¹² Лебедева Н. А. Пушкин в Китае // Россия и АТР. 1999. №2. С. 65–69.

¹³ Гэ Баоцюань. Книги Пушкина в Китае // Огонёк. 1949. № 24(июль). С. 14.

¹⁴ Гуан Лун. Пушкин в Китае // Литература в школе. 1959. № 3. С. 25–32.

¹⁵ 张铁夫. 近年来我国的普希金研究 // 外国文学研究. 1988. № 03. Р. 114–121 [Чжан Тефу. Исследования Пушкина в Китае в последние годы // Исследование зарубежной литературы. 1988. № 3. С. 114–121.].

¹⁶ Чжа Сяо-яня. Восприятие Пушкина в Китае: обзор переводов // Язык, сознание, коммуникация / Ответственные редакторы: В. В. Красных, А.И. Изотов. Москва: Издательство Диалог-МГУ, 1999. С. 96–99.

¹⁷ 李明滨. 普希金在中国 // 岱宗学刊. 1999. № 01. Р.1–3 [Ли Минбинь. Пушкин в Китае // Дэйцзун: академический журнал. 1999. № 1. С. 1–3].

¹⁸ 李明滨. 中国的普希金研究 // 俄罗斯文艺. 1999. № 02. Р.50–54 [Ли Минбинь. Китайская пушкинистка // Русская литература и искусство. 1999. № 2. С. 50–54].

¹⁹ 李明滨. 中国普希金学发展进程 // 外国文学. 1999. № 1 (73). Р. 91–94 [Ли Минбинь. Развитие пушкиноведения в Китае // Иностранная литература. 1999. № 1 (73). С. 91–94].

²⁰ 宋德发. 我国新世纪普希金研究的成绩与危机 // 俄罗斯文艺. 2007. № 1. Р. 30–34 [Сун Дэфа. Достижения и кризис в китайском пушкиноведении нового века // Русская литература и искусство. 2007. № 1. С. 30–34].

²¹ Ван Лие. Творчество А.С. Пушкина в Китае // Вестник московского университета. Сер. 9. филология. 2012. № 6. С. 158–166.

Пушкина в Китае»²² (2018), а также монографии Чжан Тефу «Пушкин и Китай»²³ (2000) и «Пушкин. Распространение и интерпретация классики» (2009)²⁴ и диссертация Лю Янькуня «Функционирование творчества А.С. Пушкина в Китае»²⁵ (2019) и т.д.

Итак, изучению темы «Пушкин в Китае» посвящена обширная литература, судя по которой можно утверждать, что за сотни лет рецепция Пушкина в Китае прошла очень непростой путь: до 1980-х годов она в определенной степени отражала духовные стремления интеллектуального и академического сообщества того времени, а также отразила изменения в социально-политической жизни страны. Как отмечает В. Токмаков, «русская классическая литература, носительница самых прогрессивных освободительных идей, является лучшим образцом для создания демократической литературы Китая, помогающей китайскому народу строить новое, независимое, свободное и сильное государство»²⁶. Поэтому не случайно, что шедевры русской литературы, в том числе и произведения Пушкина были обременены в Китае тяжелыми моральными и политическими задачами. А после 1978 года китайские читатели смогли получить более полное и объективное представление о жизненном и творческом пути А. С. Пушкина. Как отмечал китайский пушкинист Чжан Тефу в статье «Исследования Пушкина в Китае в последние годы» (1988): «В прошлом в исследованиях Пушкина внимание часто обращалось на анализ политической ориентации, игнорировалась художественность. Теперь мы рады видеть, что исследователи начинают обращать своё внимание на художественность произведения. можно сказать, это является ещё

²² Лю Янькунь, Чэн Цзин. Изучение творчества Пушкина в Китае // БГЖ. 2018. № 2 (23). С. 168–170.

²³ 张铁夫主编. 普希金与中国. 长沙: 岳麓书社, 2000. 410 p. [Чжан Тефу. Пушкин и Китай. Чанша: издательство Юэлу, 2000. 410 с.]

²⁴ 张铁夫著. 普希金: 经典的传播与阐释. 湘潭: 湘潭大学出版社, 2009. 276 p. [Чжан Тефу. Пушкин. Распространение и интерпретация классики. Сянган: Издательство Сянганского университета, 2009. 276 с.]

²⁵ Лю Янькунь. Функционирование творчества А.С. Пушкина в Китае: дис. кандидат наук: 10.01.01 – русская литература. Пермский государственный национальный исследовательский университет. Пермь. 2019. 308 с.

²⁶ Токмаков В.Н. Книги Пушкина в Китае // Вокруг света. 1949. № 6. С. 62.

одной важной особенностью пушкинистики в последние годы»²⁷.

Очевидно, что в китайском культурном контексте столетнее изучение Пушкина — это процесс непонимания и повторного непонимания, а также процесс перехода от непонимания к пониманию. Немецкий философ В. фон Гумбольдт утверждал: «Никто не понимает слово в точности так, как другой, и это различие, пускай самое малое, пробегает, как круг по воде, через всю толщу языка. Всякое понимание поэтому всегда есть вместе и непонимание, всякое согласие в мыслях и чувствах — вместе и расхождение»²⁸. На философский уровень осмысления проблему понимания и непонимания выводит герменевтика. Позитивные смыслы непонимания признается только после XX века и подчёркивается в деконструктивистской герменевтике Ж. Дерриды, в семиотической теории коммуникации Ю. М. Лотмана и др. Они утверждают, что непонимание не противостоит пониманию, оно как не обходимый компонент герменевтического опыта способствует нарастанию смысла.

При изучении интерпретации пушкинского произведения в иноязычном контексте следует опираться на герменевтику, в частности, на труды М. Хайдеггера, Х.-Г. Гадамера и других философов, не веривших в возможности исчерпывающего понимания художественного смысла, утверждавших, что «смысл никогда не может быть исчерпан полностью» и «приближение к смыслу бесконечно»²⁹.

Напомню, как Гадамер разъясняет основные положения философской герменевтики: «Историческое самопроникновение духа, определяет герменевтическую задачу. Она является крайней противоположностью самозабвению исторического сознания. Представляемая ею историческая позиция превращается в мыслящее отношение к прошлому... Сущность исторического духа состоит не в восстановлении прошедшего, а в мыслящем опосредовании с

²⁷ 张铁夫. 近年来我国的普希金研究//外国文学研究. 1988. № 03. P. 115 [*Чжан Тэфу*. Исследования Пушкина в Китае в последние годы // Исследование зарубежной литературы. 1988. № 3. С. 115].

²⁸ Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию / Пер. с нем. Г. В. Рамишвили. М.: Прогресс, 1984. С. 84.

²⁹ Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы филос. герменевтики: Пер. с нем./Общ. ред. и вступ. ст. Б. Н. Бессонова. М.: Прогресс, 1988. С. 334.

современной жизнью»³⁰. Так что, по мнению Гадамера, задача герменевтической интерпретации не состоит в реконструкции литературного текста, а в расширении осведомленности читателя, помощи в его более глубоком понимании себя.

Таким образом, вполне закономерно выявить разные толкования произведения Пушкина в течении долгого времени. Более репрезентативные и более специфические характеристики интерпретации русской классики в китайском культурном контексте можно найти в определенном процессе интерпретации конкретного произведения. Для этого мы выбрали многолетнюю историю критического восприятия одного из важнейших произведений А. С. Пушкина, «Евгения Онегина», который в силу своей жанровой специфики, многозначных образов персонажей и духовной ценности всегда привлекал к себе внимание китайских читателей, переводчиков и исследователей. Процесс этот, начавшийся в Китае сто лет тому назад, во многом был обусловлен изменениями в культурной и социально-политической жизни. Вполне закономерно подчёркивает В.Е. Хализев в статье «Историко-функциональное изучение литературы»: «Жизнь произведения в сознании последующих поколений сопряжена с трансформацией его смысла (как утратами, так и приобретениями). С одной стороны, оно может восприниматься публикой менее напряженно и полно, чем современниками автора: непричастность жизненному, культурному и художественному “контексту” творчества затрудняет постижение художественного произведения. С другой стороны, ранее созданное с течением исторического времени постигается во все более глубоких, общечеловечески значимых пластах своего содержания; при этом оно сопрягается читателями с идеологией и культурой их эпохи; воспринимаемое произведение как бы обогащается, явственнее обнаруживая свои надэпохальные черты»³¹.

Степень научной разработанности темы. При изучении темы «Пушкин в Китае» исследователи не могли обойти роман в стихах «Евгений Онегин», однако

³⁰ Гадамер Х.-Г. Цит. соч. С. 220.

³¹ Хализев В. Е. Историко-функциональное изучение литературы // Литературный энциклопедический словарь. / Под редакцией В. М. Кожевникова, П. А. Николаева, М., 1987. С. 139.

в целом проблеме восприятия этого произведения уделялось мало внимания. В упомянутых выше работах, посвящённых теме «Пушкин в Китае», встречаются лишь отдельные упоминания по рецепции «Евгения Онегина» в Китае или его первые китайские переводы. Особенно часто упоминается первый перевод с русского оригинала, который сделал Люй Ин. Филолог-китаист В. М. Алексеев специально написал о нем статью «О последнем, 1943 года, переводе “Евгения Онегина” на китайский язык»³². В статье Алексеев представлял самого переводчика Люй Ина и его принципы перевода, затем указывал недостатки и ошибки в переводе.

Тема «“Евгений Онегин” в Китае» затронута китайским литературоведом Гэ Баоцунь в 1990 году в статье «“Евгений Онегин” в Китае»: о шести китайских переводах шедевра Пушкина»³³. В статье дается информация об истории первоначального распространения пушкинского шедевра в Китае. Кроме того, автор статьи указывает издательскую информацию шести переводов романа в стихах, появившихся до 1990-х годов, потом рассматривает особенности ритма и рифм в каждом переводе, рассуждает о возможности передачи «онегинской строфы» на китайский язык. Более поздние исследования темы «“Евгений Онегин” в Китае» больше сосредоточены на анализе и оценке перевода³⁴.

Кроме исследования перевода основные аспекты изучения пушкинского

³² Алексеев В. М. О последнем, 1943 года, переводе «Евгения Онегина» на китайский язык. Из набросков к докладу «Пушкин в Китае» / В. М. Алексеев // Восток — Запад. Исследования. Переводы. Публикации. Выпуск 2. М.: Главная редакция восточной литературы издательства "Наука", 1985. С. 252-271.

³³ 戈宝权.《叶甫盖尼·奥涅金》在中国 — 谈普希金的名著的六种中文译本[J].中国翻译,1990(04):2-6. [Гэ Баоцунь. «Евгений Онегин» в Китае: о шести китайских переводах// Перевод в Китае. 1990, № 4. С. 2-6].

³⁴ Ван Шисе. «“Евгений Онегин” в Китае» // Временник Пушкинской комиссии / АН СССР. ОЛЯ. Пушкин. комис. СПб.: Наука, 1995. Вып. 26. С. 152-157; 杨怀玉.《叶甫盖尼·奥涅金》在中国[J].外国文学,1998(04):7-12. [Ян Хуайюй. «Евгений Онегин» в Китае//Иностранная литература, 1998. № 4. С.7-12]; 赵红著. 文本的多维视角分析与文学翻译:《叶甫盖尼·奥涅金》的汉译研究. 上海: 复旦大学出版社, 2007. 273 p. [Чжао Хун. Многомерный анализ текстов и литературный перевод: исследование китайского перевода «Евгения Онегина». Шанхай: Издательство Фуданьского университета, 2007. 273 с.]; 林辰.《叶甫盖尼·奥涅金》在中国大陆的译介与传播[J].浙江传媒学院学报, 2015, 22(01):109-116. [Линь Чэнь. Перевод и распространение «Евгения Онегина» в материковом Китае//Вестник Чжэцзянского Коммуникационного университета. 2015. № 1. С. 109-116]

романа в стихах китайскими литературоведами можно выделить следующие³⁵: особенности жанра и творческого метода, замысел и его реализация, философская, нравственная, эстетическая проблематика и т.д. Однако специальных исследований, посвящённых вышеназванным темам не очень много, примерно лишь 11 статей³⁶, и большинство из них не отличается глубиной анализа и разнообразием проблематики.

Помимо вышесказанного, важное место в современной китайской пушкинистике занимает толкование персонажей «Евгения Онегина». Анализ и оценка главных героев начались уже с момента появления первых переводов «романа в стихах» в Китае. К интерпретации образов «Евгения Онегина» обращались многие китайские авторы. Но до сих пор история восприятия пушкинских героев и системы образов «Евгения Онегина» китайскими критиками и литературоведами остается неизученной. Только статьи Чи Дахуна и Гун Сяобина «Евгений Онегин с точки зрения местных условий» (2005) и статья Е Суна «“Евгения Онегина” А.С. Пушкина в Китае» (2018) смогли частично восполнить данный пробел. В первой изучаются динамические изменения в оценке и понимании образа Онегина китайскими литературоведами, обусловленные социальными переломами и политическими потрясениями китайской истории XX века. В статье Е Суна кроме рецепции «Евгения Онегина» в Китае и его переводов, проявлен интерес к пониманию образа Онегина, обобщены главные направления изучения романа в стихах в китайском пушкиноведении и упоминает связанные

³⁵ Подробно см.: *Чжу Янь*. Рецепция романа «Евгений Онегин» в Китае // Мир науки, культуры, образования. 2021. №.3(88). С. 549–552

³⁶ «Языковые особенности романа в стихах “Евгений Онегин”» (1989) Сунь Чжисяна, «Краткий анализ метафор в “Евгении Онегине”» (1991) Ню Гуанхуя, «О народности пушкинского “Евгения Онегина”» (1998) Цюй Цзюаня, «Размышления о смерти в “Евгении Онегине”» (2002) Дэн Цзяньчжуня, «Труды Ю.М. Лотмана о “Евгении Онегине”» (2002) Кан Чена, «Перифраза в “Евгении Онегине”» (2005) Ван Цзяпина, «Пушкинский взгляд на любовь в “Евгении Онегине”» (2007) Цзя Яньхуна, «Современная интерпретация “Евгения Онегина”» (2009) Чжоу Ина, «Этическая интерпретация “Евгения Онегина”» (2009) Лю Сяояня, «Символика цветов в “Евгении Онегине”» (2015) Ян Миня, «О многозначности слова “возвращение” в романе в стихах “Евгений Онегин” и романе “Преступление и наказание”» (2018) Тан Сяосюэ, «Значение и функция сновидений в литературных произведениях – в пример сновидения в “Евгении Онегине” и “Три-три”» (2017) Тянь Цзыхуэя.

работы.

На интерпретацию образов героев китайскими критиками и литературоведами повлияли, конечно, в первую очередь, социально-политические изменения Китая. Другой значимый фактор влияния — русская критика и пушкинистика. Китайские исследователи часто задействуют формулировки и трактовки пушкинских героев, предложенные русскими интерпретаторами «Евгения Онегина». Они в какой-то степени развивают или опровергают трактовки русских авторов. В изучении китайского пушкиноведения этот фактор надо учитывать.

Очевидно, тема интерпретации системы образов «Евгения Онегина» в Китае и влияние русской критики на неё, является малоизученной. **Научная новизна** данной диссертации определяется тем, что впервые проводится комплексное углубленное исследование интерпретации системы образов «Евгения Онегина» в Китае: предпринята попытка проследить историю и динамику восприятия разных героев «Евгения Онегина» в Китае и России, проанализировать работы китайских и русских литературоведов и критиков, сопоставить особенности интерпретации образов «Евгения Онегина» в русской и китайской пушкинистике.

Актуальность темы настоящего исследования обусловлена, с одной стороны, пристальным вниманием китайского литературоведения к роману «Евгений Онегин» и особенно к его героям, с другой стороны, растущим интересом русской науки к оценкам китайских коллег, а также необходимостью осмыслить особенности интерпретации системы образов романа в стихах в течение ста лет в контексте развития китайской культуры и российско-китайских отношений.

Объектом исследования в настоящей работе являются работы китайских литературоведов и критиков, посвященные роману в стихах «Евгений Онегин».

Предметом исследования данной диссертации является рецепция романа в стихах, интерпретации его образной системы (в первую очередь — системы персонажей), которые были даны китайскими критиками и литературоведами.

Цель диссертационной работы заключается в выявлении особенностей интерпретации системы образов «Евгения Онегина» в Китае и её взаимосвязь с

российскими исследованиями.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие **задачи**:

1. Выявить систему образов в романе в стихах «Евгений Онегин». Проследить значимые трактовки русских критиков и литературоведов при интерпретации разных образов «Евгения Онегина».
2. Определить основные этапы рецепции романа в стихах в Китае.
3. Раскрыть динамику китайской рецепции романа в стихах, выявить особенности научно-критических интерпретаций в различные периоды общественной и культурной жизни Китая.
4. Проанализировать толкования и оценки персонажей «Евгения Онегина», данные китайскими литературоведами, уточнить специфику трактовок пушкинских образов, которые давались на различных этапах освоения пушкинского произведения: от начала XX столетия до настоящего времени.
5. Сопоставить русскую и китайскую интерпретации системы образов «Евгения Онегина». Выявить влияние русской пушкинистики и критики на китайскую при интерпретации системы образов «Евгения Онегина».

Для решения поставленных задач в рамках данной диссертации нами были применены **методы** критико-аналитический, сравнительно-исторический, а также метод историко-функционального изучения литературы.

Теоретическая основа диссертационного исследования определяется его целями и задачами. В нашем случае теоретической основой являются труды В.Е. Хализева³⁷, Л. В. Чернец³⁸, А.Б. Есина³⁹, Х.-Г. Гадамера⁴⁰ и т. д.⁴¹.

³⁷ Хализев В. Е. Историко-функциональное изучение литературы // Литературный энциклопедический словарь. / Под редакцией В. М. Кожевникова, П. А. Николаева, М., 1987. С. 138-139.

³⁸ Введение в литературоведение: Учеб. пособие/Л. В. Чернец, В. Е. Хализев, А. Я. Эсалнек и др.; под ред. Л. В. Чернец. М.: Высш. шк., 2004. 388 с.

³⁹ Есин А.Б. Принципы и приемы анализа литературного произведения: Учебное пособие. 3-е изд. М.: Флинта, Наука, 2000. 244 с.

⁴⁰ Гадамер Х.Г. Истина и метод: Основы филос. герменевтики: Пер. с нем./Общ. ред. и вступ. ст. Б. Н. Бессонова. М.: Прогресс, 1988. 704 с.

⁴¹ См.: Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию / Пер. с нем. Г. В. Рамишвили. М.: Прогресс, 1984. 400 с.;

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что его результаты и выводы могут, с одной стороны, служить основой для систематического и комплексного осмысления пушкинской классики в условиях межкультурного диалога и коммуникации; с другой стороны, использоваться при дальнейшем изучении рецепции русской литературы в Китае и особенностей интерпретации образов романа в стихах в китайской пушкинистике.

Практическая значимость исследования состоит в возможности использования материалов диссертации при изучении русской литературы за рубежом, вопросов межкультурной коммуникации и дальнейшем исследовании китайской рецепции произведений Пушкина, а также для разработки спецсеминаров и спецкурсов, посвященных восприятию в Китае русской литературы в целом и творчества Пушкина в частности.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Интерпретация «Евгения Онегина» в Китае во многом была обусловлена изменениями в культурной и социально-политической жизни страны; процесс изучения и истолкования «романа в стихах» можно разделить на четыре периода — в соответствии с эпохами общественно-политической истории Китая: 1900—1920-е годы (первое знакомство с Пушкиным и его «Евгением Онегиным»), 1930-е — 1940-е годы (рецепция «Евгения Онегина» в военные годы), 1950-е годы — 1970-е годы (рецепция «Евгения Онегина» под влиянием неблагоприятных политических факторов «культурная революция») и после 1978 года (период возрождения китайской пушкинистики и расширения исследований романа в стихах).

2. До начала проведения политики «реформ и открытости» (начиная с 1978 г.) китайские исследователи часто приспособляли пушкинский роман к политическим и идеологическим нуждам. После 1978 года толкования «Евгения Онегина» постепенно избавляются от идеологического диктата, становятся более рациональными и объективными.

Виноградов В.В. О теории художественной речи. М., 1971. 182 с.; *Эпштейн М.Н.* Образ художественный // Литературный энциклопедический словарь / Под ред. В.М. Кожевникова, П.А. Николаева. М., 1987. С.252–257.

3. Истолкование центральных образов романа в стихах было основным направлением в китайской пушкинистике. В первую очередь внимание китайских толкователей «Евгения Онегина» привлекли образы главных героев, Онегина и Татьяны. При анализе их образов были всесторонне рассмотрены их характеры; в связи с ними был поднят целый ряд этических и литературных проблем (в частности, проблема типологии героя: является ли Онегин «лишним человеком» или нет).

4. В толковании второстепенных персонажей основное внимание уделялось их художественным особенностям. Ольга рассматривалась как своего рода аксессуар Татьяны, а Ленский — как воплощение романтизма и персонаж-функция. Эпизодические персонажи мало упоминались в исследованиях. Образ автора в романе в стихах Пушкина считается важным художественным приемом. Китайские ученые в свою очередь заинтересованы в определении «я» в романе в стихах и в том, можно ли приравнивать его к личности поэта.

5. В китайском пушкиноведении многие исследования, посвященные образам Онегина и Татьяны, являются продолжением и развитием идей русских критиков и литературоведов, но одновременно отражают собственные представления китайских ученых о литературе и человеческой природе. С развитием общества Китая учёные применяют (не всегда удачно) западные теории для толкования или переоценки образов Онегина и Татьяны.

Степень достоверности положений и выводов диссертационной работы обеспечивается большим объёмом исследуемого материала и последовательной аргументацией.

Апробация работы. По теме диссертации было подготовлено 2 доклада, которые были представлены на следующих научных конференциях:

1) Международная научная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов-2021», МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, 10-14 апреля 2021. Доклад: «Рецепция “Евгения Онегина” в Китае».

2) Международная научная конференция студентов, аспирантов и молодых

ученых «Ломоносов-2022», МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, 10-14 апреля 2022. Доклад: «Интерпретация образа Татьяны Ларины в китайской пушкинистике 1978 - 2010 гг.».

В 2022 г. диссертационное исследование прошло апробацию в виде защиты НКР на кафедре истории русской литературы филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

Основные положения диссертационного исследования отражены в пяти статьях; четыре из них опубликованы в научных рецензируемых журналах, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ имени М.В. Ломоносова:

1) *Чжу Янь*. Рецепция романа «Евгений Онегин» в Китае // Мир науки, культуры, образования. 2021. №.3(88). С. 549–552.

2) *Чжу Янь*. Мрачное двадцатилетие китайской пушкинистики (1957 – 1976) // *Litera*. 2022. № 4. С. 63 – 74.

3) *Чжу Янь*. Интерпретация образа Татьяны Ларины в китайской пушкинистике 1978 – 2010 гг. // *Litera*. 2022. № 4. С. 93 –102.

4) *Мельников Н. Г., Чжу Янь*. История перевода романа в стихах "Евгений Онегин" А.С. Пушкина в Китае // Мир науки, культуры, образования. 2023. №. 2(99). С. 393-397.

Статья в другом рецензируемом научном издании:

5) *Чжу Янь*. Интерпретация образа Евгения Онегина в китайской пушкинистике // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2022. Том 15. Выпуск 5. С. 1370 –1376.

Результаты диссертационного исследования обсуждались также на занятиях в рамках педагогической практики для иностранных магистров-филологов.

Структура работы.

Данная диссертация состоит из Введения, трёх глав, Заключения, Библиографии и Приложения. Список литературы включает 210 позиции на русском и китайском языках. Общий объём работы – 191 с.

Во Введении обосновывается актуальность исследования, определяются объект и предмет, цели и задачи исследования, определена теоретическая основа, научная новизна, теоретическая и практическая значимость диссертационной работы.

В первой главе «Система образов в романе в стихах “Евгений Онегин”» анализируются систему образов «Евгения Онегина» и его интерпретации в русской критике и пушкинистике.

Во второй главе «Рецепция “Евгения Онегина” в Китае до 1978 года» рассматривается рецепция романа в стихах в Китае до 1978 года, особенности его интерпретации в разных периодах.

В третьей главе «Интерпретация главных героев “Евгения Онегина”» в китайской пушкинистике 1978-2010 гг.» представлены особенности интерпретации разных образов героев в романе в стихах: Евгений Онегин, Татьяна Ларина, Владимир Ленский, Ольга Ларина и образ автора.

В заключении подведены итоги исследования и намечены перспективы дальнейшего исследования.

В приложении представлен список переводов романа в стихах «Евгений Онегин» на китайском языке.

Глава 1. Система образов в романе в стихах «Евгений Онегин»

Литературный образ относится к конкретным эмоциональным, художественным обобщениям, картинам природы и быта, которые отражают эстетические идеалы писателя и имеют эстетическую ценность. В советском и российском литературоведении за термином «художественный образ» закрепилось вполне определенное значение: «Образом <...> называют любое явление, творчески воссозданное в художественном произведении (особенно часто — действующее лицо или литературного героя)»⁴².

Согласно этому определению, к системе образов «Евгения Онегина» можно отнести не только образы конкретных действующих лиц, но и образ автора-повествователя — своего рода посредника между миром читателей и персонажей, — а так же более масштабные и обобщенные образы: светского общества, провинциального дворянства, природы, Москвы, Петербурга, наконец, России (недаром В.Г. Белинский назвал «Евгения Онегина» «энциклопедией русской жизни»).

Разумеется, в романе в стихах образы животных или растений, образ природы, образы городов (в частности, Петербурга и Москвы) и т.п. ценны сами по себе, но по большей части играют вспомогательную роль, представлены как факторы окружающей среды, в основном используемые для того, чтобы раскрыть психологию персонажей и правдиво передать их характеры. В данной работе словосочетанием «система образов» будет обозначаться, главным образом, персонажная сфера «Евгения Онегина», в которой выделяются разнокалиберные действующие лица: главные, второстепенные и эпизодические.

«Как и любая система, персонажная сфера произведения характеризуется через составляющие ее элементы (персонажи) и структуру — относительно устойчивый способ (закон) связи элементов.

⁴² Эпштейн М.Н. Образ художественный // Литературный энциклопедический словарь / Под ред. В.М. Кожевникова, П.А. Николаева. М., 1987. С.252.

Статус персонажа тот или иной образ получает именно как элемент системы, часть целого»⁴³.

Как правило, категории персонажей определяются по следующими параметрами: «первый — степень участия в сюжете и, соответственно, объем текста, который этому персонажу отводится. Второй — степень важности данного персонажа для раскрытия сторон художественного содержания»⁴⁴. Существуют случаи, когда эти две категории не совпадают. А в «Евгении Онегине» они как раз совпадают. Легко определить: в романе в стихах Пушкина Евгений Онегин и Татьяна Ларина — главные герои по обоим параметрам; Владимир Ленский и Ольга Ларина — второстепенные; Зарецкий, мать Татьяны и Ольги, няня Татьяны, соседи Лариных и т.д. — эпизодические.

1.1 Образ Онегина: интерпретация и полемика

Разносторонняя, полноценная литературная фигура Евгения Онегина вызвала множество дискуссий как среди российских, так и зарубежных критиков. Важнейшие интерпретации, безусловно, принадлежат ведущим российским критикам и исследователям. Перечислить всех невозможно. В рамках данной работы мы проанализируем наиболее ценные исследования по интерпретации образа Онегина, а также те исследования, которые оказали значительное влияние на интерпретацию образа Онегина китайскими учеными.

Написание и публикация «Евгения Онегина» стали чрезвычайно важным событием не только для Пушкина, но и для русской литературы 1820-х годов. В это время на русской литературной сцене все еще доминировали классицизм и романтизм. По словам Белинского, классицизм и романтизм были двумя словами, о которых много говорили в пушкинский период русской литературы. Это были слова,

⁴³ Введение в литературоведение: Учеб. пособие/Л. В. Чернец, В. Е. Хализев, А. Я. Эсалнек и др.; под ред. Л. В. Чернец. М.: Высш. шк., 2004. С. 203

⁴⁴ *Есин А.Б.* Принципы и приемы анализа литературного произведения: Учебное пособие. 3-е изд. М.: Флинта, Наука, 2000. С. 89

за которые люди «бились до смерти» и «ссорились до слез»⁴⁵. В этот период писатели цеплялись за старомодные методы и ссорились из-за них, как будто литература зашла в тупик.

В 1825 году была опубликована первая глава «Евгения Онегина», атмосфера литературного мира внезапно активизировалась. С одной стороны, перед лицом поэта стоит порицание цензуры, потому что в романе содержится сатира на высшее общество. С другой стороны, на него нападали консерваторские критики, потому что его «Евгений Онегин» так отличался от классических или романтических поэм, которые доминировали в то время. Когда появилась первая глава произведения, многие не сразу смогли по достоинству оценить его исключительную художественную ценность.

Как представители романтической критики К. Ф. Рылеев и А. А. Бестужев отстаивали мнение, согласно которому произведение должно демонстрировать благородный патриотизм, героизм и гражданскую сознательность. Однако в первой главе «Евгения Онегина» нет захватывающих авантюр и великих героев, зато есть заурядная, ничем не примечательная повседневная жизнь светского молодого человека, что для них совершенно неприемлемо. Поэтому приятели поэта, писатели-декабристы К. Ф. Рылеев и А. А. Бестужев отнеслись без оптимизма к первой главе произведения, и к главному герою Онегина. Рылеев, хотя и признавал, что первая глава в целом «прекрасна», но пришел к заключению: «Но Онегин, сужу по первой песни, ниже и “Бахчисарайского фонтана” и “Кавказского пленника”»⁴⁶. А Бестужев надеялся увидеть в романе в стихах нечто похожее на Алеко, главного героя «Цыган»: противопоставленного светскому обществу романтического героя. А таких как Онегин, он, по его словам, «тысячи встречал наяву»⁴⁷. По поводу непонимания Бестужевым пушкинского героя (и авторского замысла в целом)

⁴⁵ *Белинский В. Г.* Литературные мечтания. Элегия в прозе // Полн. собр. соч. М., 1955. Т. 1. С. 67

⁴⁶ *Рылеев К. Ф.* Письмо Пушкину А. С., 12 февраля 1825 г. Петербург // Переписка А. С. Пушкина: В 2 т. М.: Худож. лит., 1982. Т. 1. С. 442.

⁴⁷ *Бестужев А. А.* Письмо Пушкину А. С., 9 марта 1825 г. Петербург // Переписка А. С. Пушкина: В 2 т. М.: Худож. лит., 1982. Т. 1. С. 472.

весьма удачно, на наш взгляд, высказался литературовед Б.С. Мейлах: «расхождение между Пушкиным и Бестужевым были расхождениями реалиста и романтика»⁴⁸.

В 1825 году более острое суждение высказал другой приятель Пушкина, Языков: «“Онегин” мне очень, очень не понравился: думаю, что это самое худое из произведений Пушкина... Мысли ни на чем не основанные, вовсе пустые, и софизмы минувшего столетия очень видны в “Онегин” там, где поэт говорит от себя; то же и в предисловии»⁴⁹. В 1830 г. Ф. Булгарин написал рецензию на седьмую главу «Онегина», в которой не только называл её «водянистой» — «ни одного чувствования, ни одной картины, достойной воззрения», — но и провозгласил (наряду с «Полтавой») «совершенным падением»⁵⁰ таланта Пушкина.

Очевидно, что современники Пушкина, даже декабристы, высоко ценившие его творчество, не до конца понимали его новаторский реалистический метод.

Пушкинский роман в стихах резко критиковали за подражательность, мелочность описаний и отсутствие важных идей. Но, как отмечал А.В. Луначарский, «Пушкин обладал также и способностью претворять свою кровь в рубины и свои слезы в жемчуга, то есть работать над своими часто очень мучительными переживаниями с выдержанностью и методичностью художника-ювелира»⁵¹. Наконец под обстрелом враждебной критики (усиливавшимся по мере печатанья глав «Евгения Онегина») Пушкин создал произведение, ставшее жемчужиной русской классики, сформировав типичный образ Онегина, который открывает галерею «лишних людей» в русской литературе.

Качественную и комплексную анализ романа «Евгений Онегин» впервые дал великий русский критик В.Г. Белинский в статьях восьмой и девятой «Сочинений Александра Пушкина». Сам роман в стихах критик определял как «энциклопедию русской жизни», а главного героя рассматривал как «страдающего эгоиста».

⁴⁸ Мейлах Б. С. "Евгений Онегин" // Пушкин: Итоги и проблемы изучения. М.; Л.: Наука, 1966. С. 418

⁴⁹ Языков Н.М. Письма Н. М. Языкова к родным за дерптский период его жизни (1822—1829). СПб., 1913. С. 157, 158

⁵⁰ Ф. Булгарин «Северная пчела», 1830, № 35. С. 1.

⁵¹ Луначарский А.В. Александр Сергеевич Пушкин [1930] //Собрание сочинений: в 8 т. Т. 1. Русская литература. С. 55.

Критик провел детальный анализ личности Онегина, рассматривая его эволюцию и взаимоотношения с окружающими, чтобы подчеркнуть многообразие его характера.

Белинский сначала анализировал отношение Онегина с дядей. Когда дядя заболел, Онегин не хотел играть роль благодарного и любящего племянника, он думал только о том, что дядя скоро умрет и оставит ему наследство. Белинский не обвинил Онегина в эгоизме: по его мнению, дядя был для Онегина человеком незнакомым в любом отношении, у них не было точек соприкосновения. Так называемая благодетель — это не решение дяди, а установленное государством право наследования.

Кроме того, Белинский отметил, что история любви Онегина и Татьяны не может быть поводом для суровой критики главного героя. Белинский объяснял это тем, что у любви не может быть причин, Онегин или любит, или не любит, и это не зависит от воли или разума. Если да, то «тогда любовь не была бы чувством и страстью». «Поэтому Онегин имел полное право без всякого опасения подпасть под уголовный суд критики, не полюбить Татьяны-девушки и полюбить Татьяну-женщину»⁵². Его письма Татьяне были полны искренней страсти, в них не было маски великосветского общества. Он страдал от того, что Татьяна от него отказалась, это было самое горькое время в его жизни. Многие считают странным то, что Онегин отверг Татьяну-девушку и стремился заполучить благосклонность Татьяны-женщины. Однако Белинский на отношения Онегина и Татьяны имел следующую точку зрения: «ничего не может быть естественнее отношений Онегина к Татьяне в продолжение всего романа и что Онегин совсем не изверг, не развратный человек, хотя в то же время и совсем не герой добродетели. К числу великих заслуг Пушкина принадлежит и то, что он вывел из моды и чудовищ порока и героев добродетели, рисуя вместо их просто людей».⁵³

В целом Белинский не осуждает Онегина, а защищает его от несправедливых

⁵² Белинский В. Г. Сочинения Александра Пушкина. Статьи восьмая. // Полн. собр. соч. Т. VII. М., 1955. С. 460.

⁵³ Белинский В. Г. Указ. изд. С. 445.

обвинений. Критик анализирует хорошие или плохие стороны в характере Онегина, считая их результатом условий времени. Согласно мнению Белинского, характер Онегина многогранный, сложный, противоречивый. Статья восьмая Белинского стала основой дальнейшего изучения и интерпретации образа Онегина.

Русский писатель и мыслитель А.И. Герцен, являющийся непосредственным продолжателем Белинского в трактовке пушкинского романа, так же считает образ Онегина отражением русской жизни, отмечая его типичность и жизненность.

В литературной критике бытовало мнение, что Пушкин был намерен написать русский вариант «Дон Жуана». Герцен четко опроверг такое мнение, утверждая: «Те, кто говорили во времена Николая, что пушкинский Онегин — это русский Дон-Жуан, не понимали ни Байрона, ни Пушкина, ни Англии, ни России: они судили по внешним признакам... Онегин — русский, он был возможен лишь в России; там он был необходим, и там его встречали на каждом шагу...»⁵⁴. Кроме того, Герцен неоднократно подчеркивал, что образ Онегина не уникален, он «настолько национален, что встречается во всех романах и поэмах, которые получают какое-либо признание в России, и не потому, что хотели копировать его, а потому, что его постоянно находишь возле себя или в себе самом»⁵⁵. Герцен чутко подметил, что Онегин — уникальный продукт культурной трансформации России.

Герцен был первым, кто назвал Онегина «лишним человеком», а также подчеркнул, что «лишний человек» — это целая категория персонажей русской литературы. У этой категории людей не хватает силы характера — точно так же, как и пушкинского героя: «он тем больше размышлял, чем меньше делал», Онегин «никогда не встанет на сторону правительства», одновременно «никогда не сможет встать на сторону народа»⁵⁶.

К тому же, Герцен полагал, что Онегин является продуктом российского

⁵⁴ Герцен А.И. О развитии революционных идей в России // Собрание сочинений: в 30 т. Т. 7. М.: Изд-во Академии наук СССР. 1956. С. 203.

⁵⁵ Герцен. А. И. Указ. изд. С. 204.

⁵⁶ Герцен. А. И. Новая фаза в русской литературе(перевод) // Собрание сочинений: в 30 т. Т. 18. М.: Изд-во Академии наук СССР. 1956. С. 184.

общества и культуры 1820-х годов, однако в пореформенной России такие «лишние люди», как Онегин, воспринимались критически. Поэтому Герцен предостерегал читателей: «...брать Онегина за положительный тип умственной жизни двадцатых годов, за интеграл всех стремлений и деятельностей проснувшегося слоя — совершенно ошибочно, хотя он и представляет одну из сторон тогдашней жизни»⁵⁷. Критик также утверждал, что в период жизни Онегина в России уже появился новый культурный фактор, который, напротив, представлял положительный пример, и это были декабристы. Поэтому он писал: «Тип того времени, один из великолепнейших типов новой истории, — это декабрист, а не Онегин»⁵⁸. Таким образом, Герцен поместил главного героя Онегина в контекст истории того времени и связал его с освободительным движением 1820-х годов.

В 1850-60-е годы в связи с выходом издания сочинений Пушкина, подготовленное П.В. Анненковым, Чернышевский написал цикл статей, которые вызвали широкую дискуссию о «пушкинском» и «гоголевском» направлении. В литературной критике появилось «антипушкинское» настроение; благодаря критическим статьям революционеров-демократов Пушкин стал синонимом «чистого искусства», и его поэзия была отвергнута и осмеяна. Чернышевский отдавал предпочтение Гоголю, произведения которого обнажали социальные противоречия и отвечали идейно-эстетическим запросам эпохи революционной кульминации. Однако Чернышевский относился к Пушкину с уважением и признавал его значимость в русской литературе и просвещении.

Осмысляя пушкинского Онегина, и Чернышевский, и другие революционно-демократические критики подчёркивали его бессилие и несоответствие прогрессивным идеалам. Онегин рассматривался как «человек с большими силами души, человек, понимающий пустоту той жизни, к которой призван он судьбою, к которой призван он судьбою, но не имеющий довольно силы характера, чтобы из

⁵⁷ Герцен А. И. Еще раз Базаров // Собрание сочинений: в 30 т. Т. 20. М.: Изд-во Академии наук СССР. 1956. С. 341

⁵⁸ Герцен А. И. Там же.

нее выбраться».⁵⁹ Кроме того, представители левого лагеря резко критиковали его за пошлость и безделье. Добролюбов называл Онегина «пошляком» и «москвичем в Гарольдовом плаще»⁶⁰; по мнению Чернышевского, Онегин является «в сущности пустым человеком... в голове у него нет сильной мысли, а сердце его износилось от волокитства»⁶¹.

Д.И. Писарев рассматривал себя продолжателем критики Н.Г. Чернышевского и Н.А. Добролюбова. Однако, являясь предельным утилитаристом, он придерживался мнения, что искусство должно приносить практическую пользу, иными словами, должно полностью подчиняться целям социального прогресса. Как и Чернышевский, он признал Гоголя первым народным русским поэтом, но при этом всячески развенчивал Пушкина. В 1865 году отрицание Писаревым Пушкина в статье «Пушкин и Белинский» вызвало потрясение в литературных кругах. Нигилист, противник «чистого искусства» (к которому относил и творчество Пушкина), Писарев «с шумом и звоном победного ликования провозгласил ничтожество того, кого общественное мнение до сих пор считало лучшим представителем русского искусства»⁶². В противовес Белинскому он не считал роман «Евгений Онегин» «энциклопедией русской жизни». «Вы найдете описание многих мелких обычаев, — заверял он читателей, — но из этих крошечных кусочков, годных только для записного антиквария, вы не извлечете почти ничего для физиологии или для патологии тогдашнего общества; вы решительно не узнаете, какими идеями или иллюзиями жило это общество; вы решительно не узнаете, что давало ему смысл и направление или что поддерживало в нем бессмыслицу и апатию. Исторической картины вы не увидите; вы увидите только коллекцию старинных костюмов и причесок, старинных преysкурантов и афиш, старинной

⁵⁹ Добролюбов Н. А. Собр. соч., т. I. М., Л., Гослитиздат, 1961. С. 300.

⁶⁰ Добролюбов Н. А. О степени участия народности в развитии русской литературы // Добролюбов Н. А.: Избранное / Ред. коллегия: М. Ф. Овсянников (пред.) и др. М.: Искусство. 1975. С. 81.

⁶¹ Чернышевский Н. Г. Полное собрание сочинений: в 15 т. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1948. Т. 4. С. 698

⁶² Волынский А.Л. Русские критики. СПб., 1896. С. 578.

мебели и старинных ужимок»⁶³. Для него Онегин не имеет ничего передового или привлекательного.

Критик рассматривал Онегина как Митрофанушку Простакова, «одетого и причесанного по столичной моде двадцатых годов»⁶⁴. По мнению Писарева главный герой неудачный, ему не хватает репрезентативности. В подобном романе, изображающем жизнь целого общества, личность главного героя должна быть типичной, представлять характерные особенности нации и класса. «Героем должен быть непременно или рыцарь прошедшего, или рыцарь будущего, но во всяком случае человек деятельный, имеющий в жизни какую-нибудь цель, толкающийся между людьми, суесящийся вместе с толпой, развертывающий и напрягающий так или иначе, в честном или бесчестном деле, все силы своего ума и своей энергии. Только жизнь такой активной личности может показать нам в наглядном примере достоинство и недостатки общественного механизма и общественной нравственности»⁶⁵. Писарев подчеркивает, что ни Онегин, ни Ленский, ни Татьяна не отражали прогрессивных тенденций русского общества той эпохи. Ленский участвовал в дуэли без видимой на то причины; Татьяна доверчива и склонна к эмоциональным порывам, полюбив человека, которого видела в первый раз; Онегин же, как и Обломов, был паразитом, у которого была материально полностью обеспеченная жизнь, но не было ни природной мудрости, ни сердечной теплоты. Их характеры не отражают ни позитивных моментов, ни пороков времени, в котором они жили. Поэтому Писарев пришел к выводу: «эти люди, как отдельные личности, не представляют решительно никакого интереса для мыслителя, изучающего физиологию общества»⁶⁶.

Можно сказать, Писарев недооценил глубину и многомерность образа Онегина. Конечно, герой не является ни положительным, ни отрицательным. Однако, и в реальном мире не существует категорически положительного или

⁶³ Писарев Д.И. Пушкин и Белинский. М.; Петроград, 1923. С.140.

⁶⁴ Писарев Д. И. Указ. изд. С. 105.

⁶⁵ Писарев Д. И. Указ. изд. С. 141.

⁶⁶ Писарев Д. И. Указ. изд. С. 142.

отрицательного человека. Таким образом, мнение Писарева об Онегине можно рассматривать как пример критического взгляда на пушкинское творчество в шестидесятые годы XIX в., когда литературная критика стремилась провести переоценку творчества Пушкина и Лермонтова. Но оно не является единственно верным и обоснованным.

Революционная и демократическая критика была отвергнута А.В. Дружининым, В.П. Боткиным и П.В. Анненковым. Они придерживались теории «чистого» искусства, отрицая служебную роль искусства и литературы, подчеркивая их самоценность. Поэзию Пушкина они рассматривали в качестве альтернативы сатирическому направлению Гоголя. В статье «А.С. Пушкин и последнее издание его сочинений» А. Дружинин рассматривал «Евгения Онегина» как «задорную книгу с претензией на гениальность ее автора»; «картинам природы, художественным очеркам, лирическим порывам, улыбкам сквозь слезы»⁶⁷ в романе, по мнению Дружинина, следует уделять больше внимания.

В 1890-е годы пренебрежительное отношение критиков-«шестидесятников» к пушкинскому шедевру и его главному герою вызвало отповедь одного из главных идеологов символизма Акима Волынского (Х.Л. Флексера). В книге «Русские критики» он не пощадил и репутацию В.Г. Белинского, чей критический разбор «Евгения Онегина», по его мнению, «страдает многочисленными недостатками, сбивается местами на педантическое резонерство <...>. После такого разбора Писареву не трудно было доказать, что это произведение переполнено дворянских предрассудков и что сам Пушкин — ограниченная и банальная натура, распространяющая в обществе какие-то дикие, развращающие взгляды»⁶⁸.

⁶⁷ Дружинин А. В. А. С. Пушкин и последнее издание его сочинений. В кн.: А. В. Дружинин, Собрание сочинений, т. VII, СПб., 1866. С. 60

⁶⁸ Волынский А.Л. Цит. соч. С. 117, 119.

Со временем стихли критические бури, «Евгений Онегин» постепенно стал предметом академического исследования, но различные истолкования пушкинских героев по-прежнему появляются в работах, посвященных роману в стихах.

В 1937 году в шестом томе собрания сочинений Пушкина впервые были опубликованы все варианты «Евгения Онегина». Среди них большое внимание привлекла частично расшифрованная десятая глава. Некоторые пушкинисты подтверждают, что в X главе Пушкин действительно писал о деятельности декабристов. Полагают, что после отказа Татьяны и своих странствий Онегин сильно изменился, в декабре 1825 года вышел на Сенатскую площадь, чтобы присоединиться к восстанию. По крайней мере, согласно задумке Пушкина, Онегин был потенциальным декабристом. В действительности уже в XIX веке обсуждался замысел Пушкина об Онегине как о прогрессивном молодом человеке. В опубликованных в 1880-х годах мемуарах современника Пушкина Юзефовича упоминалось, что Пушкин крайне подробно рассказывал об изначальном замысле «Евгения Онегина», согласно которому Онегин «должен был или погибнуть на Кавказе, или попасть в число декабристов»⁶⁹.

Как мы выше упоминали, Герцен не считал, что Онегин был декабристом. Однако в советское время некоторые пушкинисты преувеличенно говорили о прогрессивном характере Онегина, полагая, что он был одним из участников декабристского движения. В опубликованном в 1957 году труде «Пушкин и проблемы реалистического стиля»⁷⁰ Г.А. Гуковского, советского теоретика литературы и искусства, была как раз изложена такая точка зрения. Г.П. Макогоненко в статье «Пушкин-художник и его время»⁷¹ в целом поддержал точку зрения Гуковского. Одновременно Макогоненко не согласился с тем, что Онегин — «лишний человек». Кроме того, он утверждал, что «актуальной задачей

⁶⁹ Лотман Ю.М. «Евгений Онегин». Комментарии., Ленинград, из-во «Просвещение», 1980. С. 316.

⁷⁰ Гуковский Г. А. Пушкин и проблемы реалистического стиля. М.: Гослитиздат. 1957. 416 с.

⁷¹ Макогоненко Г.П. Пушкин-художник и его время / Г. Макогоненко // Вопросы литературы. 1959. № 11. С. 144-154

пушкиноведения является освобождение “Евгения Онегина”, из которого вышел и мощно развился русский роман, от предвзятых оценок»⁷². Однако к единому мнению советские исследователи не пришли. С чем все относительно согласны, так это с тем, что даже если не считать Онегина прогрессивным молодым дворянином, а лишь «лишним человеком», то в историческом контексте прогрессивное значение он все равно имел.

Кроме вышесказанной проблемы в 1950-60 годы интерпретации образа Онегина служат продолжением или дополнением трактовки Белинского или Герцена. Исследование образа Онегина на данном этапе всегда смешивается с тем или иным видом социально-политической мысли. Н.Л. Бродский назвал Онегина и Ленского «представителями передовой дворянской интеллигенции начала 20-х годов»⁷³, своими силами борющихся с крепостничеством, однако эта борьба была пассивная, слабая, помимо того, они не были свободны от предрассудков высшего класса, представителями которого они были. Поэтому Бродский делает следующий вывод: трагедия главных героев романа заключается в том, что их воспитывает дворянство, которое оторвано от жизни страны и народа. Д.Д. Благой придерживался аналогичной точки зрения, согласно которой Онегин — «лишний человек», является «представителем русской молодежи XIX в., оторванных, далеких от народа, явственно сквозит общая проблематика эпохи»⁷⁴.

Во второй половине XX века большой вклад в изучение «Евгения Онегина» внес литературовед Ю. М. Лотман, выявивший в системе образов принцип противоречий.

В статье «Своеобразие художественного построения “Евгения Онегина”»⁷⁵ он

⁷² *Макогоненко, Г.П.* Там же.

⁷³ *Бродский Н.Л.* Евгений Онегин. Роман А.С. Пушкина: Пособие для учителей средней школы. Изд.3-е. М., 1950. С. 8.

⁷⁴ *Благой Д. Д.* «Евгений Онегин» // А. С. Пушкин. Собрание сочинений в 10 томах. Т. 4, М.: Государственное издательство художественной литературы, 1960. С. 527.

⁷⁵ *Лотман Ю. М.* Своеобразие художественного построения «Евгения Онегина» \ \ В школе поэтического слова: Пушкин. Лермонтов. Гоголь: Кн. для учителя. М.: Просвещение, 1988. С. 30-107.

утверждал, что в первой главе Пушкин перечислил ряд характеристик Онегина, которые сближали его с декабристами, но, с другой стороны, были и такие характеристики, которые строго им противоположны. Это усиливает иронию, что полностью соответствует характеристикам сатирического произведения. К примеру, Онегин интересовался политикой и экономикой, тем не менее, этот интерес для представителя высшего класса был лишь способом избежать пустоты, потому что Онегин интересовался еще и балами. Такие контрастирующие интересы отличали его от свободолобивой молодежи 1818—1819 годов и раскрывали поверхностный и декоративный характер его влечения к новым идеям. Помимо этого, Онегин больше всего интересовался «наукой любви». Очевидно, что интерес Онегина к любовным похождениям был описан Пушкиным в качестве характеристики молодого дворянина. Кроме того, в первой половине первой главы Пушкин повествует о меланхолии Онегина в ироничном и даже несколько издевательском тоне. Меланхолия в описании Пушкина не выходит за рамки «причуд высшего общества», является в большей степени искусственным стремлением праздного дворянского пижона продемонстрировать свою «утонченность».

Лотман считал, что начиная со второй половины первой главы жанр и тон повествования значительно изменились, порой создавая противоречия. К этому моменту понятие «мудреца» сопровождалось уже не энтузиазмом Чацкого, а полной скепсиса фигурой дьявола, и «меланхолия» обрела новое значение. Тогда читатель может оценить силу размышлений, которые кроются в меланхоличном и скептическом характере Онегина, и его качества и поступки становятся на редкость похвальными. Онегин как заметный член высшего общества и далекий от высоких идеалов Пушкина здесь становится серьезной фигурой. Лотман приведет пример, что в XLV — XLVIII строфах первой главы между автором и главным героем появляются новые отношения. Их взгляды начинают удивительным образом совпадать:

Условий света свергнув бремя,
Как он, отстав от суеты,

С ним подружился я в то время.
Мне нравились его черты,
Мечтам невольная преданность,
Неподражательная странность
И резкий, охлажденный ум.
Я был озлоблен, он угрюм;
Страстей игру мы знали оба;
Томила жизнь обоих нас;
В обоих сердцах жар угас... (1, XLV)

В XLVI строфе Пушкин говорит об Онегине едва ли не сочувственно, и та ирония, которая стояла между ними, стирается. Изменение оценки главного героя, казалось бы, возвратило произведение на колею длинной романтической поэмы, в которой рассказчик, «я» и главный герой – единое целое, ирония и гнев Пушкина сменяются романтическим лиризмом. Однако Пушкин не дал этой колее пойти далеко — в LVI строфе первой главы она стремительно заканчивается. Пушкин пишет:

Всегда я рад заметить разность
Между Онегиным и мной,
Чтобы насмешливый читатель
Или какой-нибудь издатель
Замысловатой клеветы,
Сличая здесь мои черты,
Не повторял потом безбожно,
Что намарал я свой портрет,
Как Байрон, гордости поэт... (1, LVI)

Лотман, исследуя то, как Пушкин посредством принципа противоречия раскрывает особенности характера Онегина, разделяет текст на ряд подсистем в

рамках более крупной системы: «антитезы Онегин — Ленский, Онегин — Татьяна, Онегин — Зарецкий, Онегин — автор и другие дают разные и порой трудно совместимые облики заглавного героя»⁷⁶. Онегин стоит в центре каждой подсистемы, опирается на связи с другими структурными элементами системы, так создаются различные смыслы. И в каждой подсистеме Онегин представлен в абсолютно новом образе, и все эти образы, казалось бы, совершенно несовместимы друг с другом. К примеру, в подсистеме «Онегин-Ленский» Онегин, хотя в начале не одобряет энтузиазм Ленского, не говорит «ни одного холодного слова», однако впоследствии невольно провоцирует дуэль, на которой убивает друга.

Итак, Лотман утверждает, что главы романа построены на основе системы противоположностей и противоречий. Эти системы существуют на основе взаимосвязи, сталкиваются друг с другом и существуют в рамках более крупной системы всего текста. Посредством такого метода Пушкину удалось раскрыть всю сложность характера такого типажа российского общества начала XIX века, как «русский европеец»⁷⁷.

Целостный и системный подход к интерпретации художественных текстов — важная черта литературоведческих исследований Лотмана. Анализируя принцип противоречия в пушкинской композиции, Лотман позволяет глубже понять особенности образа Онегина.

В постсоветский период, в 1990-е гг. вышло множество работ⁷⁸, в которых осмысляются проблемы поэтики «Евгения Онегина». При изучении образа главного героя также появляются новые способы интерпретации. Например, С. Г. Бочаров в статье «Французский эпиграф к “Евгению Онегину”»: Онегин и

⁷⁶ Лотман Ю. М. Пушкин. Очерк творчества\ Пушкин. СПб: Искусство. 2003. С. 195

⁷⁷ Лотман Ю. М. Указ. изд. С. 196.

⁷⁸ Баевский В. С. Сквозь магический кристалл: Поэтика "Евгения Онегина", романа в стихах А. Пушкина. М.: Прометей, 1990. 159 с.; Михайлова Н.И. "Собрание пестрых глав": о романе А. С. Пушкина "Евгений Онегин" / Н. И. Михайлова. М.: Изд. дом "Имидж", 1994. 191 с.; Турбин В. Н. Поэтика романа А. С. Пушкина "Евгений Онегин". М.: Изд-во Моск. ун-та, 1996. 231 с.; Онегинская энциклопедия: В 2 т. / Под общ. ред. Н. И. Михайловой. М.: Рус. путь, 1999 и т.д.

Ставрогин»⁷⁹ сравнил пушкинского Онегина и Ставрогина в романе «Бесы» Достоевского, утверждая, что оба героя имеют что-то общее — загадочную центральность, «герой стоит в центре обращенных к нему вопросов и ожиданий, его разгадывают, для него ищут верное слово и имя...»⁸⁰. В. Н. Турбин рассматривал «Евгения Онегина» вне исторического контекста и сравнивал образы персонажей с литературным жанром: само произведение в целом — соединение эпоса и романа, Татьяна — эпос, а Евгений — роман. Для Турбина образ Онегина развивается динамично: «он, поименованный в честь реки, с начала и до конца является в романе человеком-рекой»⁸¹.

Разные точки зрения исследования открывают перед нами более глубокий и многогранный смысл произведения. Ранее привычная идейная линия, которую диктовала классическая литературная критика, в новых интерпретациях Онегина преобразуется, приобретая новые перспективы и оттенки.

Подводя итоги, заметим, что образ Онегина иллюстрирует определенный исторический момент в российском обществе, демонстрируя, с одной стороны, определенный социально-психологический тип, сложившийся после неудачного восстания декабристов, с другой стороны, — фигуру с бесчисленным множеством противоречий и возможностей. Пушкинский герой отличается способностями, умом, воспитанием, однако страдает от пустоты жизни вследствие аристократического происхождения; он бессердечный и тщеславный, его называют чудаком, но одновременно он отзывчив и способен на искреннее сочувствие; он пытается глубоко мыслить, но на самом деле он невежественный. Именно из-за различных противоречий Онегин не может найти свое место в обществе и наконец становится «лишним человеком» своего времени.

Дискуссии, касающиеся пушкинского Онегина, идут уже почти два века, и они будут продолжаться, как и углубленные интерпретации этого героя. Будут

⁷⁹ Бочаров С. Г. Французский эпиграф к «Евгению Онегину»: Онегин и Ставрогин // Московский пушкинист: Ежегод. сб. М.: Наследие, 1995. Вып. I. 1995. С. 212—250.

⁸⁰ Бочаров С. Г. Указ. изд. С. 225

⁸¹ Турбин В. Н. Поэтика романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин». М., 1996. С. 129.

появляться новые ценные исследования. Онегин в условиях перехода времен будет пониматься по-разному, и интерпретироваться с опорой на разные методологические принципы анализа. Разные читатели по-разному воспринимают и осмысливают главного героя, он всегда может вызывать новые отклики, точки зрения и чувства у разных читателей. Именно поэтому образ Онегина обладает непреходящей художественной ценностью. Связанные с образом Онегина проблемы, на которые обращают внимание российские ученые, также привлекают внимание китайских исследователей, и дискуссии продолжаются и в Китае. В последующих главах мы более подробно рассмотрим особенности интерпретации образа Онегина в Китае.

1.2 Образ Татьяны и её интерпретации в русской критике.

Образ главной героини «Евгения Онегина» Татьяны по верному замечанию А. Волынского, представляет собой «бессмертный тип русской женщины, с ее поэтическими грезами, схороненными в глубине души, с ее смелостью и прямою под юношескою бурю любви, с ее непоколебимою твердостью в борьбе с нравственными искушениями»⁸².

Сам Пушкин называл Татьяну своим «милым идеалом». В романе он выражал свои чувства таким образом:

Татьяна, милая Татьяна!
С тобой теперь я слезы лью;
Ты в руки модного тирана
Уж отдала судьбу свою» (3, XV).
«Простите мне: я так люблю
Татьяну милую мою! (4, XXIV).

Татьяна призналась Онегину в своих чувствах, между собственным желанием

⁸² Волынский А.Л. Цит. соч. С. 584.

любви и ответственностью за верность мужу и семье она выбрала последнее.

Оценивая образ пушкинской героини, В.Г. Белинский назвал Татьяну «типом русской женщины»⁸³. Критик утверждал, что «натура Татьяны не многосложная, но глубока и сильна. В Татьяне нет этих болезненных противоречий, которыми страдают слишком сложные натуры»⁸⁴. Сила и глубина характера Татьяны является плодом ее окружения. Белинский был твердо уверен в том, что «создает человека природа, но развивает и образует его общество»⁸⁵. Критик отмечал, что в русском дворянском обществе девочки лишь мечтали о браке, который бы определил их место и ценность. Для достижения этой цели они получали образование, воспитывали в себе элегантные манеры. Общество требует от молодой девушки, чтобы она была хорошей спутницей жизни, вышла замуж за богатого, пусть и пожилого жениха, что, конечно, важнее любви. Татьяна происходила именно из такой семьи. Тем не менее дворянское общество породило безделье Татьяны; её интеллектуальность, эстетические предпочтения и нравственные принципы, её фантазии и стремления крутились вокруг только одной потребности: «весь внутренний мир Татьяны заключался в жажде любви»⁸⁶. Именно поэтому Онегин сначала не проявлял к ней интереса, считая, что она ничем не отличается от других. Татьяна, наоборот, видит в Онегине свой идеал, и стремится к нему. Белинский отмечал, что Татьяна написала Онегину в порыве страсти, однако этот «порыв наивный и благородный; но его источник не в сознании, а в бессознательности»⁸⁷.

Последние слова Татьяны к Онегину: «Но я другому отдана; я буду век ему верна» (8, XLVII), часто вызывают полемику между критиками. Белинский также задавался вопросом: «Вечная верность – кому и в чем»⁸⁸? По словам Белинского, «верность таким отношениям, которые составляют профанацию чувства и чистоты

⁸³ Белинский В. Г. Сочинения Александра Пушкина. Статьи девятая. Поли. собр. соч., т. VII. М., 1955. С. 502.

⁸⁴ Белинский В. Г. Указ. изд. С. 482.

⁸⁵ Белинский В. Г. Указ. изд. С. 485.

⁸⁶ Белинский В. Г. Указ. изд. С. 488.

⁸⁷ Белинский В. Г. Указ. изд. С. 491.

⁸⁸ Белинский В. Г. Указ. изд. С. 501.

женственности, потому что некоторые отношения, не освящаемые любовью, в высшей степени безнравственны»⁸⁹. Как сказал критик, Татьяна отвергла Онегина по причине «высшего закона — закона своей природы, а ее натура — любовь и самоотвержение»⁹⁰. Подобно аскету, она гордо держится, подавляет свои чувства, сохраняя преданность и бескорыстность и считая их за добродетель, но из-за потребностей своей души совершает преступление против самой себя. Здесь она и демонстрирует свое бессилие. Белинский не мог оправдать ее слабость, а мог только понять ее: Татьяна была жертвой общества и не несла личной ответственности за свое несчастье.

Исследование Белинского достаточно убедительно демонстрирует пример социологической интерпретации. Он рассматривал роман и как художественное произведение, и как отражение времени и общества. Татьяна также является продуктом русской общественной морали, отражая социальные концепции того времени.

Однако Ф.М. Достоевский был в корне не согласен с трактовкой Белинского образа Татьяны. В романе Достоевского «Братья Карамазовы» (кн. 10, гл. 4) есть отрывок, где беседуют Алеша с Колей Красоткиным, последний считался зрелым, хотя он еще был учеником и ему было 14 лет. Здесь Достоевский пытается показать влияние на молодежь социалистических идей, которые продвигал в свое время Белинский. Коля хотел продемонстрировать свое знание современных идей и взглядов, тем самым ошеломив Алешу, который принимал Белинского как высший авторитет и поэтому цитировал его.

«— А Белинского вы читали?

— Видите ли... нет... я не совсем читал, но... место о Татьяне, зачем она не пошла с Онегиным, я читал.

— Как не пошла с Онегиным? Да разве вы это уж... понимаете? ...»⁹¹

⁸⁹ Там же.

⁹⁰ Там же.

⁹¹ *Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы // Достоевский Ф.М. Собрание сочинений в 15 томах. Л.: Наука, 1991. Т. 10. С. 51.*

Здесь говорится о вышеупомянутой интерпретации Белинским романа. Кроме того, Белинский выступал за эмансипацию женщин в духе Жорж Санд, представляя будущую форму отношений мужчин и женщин, где женщина могла принимать решение об отношениях. Но в 1870-х годах Достоевский считал, что Белинский разлагал общественные устои, беспокоился, что труды Белинского будут распространять вредные идеи среди молодежи. В 1870 году в письме А.Н. Майкову он задавался вопросом: «А продолжают ли на выпусках, в гимназиях, раздавать гимназисткам книги вроде полного собрания сочинений Белинского, в которых тот плачет, зачем Татьяна осталась верна мужу?»⁹².

По мнению Достоевского, Татьяна «это тип твердый, стоящий твердо на своей почве. Она глубже Онегина и, конечно, умнее его»⁹³, концовка романа служит этому достаточным доказательством. Достоевский даже считал, что Пушкину надо было назвать роман «Татьяна», потому что она была «положительным типом» романа, «такой красоты положительный тип русской женщины почти уже и не повторялся в нашей художественной литературе — кроме разве образа Лизы в “Дворянском гнезде” Тургенева»⁹⁴. Онегин не понимает ее ценности при первой встрече в деревне, и даже в конце романа не понимает мотивов Татьяны. В этом трагедия всего произведения: они идут каждый своей дорогой, так и не узнав друг друга. Когда Татьяна побывала в кабинете Онегина, посмотрела, какие книги он читал, получила представление о его неглубоком характере, и задалась вопросом: «Уж не пародия ли он?» (7, XXIV). Она поняла, что душа его пуста. В конце произведения она пошла на компромисс со своей судьбой, доказала силу своего характера и правильность своего решения. Достоевский подчеркивал, что в этом и заключается величие русской женщины, в самоопределении, решимости и ответственности. Здесь и раскрывается смысл всего произведения.

Достоевский считал, что Татьяна как русская женщина в достаточной степени

⁹² Достоевский Ф.М. Письма. 150. А. Н. Майкову. 9 (21) октября 1870. Дрезден // Достоевский Ф.М. Собрание сочинений в 15 томах. СПб.: Наука, 1996. Т. 15. С. 467.

⁹³ Достоевский Ф.М. Указ. изд. С. 430.

⁹⁴ Достоевский Ф.М. Там же.

свободна, смела и решительна. Она могла пренебречь своей репутацией, игнорировать приличия и общественные нормы, поддавшись соблазну и погрязнув в похоти. Поскольку она по-прежнему любила Онегина, она могла так сделать. Однако она уважала себя, для сохранения своего человеческого достоинства она была непоколебима. Действительно, выйти замуж за нелюбимого человека она была вынуждена, но никто не заставлял ее быть верной. Она сознательно выбрала путь верной жены. Она знала, что, если бросит мужа, то будет счастлива, но ценой этому будет позор и несчастье мужа. Достоевский подчеркивал: «Счастье не в одних только наслаждениях любви, а и в высшей гармонии духа»⁹⁵. Если бы Татьяна ушла к Онегину, то никогда бы не обрела этой гармонии духа. Помимо этого, Достоевский также утверждал, что свое счастье нельзя строить на чужом несчастье. Татьяна по-христиански ставила любовь к родным и близким, уважение к ним и соблюдение морали выше любви к самой себе. Она отвергла Онегина, руководствуясь христианскими догмами.

Итак, характер героини раскрывается через психологическую и религиозную интерпретацию Достоевского, или социологическую интерпретацию Белинского. Главным фокусом спора Достоевского и Белинского был именно выбор Татьяны между нравственностью и любовью. Спор не решен по сей день. Однако важно заметить, что образу Татьяны оба критика дают высокую оценку.

Однако Писарев, который в принципе полностью отвергал роман, язвительно критиковал образ Татьяны: «Голова несчастной девушки... засорена всякой дрянью»⁹⁶; «она ничего не любит, ничего не уважает, ничего не презирает, ни о чем не думает, а просто живет со дня на день, подчиняясь заведенному порядку»⁹⁷; «она поставила себя под стеклянный колпак и обязала себя простоять под этим колпаком в течение всей своей жизни»⁹⁸. Таким образом, Писарев представлял ее как ничтожную и бессмысленную женщину. Его точка зрения вызвала большой

⁹⁵ Достоевский. Ф.М. Указ. изд. С. 432.

⁹⁶ Писарев Д. И. Пушкин и Белинский. М.; Петроград, 1923. С.118.

⁹⁷ Писарев Д. И. Указ. изд. С. 124.

⁹⁸ Писарев Д. И. Указ. изд. С. 123.

резонанс в литературном мире того времени. Ошибка Писарева заключалась в том, что он полностью отверг образ Татьяны и проигнорировал его художественную ценность. Именно поэтому его интерпретация образа Татьяны (в отличие от трактовок Белинского и Достоевского) не получила развитие в русской пушкинистике.

Безусловно, существует еще бесчисленное множество исследований замечательного образа Татьяны, однако одной из наиболее заметных и авторитетных является именно интерпретация Белинского.

Итак, мы можем подвести итоги особенности образа Татьяны следующим образом:

Татьяну можно отнести к одной из наиболее положительных героинь русской классики. Ее переживания, чувства и мысли отражают не только характер ее личности, но и возрастные особенности, а также социальный контекст. Это героиня — яркая индивидуальность, глубоко мыслящая, одухотворенная, обладающая искренними чувствами и хранящая верность мужу. Татьяна привлекает внимание своими внутренними противоречиями, борьбой между своими желаниями и социальными ограничениями, а также красивым языком, которым она выражает свои чувства.

С точки зрения этических и моральных ориентиров, Татьяну можно рассматривать как высокий образец нравственности. Она является символом доброты, чистоты и преданности своим идеалам. Несмотря на то, что она совершает ошибки (по мнению Белинского) в конце романа, она всегда остается верна своим принципам и чувствам.

Кроме того, образ Татьяны в «Евгении Онегине» является важным элементом романа в целом. Она представляет собой противоположность главному герою, эгоистичному Онегину. Она также служит для автора средством выразить свою любовь к России и русскому народу. Также она играет важную роль в развитии сюжета романа и выражает многие глубокие мысли автора.

1.3 Образы второстепенных и эпизодических персонажей

«Для понимания главного проблемного героя (героев) могут играть большую роль второстепенные персонажи, оттеняющие различные свойства его характера; в результате возникает целая система параллелей и противопоставлений, несходств в сходном и сходств в несходном»⁹⁹. В «Евгении Онегине» характеры главного героя и героини во многом раскрываются благодаря второстепенным (Ленский и Ольга), а также эпизодическим персонажам: Зарецкий, мать Татьяны и Ольги, няня Татьяны, гости на именинах Татьяны и т.д. Они вместе с образом Онегина и Татьяны образуют полноценную систему образов всего произведения.

Онегин — главный герой романа, но он не является единственным представителем молодежи первой четверти девятнадцатого века. Его антипод — Ленский, который выступает в качестве романтика-мечтателя.

Любовь Ленского и Ольги — это еще одна нить романа, помимо основной сюжетной нити — любовной истории Онегина и Татьяны. Ленский с детства был влюблен в Ольгу Ларину, соседскую девушку. Любовь между ними искренняя, но и в то же время банальная и неглубокая. В их любовных отношениях не хватает идеалов. Воображаемая Ленским божественная любовь была лишь плодом его фантазии. Надеясь Ольгу всеми немислимыми добродетелями, он не видит ее легкомыслия и душевной пустоты. Он не понимал настоящую Ольгу, и все же он ее любил. Он ошибочно думал, что Ольга похожа на него, что она единственная для него, что она готова пожертвовать жизнью ради любви. Но он совсем не знал, что в сердце Ольги «она сделалась бы вторым исправленным изданием своей маменьки, что ей всё равно было выйти — и за поэта, товарища ее детских игр, и за довольного собою и своею лошадью улана»¹⁰⁰. Поэтому Белинский оценивал Ленского следующим образом: «это было существо, доступное всему прекрасному, высокому,

⁹⁹ Введение в литературоведение: Учеб. пособие/Л. В. Чернец, В. Е. Хализев, А. Я. Эсалнек и др.; под ред. Л. В. Чернец. М.: Высш. шк., 2004. С. 206.

¹⁰⁰ Белинский В. Г. Указ. изд. С. 470.

душа чистая и благородная». Кроме того, он «вечно толкуя о жизни, никогда не знал ее»¹⁰¹.

Посредством Ленского, который так ценит дружбу и любовь, Пушкин в действительности выражает свою иронию по отношению к романтикам, подобным Ленскому. Про дружбу Ленский считает, что друзья готовы разбить оружие клеветы. Однако в конце концов он сам погибает от рук своего друга. Любовь Ленского также подана иронично: когда Ленский встречается с Ольгой перед дуэлью, его возлюбленная не почувствовала неладного и в шутку сказала: «Зачем вечер так рано скрылись?» (6, XIV). К тому же, после смерти Ленского Ольга вскоре с улыбкой выходит замуж за другого. Очевидно, воображаемый идеальный мир Ленского был далек от реальности.

Пушкин полагал, что такого рода человек в России ничего не добьётся, поэтому он убил его рукой Онегина, уничтожая его «вольнлюбивые мечты» (2, VI), хороня его «жаркое волнение» и «благородное стремление» (6, XXXVI). Белинский четко подметил, что «в нем было много хорошего, но лучше всего то, что он был молод и во-время для своей репутации умер»¹⁰².

У Герцена было схожее мнение: «Что ему оставалось делать, как не умереть, чтобы остаться благородным, прекрасным явлением?»¹⁰³. Действительно, смерть Ленского — трагическое событие, однако в композиции произведения такая смерть может рассматриваться как художественный прием. Художественные приемы должны соответствовать жизненной действительности, а от такого человека, как Ленский, который, при всей своей простоте и милоте, был пустым и оторванным от реальности, в сложный период русской истории не было никакой пользы. Кроме того, Белинский подчеркивал, что такие люди, как Ленский, существовали всегда, но в конце концов «переродились». По его мнению, в них более нет той прекрасной чистоты Ленского, «... в них только претензии на великость и страсть мараить

¹⁰¹ Там же.

¹⁰² Указ. изд. С. 472.

¹⁰³ Герцен А. И. Дневник: Отрывки // Н. В. Гоголь в русской критике: Сб. ст. М.: Гос. издат. худож. лит. 1953. С. 324.

бумагу... Словом, это теперь самые несносные, самые пустые и пошлые люди»¹⁰⁴.

Оценка Белинским Ленского относительно разумна и справедлива. С одной стороны, он подчеркивает чистоту Ленского. С другой стороны, он указывает, что такие люди, как Ленский, безнадежны. А Писарев был не согласен с точкой зрения Белинского и утверждал, что в Ленском нет никаких достоинств.

Ленский, как и Онегин, был бездельником, кроме того, по словам автора, «он сердцем милый был невежда» (2, VII). Об образовании и убеждениях Ленского Писарев отзывается следующим образом: «В чём заключались геттингенские свойства его души и в чём проявлялось его уважение к Канту, — это остаётся для нас вечной тайной. О его вольнолюбивых мечтах мы также ровно ничего не узнаем, потому что во время своих свиданий с Онегиным геттингенская душа только и делает, что тянет шампанское да врёт эротические глупости»¹⁰⁵. Кроме того, Писарев ещё отметил споры между Онегиным и Ленским. Пушкин описывает споры следующим образом:

Племен минувших договоры,
Плоды наук, добро и зло,
И предрассудки вековые,
И гроба тайны роковые,
Судьба и жизнь в свою чреду,
Все подвергалось их суду. (2, XVI)

Писарев сомневался в том, что подобный спор существовал в действительности, поскольку в романе, якобы, ни разу не был представлен подобный диалог. Критик считает, что Ленский, в соответствии со своим характером, описал бы все как «красивые и трогательные теодицеи»¹⁰⁶, а Онегин разбил бы его фантазии реальностью. Получается, что один постоянно декларирует и настаивает на определенном мнении, выражая его в чрезвычайно абстрактной и

¹⁰⁴ Белинский В. Г. Указ. изд. С. 472.

¹⁰⁵ Писарев Д. И. Пушкин и Белинский. М.: Петроград, 1923. С. 79.

¹⁰⁶ Писарев Д. И. Указ. изд. С. 82.

философской форме, в то время как другой всегда придерживается противоположного мнения, но при этом старается удержат «охладительное слово» (2, XV). Но все же был ли возможен такой диалог? Пушкин в своем произведении также отмечал, что Онегин не высказывал своего мнения по поводу экспансивных и нереалистичных рассуждений Ленского:

И думал: глупо мне мешать
Его минутному блаженству;
И без меня пора придет;
Пушай покамест он живет
Да верит мира совершенству (2, XV)

Исходя из этого, утверждение о том, что между персонажами существуют споры, или о том, что в таком споре может присутствовать какое-либо серьезное содержание, является сомнительным.

Таким образом, Ленский, которого нам представляет Пушкин, является романтиком, смотрящим на мир с наивностью и оптимизмом. Владимир Ленский верил в доброту и искренность окружающих, поскольку именно эти качества были частью его характера. Одновременно автор произведения понимает, что таким людям нет место в реальном мире, поскольку они не могут приспособиться к жизни. Однако в области литературной критики присутствует сравнительно небольшое количество интерпретаций образа Ленского. Так, критики сходятся во мнении, что Ленский — это олицетворение романтизма, к которому Пушкин демонстрирует ироничное отношение, а то, как Пушкин изобразил смерть Ленского, было более чем естественно и соответствовало духу того времени.

Далее рассмотрим ещё одного второстепенного героя — Ольгу Ларину, младшую сестру Татьяны Лариной.

Впервые мы встречаемся с Ольгой на страницах романа во второй главе, где описывается любовное чувство Владимира Ленского, который «сердечных мук еще не знав», был очарован милой непосредственной девушкой. В строфе XXIII второй главы перед нами сама Ольга:

Всегда скромна, всегда послушна,
Всегда как утро весела,
Как жизнь поэта простодушна,
Как поцелуй любви мила;
Глаза, как небо, голубые,
Улыбка, локоны льняные,
Движенья, голос, легкий стан,
Всё в Ольге... (2, XXIII)

Портрет Ольги очень привлекательный и жизнерадостный, способен, на первый взгляд, понравиться каждому. Но А.С. Пушкин не дает нам сильно очароваться такими привычными чертами образа Прекрасной дамы, воспетой еще средневековыми поэтами. Автор тут же подчеркивает банальность внешности Ольги и намекает на бедность ее внутреннего мира:

Всё в Ольге... но любой роман
Возьмите и найдете верно
Ее портрет: он очень мил,
Я прежде сам его любил,
Но надоел он мне безмерно... (2, XXIII)

В этой строфе и далее по ходу произведения рассказчик знакомит нас внешностью Ольги достаточно подробно, описывая ее привлекательные черты, движения, манеры. Никому из героев А.С. Пушкин не посвятил столь детализированного описания. Какие, например, у главного героя романа — Онегина волосы, глаза? Какого он роста? Что мы знаем о внешности Татьяны, кроме того, что она не такая красивая, как Ольга? Что мы знаем о внешности Ленского, кроме того, что у него «кудри черные до плеч»? На практически ничего о внешности остальных героев. И это неслучайно. В образах Онегина, Татьяны, Ленского нам важен их духовный облик, их мысли, переживания. А Ольга, как мы и потом

убедимся, неспособна на глубокие чувства, и ее красота и легкость — это все, чем можно ее охарактеризовать.

У Ольги нет ни собственного стремления к рефлексии, ни жизненного опыта, который заставил бы ее понимать последствия своих действий. В противоположность своей сестре, которую мучают сомнения, страшные сны из-за осознания неизбежности трагических событий, Ольга живет весело и беззаботно:

Невинной прелести полна,
В глазах родителей, она
Цвела, как ландыш потаенный,
Незнаемый в траве глухой
Ни мотыльками, ни пчелой... (2, XXI)

Тему романтических взаимоотношений Ольги и Ленского автор раскрывает с неизменной иронией. Прогулки, игру в шахматы, чтение нравоучительных и стихи Ленского в альбоме описываются таким образом, что к ним совершенно невозможно воспринимать серьезно. Прогулки Ленского и Ольги рассказчик называет «сладостной неволей» (4, XXV), игра в шахматы используется только как повод посидеть рядом, читая романы, Ленский, краснея, пропускает страницы, «опасные для сердца дев» (4, XXVI).

Онегин сразу же увидел пустоту в сердце Ольги, он дает Ольге следующую характеристику в разговоре с Ленским:

В чертах у Ольги жизни нет.
Точь-в-точь в Вандиковой Мадоне:
Кругла, красна лицом она,
Как эта глупая луна
На этом глупом небосклоне... (4, XXVIII)

Это снова дает нам повод подумать о поверхностности характера Ольги и отсутствия у нее индивидуальности. Будучи неподверженным чувству

романтической восторженности, Онегин сразу уловил основную черту Ольги – отсутствие гармонии между привлекательной внешностью и бездуховностью. Отсутствие жизни в чертах Ольги является следствием ее ограниченности и самодовольства. Онегин обладает большим опытом общения с женщинами и поэтому с такой легкостью считывает характер Ольги, ее любовь к мимолетным наслаждениям и жажду внимания к себе. Пользуясь этими качествами девушки, Онегин завладевает ее вниманием на балу, что и повлечет за собой роковую ссору с другом:

... проворно

Онегин с Ольгою пошел;

Ведет ее, скользя небрежно,

И, наклонясь, ей шепчет нежно

Какой-то пошлый мадригал,

И руку жмет — и запылал

В ее лице самолюбивом

Румянец ярче... (5, XLIII. XLIV)

Ольга танцевала и флиртовала с Онегиным, удовлетворяя свое внутреннее тщеславие. Именно это задело чувства Ленского и привело к дуэли между Онегиным. После смерти Ленского Ольга была расстроена, но не долго плакала. Улан легко пленил её сердце «любовной лестью». Она полюбила улана и «с поникшей головою, с огнем в потупленных очах, с улыбкой легкой на устах» (7, VIII. IX. X) вышла за него замуж. Такие люди, как Ольга, простые, и эмоционально поверхностные, могут жить счастливо и беззаботно с кем угодно и при любых обстоятельствах.

Судьбы женщин в романе (Татьяны, Ольги и их матери) в чем-то схожи. У них трёх в молодости были возлюбленные, а по разным причинам они в конце концов вышли замуж за других людей. Все они вынуждены покориться своей судьбе, скорее всего, покориться мнению общества. Это типичная судьба для русской

аристократической женщины того времени.

В некотором смысле оправданием Ольги служит то, что она очень юная девушка. Относительно возраста Ольги автор не дает точной информации, однако мы можем сделать некоторые предположения. В письме А.С. Пушкина П.А. Вяземскому автор пишет про Татьяну: «...Таня полагает причиной тому то, что в глуши, в деревне все ему скучно и что блеск один может привлечь его... если, впрочем, смысл и не совсем точен, то тем более истины в письме; письмо женщины, к тому же 17-летней, к тому же влюбленной!»¹⁰⁷. Также, опираясь на тот факт, что уже была назначена точная дата свадьбы Ленского и Ольги, мы можем сделать предположение, что Ольге 15–16 лет, так как самый младший возраст для вступления в брак дворянки 15 лет. Но всё-таки возраст не оправдывает ее легкомыслия и посредственности. Можно сказать, пошлость — не только её личная черта, а особенность атмосферы ее времени. Российское общество того времени было крайне централизованным и авторитарным, потеря индивидуальности была почти неизбежной участью большинства людей. Как говорит Белинский, «окружающая их [девушек] положительная действительность в самом деле очень пошла... им предстоят две крайности: или быть пошлыми на общий манер, быть пошлыми, как все, или быть пошлыми оригинально»¹⁰⁸.

В литературной критике не существует каких-либо значимых дискуссий на тему образа Ольги Лариной ввиду простоты этого персонажа и однозначности характеристик, наделяемых ей автором. Исследователи отмечают неглубокий характер Ольги. Так, например, по словам Белинского «Ольга — существо простое, непосредственное, которое никогда ни о чем не рассуждало, ни о чем не спрашивало, которому всё было ясно и понятно по привычке и которое всё зависело от привычки»¹⁰⁹; Д.Д. Благой называет Ольгу «заурядной во всех отношениях»¹¹⁰; Г. Макогоненко также пишет, что Ольга в силу своего характера будет жить

¹⁰⁷ Пушкин. А. С. Собрание сочинений в 10 томах. М.: ГИХЛ, 1959—1962. Том 9. Письма 1815–1830. С. 123

¹⁰⁸ Белинский В. Г. Сочинения Александра Пушкина. Статьи восьмая// Полн. собр. соч. М., 1955. Т. 7. С. 480.

¹⁰⁹ Указ. изд.. С. 482

¹¹⁰ Благой Д.Д. Мастерство Пушкина. М: Советский писатель. 1955. С. 189.

счастливо и спокойно, не слишком сосредотачиваясь на неприятностях¹¹¹; Ю.М. Лотман указывает на «житейскую заземленность»¹¹² Ольги.

Тем не менее, исследователи зачастую сходятся во мнении: образ Ольги в романе служит для создания контраста с образом Татьяны. И.А. Гончаров сравнивал образы Ольги и Татьяны: «...два главные образа женщин постоянно являются в произведениях слова параллельно, как две противоположности: характер положительный — пушкинская Ольга и идеальный — его же Татьяна. Один — безусловное, пассивное выражение эпохи, тип, отливающийся, как воск, в готовую, господствующую форму. Другой — с инстинктами самосознания, самобытности, самодеятельности»¹¹³. Д.И. Писарев в статье «Пушкин и Белинский» отмечал: «...вводя нас в семейство Лариных, Пушкин тотчас старается предрасположить нас в пользу Татьяны; эта, дескать, старшая, Татьяна, пускай будет интересная личность, высшая натура и героиня, а та, младшая, Ольга, пускай будет неинтересная личность, простая натура и пряничная фигурка»¹¹⁴.

Таким образом, в образе Ольги автор показал типаж женщин-кокеток, которые привлекательны внешне, но лишены способности по-настоящему мыслить и испытывать сопереживание. Поэтому они живут безмятежно и радостно, но их радости также поверхностны, они не могут испытывать глубоких чувств и настоящей любви. Татьяна обладает самосознанием, и ее самосознание приводит в состояние нерешаемого страдания: она всё-таки любит Онегина, но она должна соблюдать социальные обязанности, налагаемые на нее обществом, сохраняя статус безупречной светской дамы, верной жены генерала. Ольга же — легкомысленная провинциальная барышня, которая следует установленным правилам общества без сомнения и не вступает с ним в конфликт. Такой художественный образ отражает

¹¹¹ *Медведев И.; Макогоненко Г.* Горе от ума; Евгений Онегин. М.: Худ. лит.-ра. 1971. С. 153.

¹¹² *Лотман Ю. М.* Проблема «точки зрения» в романе \ Пушкин. СПб: Искусство. 2003. С. 424.

¹¹³ *Гончаров И. А.* Лучше поздно, чем никогда: (Критические заметки) // Гончаров И. А. Собрание сочинений: В 8 т. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1952—1955. Т. 8. Статьи, заметки, рецензии, автобиографии, избранные письма. 1955. С. 77.

¹¹⁴ *Писарев Д. И.* Пушкин и Белинский. М.; Петроград, 1923. С.106.

условие жизни и духовное мировоззрение большинства дворянских девушек начала XIX века. Универсальность такого художественного образа заслуживает нашего внимания.

Помимо главных и второстепенных героев, упомянутых выше, в романе есть и эпизодические персонажи: Зарецкий, мать Татьяны и Ольги, няня Татьяны и др. Они появляются только в одном или двух эпизодах романа, чтобы развить сюжет или оттенять черты главных героев.

Исследователи обычно не обращают особого внимания на образ Зарецкого. Его образ является типом дуэлянта эпохи А.С. Пушкина. Автор в романе изобразил его как довольно хитрого и остроумного человека, в то же время в глазах соседей казавшегося надежным и честным. Однако в действительности он был злым сплетником, сыгравшим роковую роль в судьбе Ленского. Вмешательство Зарецкого в дуэль развивает сюжет, именно появление Зарецкого обрекает Ленского на трагическую гибель. Онегин согласился на дуэль вследствие того, что он боялся сплетен Зарецкого и насмешек соседей.

...в это дело

Вмешался старый дуэлист;

Он зол, он сплетник, он речист... (6, XI).

Описание Зарецкого дает читателю возможность лучше понять характер главного героя романа: Онегин боится общественного мнения и того, что его назовут трусом.

В романе Зарецкий как секундант должен был нести ответственность за устранение противоречий и предотвращение трагедии. Однако к примирению он не приложил никаких усилий, хотя возможность была. Передавая Онегину письмо с вызовом на дуэль, он ничего не разъяснил и не обсуждал возможность примирения. Всем было известно, что между Ленским и Онегиным произошло просто недоразумение. К тому же Онегин сам не хотел идти на дуэль. А Зарецкий просто «встал без объяснений ..., имея дома много дел» (6, IX). Кроме того, когда Онегин

опаздывал, когда Онегин пришёл со слугой вместо секунданта, Зарецкий всё же мог остановить дуэль из-за нарушения правил. Но он не прекратил дуэль, рассматривая ее как интересную историю, предмет сплетен и озорства.

При изучении главных героев иногда упоминается образ Зарецкого, и все исследователи считают его отрицательным героем. Гуковский считает, что в образе Зарецкого отражается закон общества, в котором находятся Онегин и Ленский: «... здесь Зарецкий, ничтожный, но выразительный представитель именно этих противоестественных законов “общества”, негодный человек, однако блюститель традиций “общества”»¹¹⁵. Лотман упрекает его за невыполнение обязательств секунданта и его дурную природу. «Зарецкий вел себя не только не как сторонник строгих правил искусства дуэли, а как лицо, заинтересованное в максимально скандальном и шумном — что применительно к дуэли означало кровавом — исходе»¹¹⁶.

Таким образом, Зарецкий представляет собой образ малопривлекательной личности. Он был остроумным, хитрым, использовал свои способности в манипулировании общественным мнением и распространении сплетен. Он был довольно равнодушен к судьбе других людей.

Кроме Зарецкого, в романе в стихах представлены некоторые типичные женские образы: мать сестёр Лариных и няня Татьяны.

Мать Татьяны и Ольги, Прасковья Ларина, — типичная барышня-крепостница. В её образе представлена судьба русской женщины: в молодости она была влюблена в «славного франта», но ее заставили выйти замуж за другого — бригадира Дмитрия Ларина (внесценического персонажа, не появляющегося в актуальном настоящем сюжетного действия). Сначала она не любила своего мужа, но по времени она «хозяйством занялась», научилась «самодержавно управлять», и постепенно привыкла к такой жизни. По словам Белинского, она просто является

¹¹⁵ Гуковский Г. А. Пушкин и проблемы реалистического стиля. М.: Гослитиздат. 1957. С. 247

¹¹⁶ Лотман Ю. М. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин»: Комментарий: Пособие для учителя // Лотман Ю. М. Пушкин: Биография писателя; Статьи и заметки, 1960—1990; "Евгений Онегин": Комментарий. СПб.: Искусство-СПБ, 1995. С. 534.

«дюжинной барыней»¹¹⁷ и со временем её судьбу будет повторять её дочь Ольга.

Няня Татьяны — простая русская крестьянка. В разговоре с Татьяной прослеживается история тяжелой судьбе крестьянки. Как и многие другие крестьянки, она вышла замуж не по любви, и очень рано — в 13 лет. К тому же после замужества она начала жить под властью суровой и деспотической свекрови. Хотя у няни Татьяны несчастная судьба, она всё ещё добра и простосердечна. Она заботится о Татьяне и искренне любит её. Так что девушка доверяет няне и предпочитает делиться с ней своими тайнами. Няня рассказывает Татьяне народную сказку, раскрывает ей традиции и обычаи народа. Под влиянием няни Татьяна развила в себе прекрасные качества: доброту, заботливость и отзывчивость. Близость с няней подчёркивает связь героини с народной жизнью.

Система образов в романе «Евгений Онегин» отличается насыщенностью и реалистичностью благодаря не только обособленным индивидуальностям, но и «собираательным» героям. Создавая образы такого рода коллективного, собирательного героя, «автор, как правило, избегает индивидуализации каждого участника массовой сцены, ограничиваясь обобщением, воспроизведя наиболее характерные проявления коллективного героя: возгласы, детали одежды, особенности поведения, выявляющие особенности массовой психологии»¹¹⁸. Это ярко проявляется при изображении именин Татьяны (5, XXVI- XXVIII). Перед читателем предстает собирательный образ провинциального дворянства, представленный гостями Лариных: толстый Пустяков со своей супругою дородной; Гвоздин, «хозяин превосходный, владелец нищих мужиков»; Скотинины с детьми; франтик Петушков; «Опасный сосед» Буянов; Отставной советник Флянов; Панфил Харликов с семьёй; мосье Трике; ротный командир. Образы многих героев оживают сразу по их именам. Приведём следующие примеры:

Пушкин, следуя традиции сатирической литературы XVIII века, наделяет героя

¹¹⁷ Белинский В. Г. Сочинения Александра Пушкина. Статья девятая // Полн. собр. соч. М., 1955. Т. 7. С. 482.

¹¹⁸ Персонаж. Литература и язык. Современная иллюстрированная энциклопедия. М.: Росмэн. Под редакцией проф. Горкина А.П. 2006. <http://niv.ru/doc/dictionary/literature-and-language/fc/slovar-207-2.htm#zag-852>

фамилией «Пустяков», которая сама по себе говорит о его ничтожном характере. Эта фамилия встречается и в других произведениях Пушкина, где описывается провинциальный помещик и его семейство (согласно исследованию литературоведа В.Н. Турбина, Пустякова — героя «Рассказов Лужницкого старца», напечатанных в журнале «Благонамеренный» в 1820 г.)¹¹⁹. Фамилия «Гвоздин», возможно, произошла от трансформации имени капитана Гвоздилова из комедии Д.И. Фонвизина «Бригадир». А фамилия «Скотинины» напоминает читателю грубого и жестокого помещика из «Недоросля» Фонвизина и т.д.

Таким образом, Пушкин использовал эти имена для создания комического и иронического эффекта. По замечанию Лотмана, «Пушкин создает особый тип литературного фона: в него включены общеизвестные герои произведений, ставшие к этому времени литературными масками, одно упоминание которых оживляет в сознании читателей целый художественный мир»¹²⁰.

Галерею провинциальных дворян дополняют образы «внесценических» персонажей, не появляющихся в актуальном настоящем сюжетного действия (сварливый дядя Онегина и добродушный бригадир Ларин — подкаблучник, «самодержавно» управляемый супругой).

1.4 Образ автора

В системе образов «Евгения Онегина» есть еще один значимый образ — образ автора. Термин «образ автора» В.В. Виноградов определяет как «концентрированное воплощение сути произведения, объединяющее всю систему речевых структур персонажей в их соотношении с повествователем, рассказчиком или рассказчиками и через них являющееся идейно-стилистическим средоточием,

¹¹⁹ Турбин В.Н. Пушкин. Гоголь. Лермонтов. Об изучении литературных жанров. М., 1978. С. 193.

¹²⁰ Лотман Ю. М. Роман А. С. Пушкина "Евгений Онегин": Комментарий: Пособие для учителя // Лотман Ю. М. Пушкин: Биография писателя; Статьи и заметки, 1960—1990; "Евгений Онегин": Комментарий. СПб.: Искусство-СПб, 1995. С. 661.

фокусом целого»¹²¹. Так что изучение образа автора имеет большое значение как для интерпретации образов других персонажей, так и для понимания произведения в целом.

Образ автора в пушкинском «Евгении Онегине» представлен крайне непросто. Авторское «я» — это не только тень самого Пушкина, но и своего рода персонаж, который появляется в романе. Именно с его точки зрения ведется повествование, при необходимости комментируя сюжет, высказывая собственное мнение и оценку. «Он присутствует не только как автор, литературно существующий во всяком романе, а именно как персонаж, свидетель, отчасти даже участник событий и историограф всего происходящего»¹²².

В романе раскрывается жизнь, личная судьба, характер автора-повествователя. Он занимает важное место в развитии сюжета романа. Автор, как и Онегин, был молодым дворянином 20-х годов XIX века, получил образование в лицее, был преисполнен любовью к поэзии, жил в Петербурге и т.д. В молодости он также был страстным, ветреным человеком, любил участвовать в балах и заигрывать с дамами. К 30 годам его жизненные иллюзии потерпели крах, система ценностей была переосмыслена. Он многое узнал о любви, предательстве и разочаровании. В романе герой-автор и Онегин становятся друзьями, поскольку их жизни во многом сходятся. Авторское «я» еще был свидетелем истории романа: он сохранил письмо Татьяны к Онегину на французском языке и перевел его на русский, стихотворение Ленского перед смертью и письмо Онегина к Татьяне. Автор рассказывает истории главных героев так, как будто они настоящие друзья, переживает их чувства вместе с ними.

Кроме того, в ходе развития сюжета автор часто обращается к читателю, связывая свое «я» с реальностью за пределами романа, знакомой читателю. К примеру, автор-повествователь знаком с читателями «Руслана и Людмилы». Кроме того, он периодически связывает вымышленных героев и реальных людей или

¹²¹ Виноградов В.В. О теории художественной речи. М., 1971. С. 3.

¹²² Гуковский Г. А. Пушкин и проблемы реалистического стиля. М.: Гослитиздат. 1957. С. 166–167.

литературных образов из других произведений. Например, в первой главе Онегин сравнивается с Чаадаевым, описывается обед Онегина с Кавериним; в седьмой главе Татьяна привлекла внимание поэта И.И. Дмитриева; в восьмой главе она общалась с Вяземским, сравнивались также Ленский и поэт Языков с Вяземским. Именно поэтому читатель может почувствовать, что фигуры романа почти реальны.

Авторское «я» преисполнено ярко выраженным интересом ко всему в жизни: живописным пейзажам, деревне, блеску и роскоши высшего класса, духовным поискам современной молодежи и т.д., — все это вызывает трепет сердца автора. Это выражается посредством лирических отступлений, то есть разного рода размышлений, воспоминаний, пронизательных монологов, рассуждений касательно окружающего мира и персонажей романа, что демонстрирует глубокое духовное содержание авторского образа. Авторские лирические отступления — это и хлесткие, болезненные шутки, и мрачные глубокие мысли, и острая сатира, и искренние признания, и вздохи сожаления по прошедшей молодости, и взгляд в прекрасное будущее. Можно сказать, что повсеместно встречающиеся в романе в стихах лирические отступления полны жизнелюбия, ностальгии, восхищения творчеством, любовью и всем прекрасным. Связь реального и вымышленного мира расширяет ограниченный горизонт повествования от первого лица, позволяет автору-повествователю постоянно корректировать угол обзора, демонстрировать события и персонажей с разных точек зрения и разных уровней. К примеру, Онегин не только находится в поле зрения автора, но и других персонажей: благодаря авторскому всеведению можно проследить мнение об Онегине Татьяны, Ленского, высшего общества, соседей-помещиков, Зарецкого. Даже в видении авторского «я» Онегин представлен в разных ипостасях: пустой, ветреный представитель золотой молодежи, модный молодой человек, но в то же время вольнодумец, принадлежащий к тому же прогрессивному обществу, что и персонаж-автор, человек духовных исканий.

Безусловно, в образе автора можно четко проследить жизнь Пушкина. в романе периодически упоминаются важные этапы и события из жизни Пушкина:

отрочество в Царском селе, бурная петербургская юность, высылка из Петербурга («вреден север для меня»), желание увидеть «чуждые страны», жизнь в Одессе, беседы с няней в сельской местности и т.д. «Мир, в котором пишут роман и читают его, смешался с “миром” романа; исчезла рама, граница миров, изображение жизни смешалось с жизнью»¹²³. Именно поэтому в пушкиноведении многие ученые часто отождествляют образ автора с Пушкиным.

Такое мнение выражает Г.А. Гуковский в статье «Пушкин и проблемы реалистического стиля»: «Едва ли я ошибусь, если скажу, что самым обаятельным образом «Евгения Онегина» является образ самого Пушкина, все понимающего, умного, тонкого, жизнерадостного и задушевного поэта»¹²⁴. Г. П. Макогоненко выделяет автобиографические аспекты авторского образа, утверждая, что «образ автора-поэта автобиографичен — это Пушкин, создатель романа “Евгений Онегин”». Но Пушкин не в своем эмпирическом облике, а как художественно обобщенный образ»¹²⁵. Аналогичного мнения придерживается Л. А. Степанов, считая, что изменения в образе автора отражают эволюцию личности самого Пушкина, перемены его философско-исторических взглядов и художественно-творческих принципов в процессе работы над романом в стихах, «...складывается в нашем восприятии в единый образ автора — а именно Пушкина»¹²⁶.

Однако в силу функциональной сложности и многогранности авторского образа в романе многие пушкинисты выдвинули другие идеи. Б. В. Томашевский воспринимает этот образ в основном как литературного персонажа, хотя он также отражает черты самого Пушкина¹²⁷. И. М. Семенко считает, что авторский образ в «Евгении Онегине» отделен от самого Пушкина и представляет собой

¹²³ Бочаров С.Г. «Форма плана»: (Некоторые вопросы поэтики Пушкина) // Вопр. лит. 1967. № 12. С. 115-136.

¹²⁴ Гуковский Г. А. Пушкин и проблемы реалистического стиля. М.: Гослитиздат, 1957. С. 241

¹²⁵ Медведева И. «Горе от ума» А. С. Грибоедова. Макогоненко Г. «Евгений Онегин» А. С. Пушкина (изд. 2, исправл. и дополн.). М, ИХЛ, 1971. С.131.

¹²⁶ Степанов Л. А. Автор и читатель в романе «Евгений Онегин». В кн.: Пушкинские чтения на Верхневолжье. Сб. второй. Калинин. 1974. С. 46.

¹²⁷ Томашевский Б. Пушкин: [В 2 кн.] / Отв. ред. В. Г. Базанов; АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушк. дом). М; Л.: Изд-во АН СССР, 1956—1961. Кн. 1. (1813—1824). 1956. С. 607.

своеобразного «лирического героя», отражающего черты поэта. Образ автора «строится, конструируется Пушкиным. Соотношение автора с самим Пушкиным сложно; их точки зрения соприкасаются, часто совпадают, но могут и не совпасть»¹²⁸.

А. Г. Лаушкина еще больше отделяет образ автора «Евгения Онегина» от Пушкина. Исследовательница даже заявляет, что «ни одна фраза романа не может быть принята как простое «отражение» личных чувств автора»¹²⁹. Кроме того, при упоминании «тождественности» образа автора А. С. Пушкину Ю. М. Никишов считает само это выражение неудачным, заявляя, что «художественный образ по самой своей природе не может быть “равным”, “тождественным” живому человеку»¹³⁰.

Несмотря на различные позиции о вопросе «тождественности» образа автора Пушкину, их не следует рассматривать как взаимоисключающие. Так как образ автора в «Онегине» является многогранным, различные подходы к его восприятию представляют собой рассмотрение отдельных его аспектов. При этом стоит упомянуть мнение А.А. Гуревича об образе автора в «Онегинской энциклопедии». Учёный не рассматривает авторское «я» как «индивидуально-конкретный характер»¹³¹, а считает, что автор в романе «Евгений Онегин» выступает в роли воплощения определенного миропонимания и отношения к жизни. А.А. Гуревич также отмечает, что авторское «я» имеет трезво-критический взгляд, его интересует разнообразие мира, он представляет антидогматические взгляды и является этической нормой и идеалом. Персонажи романа развиваются как в сюжетном плане, так и представляют прошлый опыт автора. Герои, такие как Ленский, Онегин

¹²⁸ Семенко И. М. Поэты пушкинской поры. М.: Худож. лит., 1970. С. 26.

¹²⁹ Лаушкина А. Г. Композиционный и сюжетный центр романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин» // Вестник Московского университета. Филология. 1967. № 6. С. 32.

¹³⁰ Никишов Ю. М. Пушкин как герой своего стихотворного романа // Вопросы биографии и творчества А. С. Пушкина. Калинин, 1979, с. 24—46.

¹³¹ Гуревич А.А. Автор // Онегинская энциклопедия. Том 1. А-К. / Под общ. ред. Н.И. Михайловой. М.: Русский путь. 1999. С. 16

и сам автор, отображают разные этапы духовно-нравственной эволюции человека. Главной темой романа является «линия судьбы»¹³².

Кроме того, пушкинисты многократно писали о том, что автор присутствует в романе в нескольких вариациях для выполнения разных функций. В частности, Г.О. Винокуром названы автор-рассказчик, автор-участник описываемых событий и автор «как личность, обладающая собственной биографией»¹³³; И. М. Семенко выделяет два главных аспекта: «во-первых, “автор” как лирический герой “Евгения Онегина”, образ которого раскрывается преимущественно в лирических отступлениях; во-вторых, “автор-персонаж”, лично знавший героев»¹³⁴; Л.А. Степанов видит образ Пушкина как повествователя и участника событий (что едва ли справедливо: непосредственным участником описываемых событий автор не является), а философское, этическое и художественное сознание Пушкина проявляются в различных авторских тенденциях.

Поскольку образ автора в романе сложен и многогранен, ведется много споров о том, равнозначен ли он самому Пушкину. Основное различие заключается в том, где ставится акцент: на биографической интерпретации или на условности этого образа. При этом общепризнано, что авторское «я» выполняет функции повествователя романа, действующего лица в сюжете и лирического героя. Пушкинисты используют разные способы оценки образа автора и не придают ему всеобщего характера. Следовательно, в понимании образа автора важнее определить все его функциональные особенности.

Итак, главные герои, Онегин и Татьяна, второстепенные и эпизодические персонажи, автор-повествователь (то декларирующий свою близость к персонажам, то подчеркивающий их вымышленный статус) вместе образуют систему образов «Евгения Онегина», которая выделяется насыщенностью и реалистичностью.

¹³² Гуревич А.А. Там же. С. 19

¹³³ Винокур Г.О. Слово и стих в "Евгении Онегине" // Пушкин. М., 1941. С. 171

¹³⁴ Семенко И.М. О роли образа "автора" в "Евгении Онегине" // Тр. Ленингр. библиотеч. ин-та. 1957. Т. 2. С. 127

Каждый из них обладает своими уникальными чертами и индивидуальностью. Особенно глубина и сложность характеров Онегина и Татьяны позволяет им сохранять свою актуальность на протяжении времени и даже в разных культурах.

Литература об образах «Евгения Онегина» неисчислима. Мы рассмотрели авторитетные исследования и оценки разных персонажей романа в русской критике и литературоведении, которые так или иначе повлияли на работы китайских пушкинистов. Безусловно, они значимы для изучения интерпретации системы образов романа в Китае.

Глава 2. Рецепция «Евгения Онегина» в Китае до 1978 года¹³⁵.

11 февраля 1937 года, в разгар торжеств, приуроченных к столетию со дня смерти А.С. Пушкина, в Шанхае, на территории французской концессии (месте компактного проживания русских эмигрантов) при большом стечении народа торжественно был открыт памятник. Он представлял собой высокую стелу, на которой был установлен бронзовый бюст великого русского поэта. Сквер, на котором был воздвигнут памятник, стал популярным местом отдыха многочисленной эмигрантской и китайской публики, и вскоре получил неофициальное название «уголок поэта». В годы оккупации японскими войсками Шанхая памятник был скрытно снесен японцами в ноябре 1944 г., а бронзовый бюст был отправлен на переплавку. После изгнания японских захватчиков в Шанхае поднялась компания по восстановлению памятника, в которой приняли живое участие и русские эмигранты, и китайские любители Пушкина; в 1947 г. при содействии китайского отделения ТАСС и специалистов Государственной Третьяковской галереи в Москве был отлит новый бюст Пушкина, который привезли в Шанхай и водрузили на новый пьедестал. Однако и этот монумент, объединивший усилия лучших представителей советской, эмигрантской и китайской общественности, ждала печальная судьба: в августе 1966 года — начале Культурной революции¹³⁶, он был варварски разрушен хунвейбинами. В связи с политикой «реформ и открытости»¹³⁷ 1978 года в Китае по инициативе горожан

¹³⁵ При подготовке данной главы были использованы материалы статьи: *Чжу Янь*. Рецепция романа «Евгений Онегин» в Китае // Мир науки, культуры, образования. 2021. №.3(88). С. 549–552.

¹³⁶ Великая пролетарская культурная революция: серия идейно-политических кампаний 1966—1976 годах в Китае, развёрнутых и руководимых лично Председателем Мао Цзэдуном, либо проводимых от его имени. Цель проведения «культурной революции» состоит в противодействии возможной «реставрации капитализма» в КНР и «борьбы с внутренним и внешним ревизионизмом», так же нахождении собственного пути Китая к построению социализма. Однако из-за неясного понимания законов построения и развития социалистического общества, а также из-за кумулятивного развития ошибок «левых» в теории и практике многие правильные идеи по социалистическому строительству так и не были реализованы, что в конечном итоге привело к гражданской смуте.

¹³⁷ Политика реформ и открытости — программа экономических реформ, предпринятых в Китайской Народной

началась реставрация «уголка поэта». Наконец в августе 1987 года в третий раз там был воздвигнут памятник А.С. Пушкину (на сей раз — работы китайского скульптора Гао Юн Лонга).

Можно сказать, что история шанхайского памятника Пушкину — своего рода метафора, точнее — символический образ, отразивший сложный процесс восприятия Пушкина в Китае, а также рецепции пушкинских произведений. Из-за непрерывных войн и реформаторских потрясений до 1980-х годов у русской литературы была особая миссия с самого начала ее появления в Китае, политические требования к художественным произведениям становятся доминирующими в культурной жизни. Это характеристика сохранялась вплоть до 1978 года. В таком историческом контексте роман в стихах «Евгений Онегин» А. С. Пушкина, на котором мы фокусируемся в данной диссертации, интерпретировался с отчетливо китайской спецификой. Именно поэтому мы будем рассматривать 1978 год как важный рубеж для интерпретации пушкинского шедевра в Китае.

2.1 Первое знакомство с творчеством А.С. Пушкина и «Евгением Онегиным» (начало XX в. – 1920-е гг.)

Изучение русской литературы в Китае началось в конце XIX и начале XX вв. Согласно утверждению китайского литературоведа Гэ Баоцюань¹³⁸: «первый перевод и представление русского произведения в нашей стране начинается с

Республике, нацеленных на создание так называемого социализма с китайской спецификой, или социалистической рыночной экономики, и открытость внешнему миру. Реформы были начаты в 1978 по инициативе крыла прагматиков в Коммунистической партии Китая (КПК), которое возглавлял Дэн Сяопин, и продолжают по сей день. Политика реформ и открытости не только приводит к потрясающим переменам в экономике Китая, но и способствует непрерывным реформам в политике, частым обмену китайской и иностранной культурами.

¹³⁸ Гэ Баоцюань (1913–2000) — китайский литературовед, критик, журналист и переводчик с русского языка. Первый дипломат, отправленный за границу после образования Нового Китая. Известные работы: «Сборник стихотворений Пушкина», «Сборник литературоведческих работ о творчестве Горького». В 1988 году он получил орден Дружбы Народов.

Пушкина, это, хотя и случайно, но имеет огромное значение»¹³⁹. «Евгений Онегин» также был представлен в Китае в начале XX века. Несмотря на то, что первые критические статьи о данном произведении были очень краткими и малосодержательными, и строго говоря, не имели научной составляющей, их не следует игнорировать при описании процесса восприятия «Евгения Онегина» в Китае. Эти краткие очерки можно рассматривать как прототип научных исследований, посвященных «Евгению Онегину».

В начале XX века китайские читатели познакомились с Пушкиным-прозаиком: все его знаменитые романы и повести в первые 20 лет XX века были переведены на китайский язык, а переводов его поэзии не было. Такое явление связано с «революцией в прозе», пропагандируемой Лян Цичао¹⁴⁰. После поражения «ста дней реформ»¹⁴¹ (1898 г.) он призвал к «революции в прозе», считая, что политическая проза являлась главной причиной ускорения перемен в Европе и Америке. Так, в 1902 году в своей статье «Об отношениях между прозой и политическом режимом» он выдвинул лозунг: «Хотите обновить политику, нужно обновить прозу; хотите повысить культурный уровень народа, сначала нужно обновить прозу»¹⁴². Для достижения этой цели он предлагал конкретные методы: сначала переводить образцы политической прозы, а уж потом писать ее на родном языке. Лян Цичао придавал большое общественное значение прозе. Он основал журнал «Новая проза» для того, чтобы повысить политическую сознательность

¹³⁹ 戈宝权著. 中外文学因缘—戈宝权比较文学论文集. 北京: 北京出版社, 1992. P. 227 [Гэ Баоцюань. История взаимодействия китайской и зарубежной литературы. Сборник статей по сравнительному литературоведению. Пекин: Пекинское издательство, 1992. С. 227]

¹⁴⁰ Лян Цичао (1873–1929) — китайский философ, историк философии, учёный, литератор, государственный и общественный деятель, один из лидеров либерального реформаторского движения в Китае конца XIX – начала XX века.

¹⁴¹ Сто дней реформ: этап в истории Цинской империи, когда император попытался реформировать страну своими указами, но эта политика из-за мощного противодействия консерваторов и императрицы Цыси потерпела полное поражение; большинство же реформ, принятых во время «Ста дней», были отменены.

¹⁴² 梁启超. 论小说与群治之关系[J]. 新小说, 1902, (第 1 期). P. 31 [Лян Цичао. Об отношениях между прозой и политическом режимом // Новая проза. 1902. № 1. С. 31]

народа и вдохновить его патриотизм. Идея «революции в прозе» Лян Цичао потрясла сердца китайской интеллигенции, а также вызвала широкий общественный резонанс.

Неудивительно, что переводы прозы Пушкина появились раньше, чем переводы его поэзии: это было закономерно для описываемого исторического контекста.

Первым русским произведением, вышедшим на китайском языке в 1903 г., был любовный роман «История Смита и Мэри, или Сон бабочки в сердце цветка» (т. е. «Капитанская дочка» А. С. Пушкина), изданный шанхайском издательством «Да Сюань». Согласно исследованию Гэ Баоцюаня, процесс его перевода на китайский язык очень извилистым: китайский переводчик переводил его с японской версии, которая, в свою очередь, была переложением английского перевода¹⁴³. После этого в течение долгого времени преобладали переводы прозаических произведений Пушкина. Например, в 1920 году Шэнь Ин перевел повести «Станционный смотритель» и «Метель» (перевод последней вышел под заглавием «Сваха-снег»). Помимо этого, Ань Шоуи в 1921 году опубликовал «Дочь Цзябиданя» (второй перевод «Капитанской дочки»). В 1942 году вышел в свет сборник «Повести Пушкина» (на самом деле «Повести Белкина» в переводе Чжао Чэнчжи).

Переводы поэзии Пушкина пришли к китайскому читателю немного позже. В том числе роман в стихах «Евгений Онегин»; он был полностью переведен только в 1942 году. В первые два десятилетия XX века о нем было написано лишь несколько простых ознакомительных очерков. Стоит отметить, что большинство этих текстов были переводами с английского или японского.

Самая ранняя статья, познакомившая китайских читателей с «Евгением Онегиным», была переведена с японского языка. В июне 1897 года в журнале «Шиу Бао» была опубликована статья японского литератора Гучэн Чжун-Цзи «О

¹⁴³ 戈宝权.谈普希金的《俄国情史》(翻译文学史话)[J].世界文学,1962,(第 1-2 期). P. 233-240. [Гэ Баоцюань. Об «Истории Смита и Мэри» (об истории переводной литературы) // Мировая литература. 1962. № 1-2. С. 233-240.]

менталитете русского народа»: основная цель этой статьи – представлять русский менталитет. Статью сложно отнести к литературной критике, однако она по-своему интересна, поскольку впервые познакомила китайских читателей с великим русским писателем — А. С. Пушкиным. В статье упоминается «Бошицзинь» (т. е. А. С. Пушкин) и его герой «Эйуцзуни» (т. е. Онегин). Автор так описывал характер Онегина: «талантливый человек, любит говорить о делах государственной важности, но ничего не делает, он был заурядным человеком и ничего не добился в жизни»¹⁴⁴ и т. д. Хотя в статье было немного сказано об Онегине, автор дал ему достаточно отрицательную оценку.

В 1926 году Сунь Лянгун¹⁴⁵ скомпилировал книгу «Биографии зарубежных писателей», изданную «Китайским книгоиздательством»; в ее основу легла книга японского писателя Таваи Фумио «Двести писателей мира», в которой имелась глава, специально посвященная Пушкину, и затрагивалась история создания «Евгения Онегина».

Два года спустя Чжа Шиюань и Чжа Шицзи составили сборник «Краткое изложение шедевров мировой поэзии», основу которого составили материалы из книги «Толкование мировых шедевров» японского писателя Итиро Кимура. В сборнике первая часть была посвящена «Евгению Онегину», который считался авторами выдающимся произведением Пушкина. При этом говорилось о времени создания произведения, указывался год издания, а также давалось краткое содержание каждой главы. История любви Онегина и Татьяны подробно излагалась с использованием двух тысяч слов на байхуа¹⁴⁶. Это пересказ может рассматриваться как своего рода любовный роман на байхуа, в определенной

¹⁴⁴ 陈建华.中国外国文学的研究历程—苏俄文学的研究历程.重庆:重庆出版社.2016.P.46. [Академическая история изучения иностранной литературы в Китае/под ред. Чэнь Цзньхуа. Чунцин: Чунцинское Изд-во, 2016. Т. 7: Академическая история советско-русской литературы. С. 46].

¹⁴⁵ Сунь Лянгон (1894–1962) Педагог, лингвист, писатель и переводчик. Он был учителем каллиграфии у Мао Цзэдуна.

¹⁴⁶ Байхуа: стандартный современный китайский язык, он был обработан на основе разговорного современного китайского языка. Байхуа, близкое к языку повседневной жизни в противоположность вэньянь (старый классический китайский язык), широко использовался после «Движения 4 мая» 1919 г.

степени он популяризировал пушкинское произведение и стал предвестником поэтического перевода.

В 1931 году Народное издательство Хэнань опубликовало «Историю русской литературы», составленную Го Анжэнем¹⁴⁷, переведённую с конспекта доклада по истории русской литературы, который был прочитан (на английском языке) П. А. Кропоткиным на лекции в Бостоне (США). Во второй главе данной работы было представлено творчество А.С. Пушкина, где особое внимание автор уделял «Евгению Онегину». Помимо этого, автор приводил перевод двух отрывков из монолога Татьяны (8, XLVI — XLVII с пропуском некоторых строк). Содержание этих отрывков относится к моменту, когда Татьяна отвернулась от Онегина. И хотя они были переведены не слишком точно, а также без должного отражения ритма оригинала, данная публикация всё же заслуживает внимания исследователей китайской пушкинистики, поскольку является одной из первых попыток перевода «Евгения Онегина» в стихотворной поэтической форме.

Первым китайским автором, подробно написавшим о «Евгении Онегине», стал основоположник современной китайской литературы Лу Синь¹⁴⁸. В 1907 году в статье «О демонической силе поэзии»¹⁴⁹ он познакомил китайцев с Пушкиным и другими семью знаменитыми поэтами-романтиками, М. Ю. Лермонтовым, англичанами Байроном и Шелли, поляками Адамом Мицкевичем, Юлиушем Словацким и Зыгмунтом Красинским, венгром Шандором Петёфи.

Представляя поэтов-романтиков как «борцов духовного мира» и их поэтическое направление — в качестве антифеодального оружия, Лу Синь пропагандировал дух «поэта-демона», «поэта-мятежника», «мстительного поэта» и

¹⁴⁷ Го Анжень (1909–1908) — влиятельный прозаик в 30–40-х XX века.

¹⁴⁸ Лу Синь (1881–1936) — настоящее имя Чжоу Шужэнь, известный китайский писатель, литературовед, революционер, мыслитель, он оказал большое влияние на развитие литературы и общественно-политической мысли Китая первой половины XX века.

¹⁴⁹ В то время революционная фракция во главе с Сунь Чжуншанем (1866–1925) и реформистская фракция во главе с Кан Ювэем (1858–1927) и Лян Цичао (1873–1929) начали большой период полемики, Лу Синь встал на сторону революционной фракции и опубликовал «О демонической силе поэзии», «О культурном уклоне» и другие важные статьи.

«патриотического поэта», смело выдвигал идею прорыва через запретные зоны, отрешение от суеверия, идею спасения страны и народа и освобождения китайской нации.

В разделе о Пушкине Лу Синь написал краткую биографию писателя и особенно отмечал, что начиная с Пушкина русская литература стала более самостоятельной, его преемники стали создавать произведения более высокого художественного уровня, чем те, которые появлялись в допушкинский период. Лу Синь дал высокую оценку «Евгению Онегину», обращая внимание на следующую художественную особенность «романа в стихах»: при простом сюжете, не изобилующем событиями, он отличался богатством языка и детальным изображением русского общества первой трети XIX века. Вместе с тем Лу Синь отмечал, что на первые две главы «Евгения Онегина» также оказал влияние Байрон. По мнению Лу Синя, Онегин имел особенности байронического героя: «Он боролся против общества и отчаянно нуждался в человеческом мире»¹⁵⁰. Потом Пушкин постепенно избавился от влияния Байрона, и этому Лу Синь дал своё объяснение: личность Пушкина изменилась, он предпочитал борьбе «покой и волю», Байрон же был высокомерным и пессимистичным, до самой смерти боролся с обществом. Лу Синь считал, что после того, как Пушкин постепенно преодолел влияние Байрона, «его творчество стало более своеобразным» и он «окончательно сформировался как оригинальный и разносторонний русский национальный поэт»¹⁵¹. Хотя сейчас трактовка «Евгения Онегина», данная в статье Лу Синя, может показаться наивной и односторонней, для начального этапа освоения русской литературы в целом и пушкинского творчества в частности его интерпретация представляется весьма ценной.

Один из основателей китайской революционной литературы Цюй Цюбо¹⁵²

¹⁵⁰ 鲁迅.摩罗诗力说//河南杂志.1908.№3. P. 79–99 [Лу Синь. О демонической силе поэзии//Хэнаньский журнал.1908. №3. С. 86].

¹⁵¹ Лу Синь. Цит. Соч. С. 88.

¹⁵² Цюй Цюбо (1899–1935): один из основателей и руководителей Коммунистической партии Китая на ранних этапах её существования, пропагандист марксизма, общественный деятель, китайский публицист, прозаик и литературный

также оказал значительное влияние на пропаганду «Евгения Онегина» в Китае в первые 20 лет XX века. В 1917 году он вступил в учебный центр русского языка при Министерстве иностранных дел для изучения русского языка. В августе 1920 года он был нанят в качестве специального корреспондента газеты «Утро Пекина» и шанхайской газеты «Новости о текущих событиях» для работы в Москве. Во время поездки по России в 1921–1922 годах он написал «Историю русской литературы». В шестой главе своей книги, повторив известную формулу «Пушкин – это “солнце русской поэзии”», Цюй Цюбо уделил большое внимание биографии и творчеству А. С. Пушкина: подробно рассказал о формировании Пушкина как поэта, о его переимчивости, об имитации им образцов западноевропейской литературы. Потом Цюй Цюбо сосредоточился на «Евгении Онегине», представляя основное содержание романа в стихах. Цюй Цюбо впервые для китайской аудитории ввел понятие «лишний человек» и анализировал социальную причину появления этого социально-психологического типа. По его мнению, этой причиной было «социальное положение России при упадке крепостного права»¹⁵³. В образе Онегина Пушкин показал трагическую судьбу части дворянской интеллигенции его времени, которая стремилась к переменам, но ничего не добилась. Кроме того, Цюй Цюбо отмечал, что в этом знаменитом романе Пушкин действительно воспроизводил все аспекты русской жизни в начале XIX века, в нём описывались особенности повседневной жизни простых людей и реалии светского общества. Благодаря этому было создано первое реалистическое произведение, которое можно назвать «энциклопедией» русской жизни.

Цюй Цюбо был одним из немногих учёных, знавших русский язык в начале XX века и сумевших ознакомиться с самым произведением и русской критикой непосредственно, без языков-посредников. Он принимал выдвинутое русскими критиками и литературоведами мнение о том, что Онегин является «лишним

критик.

¹⁵³ 瞿秋白. 俄国文学史 (1922). 上海: 复旦大学出版社. 2004. P18. [Цюй Цюбо. История русской литературы / Шанхай: Изд-во Фуданьского университета. 2004. С. 18].

человеком», одновременно подчёркивая пассивный характер Онегина: «он был бестолковым, невежественным», «любит волочиться за женщинами», «просто эгоист»¹⁵⁴. Его мнение подводило к негативному восприятию Онегина. Следует сказать, что его негативный подход оказывал влияние на китайских толкователей «Евгения Онегина» в течение длительного времени.

Таким образом, в первые 20 лет XX века были переведены только прозаические произведения Пушкина. Соответственно полный китайский перевод «Евгения Онегина» ещё не появился; китайцы познакомились с «Евгением Онегиным» посредством кратких пересказов и переложений с японского или английского языка. Можно сказать, что первое знакомство «Евгений Онегин» в Китае было очень поверхностным. Вниманию китайских читателей были предложены только несколько отрывков шероховатого перевода. Но несмотря на эти недостатки, первое знакомство «Евгения Онегина», безусловно, состоялось и послужило основой для дальнейшего его исследования в Китае.

2.2 Интерпретация «Евгения Онегина» в военные годы (1930–1940-е)

1930–1940-е годы был период постепенного углубления китайской социальной революции, в это время разразилась подряд война против японских захватчиков (1937–1945) и освободительная война (1946–1949). В этой особой атмосфере китайские учёные не перестали исследовать «Евгения Онегина», хотя его изучение продолжалось в трудных обстоятельствах.

В 1930 году в Шанхае основоположником современной китайской литературы Лу Синем и деятелем Коммунистической партии Китая Цюй Цюбо была создана лига левых писателей (или левая лига). Левая лига выступала за марксистские методы критики для оценки существующих литературных явлений, разоблачала и критиковала общественные изъяны, уделяла особое внимание мировоззрению писателей и тому, как реальность отражается в их произведениях.

¹⁵⁴ Цюй Цюбо. Цит. соч. С. 31.

Уже после Мукденского инцидента¹⁵⁵, особенно после первого Шанхайского сражения¹⁵⁶, Левая лига включилась в борьбу против японского империализма и Чан Кайши¹⁵⁷, призвав революционных литературных деятелей использовать литературу и искусство как идеологическое оружие, как средство пропаганды национально-освободительных идей. Левая лига, следуя примеру русской и советской литературы, естественно, не могла игнорировать А. С. Пушкина — основателя русской литературы.

Начиная с 1930-х годов лига левых писателей провела три торжественных мероприятия в память А.С. Пушкина, отметив 100-летие со дня смерти великого русского поэта в 1937 году, 110-летие со дня смерти А.С. Пушкина в 1947 году и 150-летие со дня рождения поэта в 1949 году. Благодаря этим мероприятиям пушкиноведческие труды и переводы пушкинских произведений выпускались непрерывно; специальные памятные выпуски или памятные сборники о Пушкине появились в большом количестве.

Приведём в пример 1937 год, когда вышли в свет: «Сборник произведения Пушкина»¹⁵⁸, «Памятный сборник в честь 100-летия со дня смерти Пушкина»¹⁵⁹, альманах «А. Пушкин»¹⁶⁰; альманах «Исследование о Пушкине»¹⁶¹; «сборник

¹⁵⁵ Инцидент 18 сентября (подрыв железной дороги около Мукдена (сегодня г. Шэньян) и последовавшее за этим наступление Квантунской армии Японии на китайские позиции, что стало началом захвата Маньчжурии и предвестием Второй мировой войны на Дальнем Востоке.

¹⁵⁶ Серия боёв (28 января — 3 марта 1932) в Шанхае и его окрестностях между войсками Китайской Республики и Японской империи.

¹⁵⁷ Военный и политический деятель Китая, возглавивший партию Гоминьдан (консервативная политическая партия) в 1925 году после смерти Сунь Ятсена — президент Китайской Республики, маршал и генералиссимус.

¹⁵⁸ 瞿洛夫选编.普式庚创作集.上海光明书局,1937.03.300p. [Сборник произведения Пушкина / Под ред. Цюй Лофу. Шанхай: Шанхайский книжный магазин «Свет». 1937. 300 с.]

¹⁵⁹ 中苏文化协会上海分会主编; 达恣编辑.普式庚逝世百周年纪念集.商务出版社,1937.621p. [Памятный сборник в честь 100-летия со дня смерти Пушкина / Под ред. Шанхайское отделение Китайско-советского культурного объединения. Шанхай: Изд-во коммерческих дел. 1937. 621с.]

¹⁶⁰ 中苏文化协会普希金逝世百周年纪念筹备委员会编.А.普式庚.中苏文化协会,1937.40p [А. Пушкин / Под ред. подготовительный комитет к столетию со дня смерти Пушкина Китайско-советского культурного объединения. 1937. 40 с.]

¹⁶¹ А·亚尼克斯德等著; 茅盾等译.普式庚研究.生活书店,1937.02.330p [Исследование о Пушкине / Шанхай: книжный

рассказов Пушкина»¹⁶². «Издательство переводов» последовательно в 1936 году и 1937 году выпускало специальные издания о Пушкине: «Специальное издание о Пушкине»¹⁶³ (1936) и «Издание в честь 100-летия со дня смерти Пушкина»¹⁶⁴ (1937). Кроме того, известные периодические издания того времени, связанные с Россией и СССР, например, «Критики о СССР и России» (1931–1937, 1934–1937), «Культура Китая и России»(1942–1949), в феврале 1937 года опубликовали более десятка статей, посвящённых произведениям Пушкина и в том числе «Евгению Онегину».

В отличие от первых двух десятилетий XX века в 1930–40-х годах представление Пушкина и его романа в стихах осуществлялось не только посредством статей, переведённых с английского или японского языка (см. «Русская литература» М. Бэринга¹⁶⁵ и «Пушкин и байронизм» Шэнчжумэна¹⁶⁶), но и путём перевода важных статей и литературных монографий русских писателей и критиков: «О Пушкине» А. М. Горького (выполненный переводчиком Ци Шэном)¹⁶⁷, «О Пушкине» Ф. М. Достоевского (выполненный переводчиком Сунь Юн)¹⁶⁸, «Об “Онегине”» Н. В. Некрасова (выполненный переводчиком Жун Гу)¹⁶⁹, «Горький о

магазин «жизнь». 1937. 330 с.]

¹⁶² (苏) 普式庚著; 孟十还译. 普式庚短篇小说集. 上海: 文化生活出版社, 民国 26.05. 338p [Пушкин А. С. Сборник рассказов Пушкина / пер. Мэн Шихуань. Шанхай: издательство «литературная жизнь». 1937. 338с.]

¹⁶³ 普式庚特辑[J]. 译文, 1936, (第 1 期). 106p. [Специальное издание о Пушкина // Перевод. 1936. №1. 106 с.]

¹⁶⁴ 普式庚逝世百年纪念号[J]. 译文, 1937, (第 6 期). 57p [Издание в честь 100-летия со дня смерти Пушкина // Перевод. 1937. № 6. 57 с.]

¹⁶⁵ Морис Бэринг (1874 – 1945), английский литератор, известен как драматург, поэт, прозаик, переводчик и публицист.

¹⁶⁶ Известный японский исследователь русской литературы в начале XX века.

¹⁶⁷ 高尔基, 齐生. 论普希金(1799–1783)[J]. 时事类编, 1937, (第 14 期. P109–119, 第 15 期 P89–102). [А. М. Горький/пер. Ци Шэн. О Пушкине (1799 – 1837) // Текущая обстановка. 1937. №14. С. 109 – 119. №15. С. 89 – 102].

¹⁶⁸ 普式庚论 (演讲): 杜思退益夫斯基木刻. 译文, 1935, (终刊号). P9–34. [Ф. М. Достоевский /пер. Сунь Юн. О Пушкине (Лекция) // Перевод. 1935. (окончательный выпуск). С. 9–34].

¹⁶⁹ 涅克拉索夫, 融谷. 关于“奥涅金”. 时事类编, 1936, 第 18 期. P105–111 [Н.В. Некрасова /пер Жун Гу. Об «Онегине» //Текущая обстановка. 1936. №18. С.105–111].

Пушкине» А. И. Сергиевского (выполненный переводчиком Чунь Лэй)¹⁷⁰ и т. д.. Эти работы оказали значительное влияние на китайских учёных, и многие из них цитировали высказывания из этих статей. «Евгений Онегин» также был переведён в этот период на китайский язык. В тридцатые годы несколько переводчиков, например, Линь Хуаньпин, Жун Гу, Ся Сюаньин, Ли Ни, Мэн Шихуань, переводили отрывки «Евгения Онегина» на китайский язык ; в 1942 году Су Фу¹⁷¹ сделал полный перевод с Некрасовского текста на эсперанто¹⁷²; в 1944 году вышел в свет другой полный китайский перевод «Евгений Онегин», осуществлённый Люй Ином¹⁷³ впервые с русского оригинала.

По мере того как Китай вступал в стадию бурной социальной революции и стремительного развития левого культурного движения, наметилась постепенная тенденция к повышению оценки Пушкина в Китае, образ Пушкина приравнивается к «поэту революции». В переводческих кругах прослеживалось такое стремление: его стихи, прославляющие свободу и революцию, восстающие против самодержавия и крепостного права, неоднократно переводились и всячески восхвалялись, например, ода «Вольность», стихотворение «Деревня» и «К Чаадаеву», послание «В Сибирь» («Во глубине сибирских руд...»), «Арион» и т.п. Благодаря широкому распространению этих стихотворений образ Пушкина закрепился в сознании китайского народа. Имя Пушкина всё чаще стало упоминаться не только в историко-литературных трудах, но и в публицистике. В частности, генерал Шу Жун¹⁷⁴, посвятил гибели поэта статью, красноречиво озаглавленную «Как царь убил Пушкина». В ней указывалось, что Пушкин нападал «на лицемерие, жадность, коррупцию и беспорядок двора»¹⁷⁵, его стихотворения

¹⁷⁰ 雪纪衣夫斯基作,春雷译.高尔基论普式庚. 译文, 1936, 第1期. P 9–12 [А. И. Сергиевский /пер. Чунь Лэй. Горький о Пушкине // Перевод. 1936. №1. С. 9–12].

¹⁷¹ Фэн Цзяньнань (1911–1961): тайлонец китайского происхождения, писатель под псевдонимом Су Фу.

¹⁷² Перевод «Евгения Онегина», сделанный Н.В. Некрасовым в 1931 г.

¹⁷³ Хэ Ди(1915–1969): Литературно-художественный теоретик и переводчик. Его псевдоним — Люй Ин.

¹⁷⁴ Шу Жун(1903–1974) : Генерал национальной партии.

¹⁷⁵ 舒荣, 沙皇是怎样杀死普式庚的, 载《世界知识》, 第五卷, 第十期. 1937. 2月 P. 546–549. [Шу Жун. Как царь

вызвали ненависть царя, и поэтому царь убил Пушкина руками Дантеса. Эту же мысль проводил и переводчик Хуан Юань¹⁷⁶: в биографическом очерке «Жизнь Пушкина» он подчеркивал, что Пушкин любил свободу, «не поддавался царскому двору и был убит царём»¹⁷⁷. Популярный в своё время поэт-песенник Ши И в поэтической форме восхвалял бессмертный образ Пушкина, «стремящегося к свободе, ищущего света, предающего дворянство и, наконец, убитого в результате заговора, но остающегося навсегда в сердцах народа»¹⁷⁸. Китайский поэт-революционер Пу Фэн указывал, что в своих стихотворениях Пушкин «восхвалял декабристов, воспевал свободу, иронизировал над самодержавием, особенно высмеивал цензуру»¹⁷⁹.

Писатель Линь Вэй рассматривал Пушкина как национального поэта с великим революционным духом. «Хотя он (Пушкин) не присоединился к декабристам и не принимал непосредственное участие в политической деятельности, он в поэзии, в сказках, в прозе, во всех видах литературных форм выражал свою ненависть к царю, недовольство тиранией, стремление к свободе и освобождению, сопротивление всем силам тьмы»¹⁸⁰. Кроме того, Линь Вэй считал, что произведения Пушкина имели три основные характеристики: «первая — это любовь к родине (принцип национализма), вторая — сопротивление самодержавию (принцип демократии), а третья — сочувствие общественности (принцип

убил Пушкина // *Мировое знание*, 1937, Т. 5, №10. С. 546–549].

¹⁷⁶ Хуан Юань(1905–2003): Переводчик с русского и японского языков.

¹⁷⁷ 黄源, 普式庚的一生, 载《月报》, 一卷2期, 1937年2月15日. P21–32 [Хуан Юань. Жизнь Пушкина // *Ежемесячник*, 1937, Т. 1, № 2. С. 21–32].

¹⁷⁸ 施谊, 一百年了, 阴谋的决斗—为普希金百年祭做歌, 《光明》, 第二卷, 第5号. 1937. P. 1112–1113 [Ши И. Сто лет прошло, коварная дуэль — песня к 100–летию со дня смерти Пушкина // *Светлая ясность*. 1937. Том 2, № 5. С. 1112 – 1113].

¹⁷⁹ 蒲风, 普式庚在歌唱, 黄安榕, 陈松溪编. 蒲风选集 (上). 福州: 海峡文艺出版社, 1985. P.706–711 [Пу Фэн. Пушкин поёт // *Альманах Пу Фэна*, ред. Хуан Аньжон, Чэнь Сунси. Фучжоу: литературно-художественное издательство пролива, 1985. С. 706–711].

¹⁸⁰ 林薇. 民族诗人普式庚. 文艺杂志, 1937, 第2期. P.113–115 [Линь Вэй. Национальный поэт Пушкин // *Литературный журнал*, 1937, № 2. С. 113–115].

народного благосостояния)»¹⁸¹. Так что, на взгляд Линь Вэй, Пушкин является писателем, чьё творчество в полной мере соответствует «трём народным принципам»¹⁸²: принцип национализма, принципа демократии и принципа народного благосостояния.

Таким образом, Пушкин считался «своим» «поэтом революции» в Китае того времени; почти все его произведения трактовались как произведения «революционного реализма» с сильным революционным и бунтарским духом. Естественно, его роман в стихах «Евгений Онегин» не являлся исключением. В 1930–1940-е годы «Евгений Онегин» в Китае расценивался как величайшее произведение Пушкина, в котором поэт реалистично описывал русское общество, как произведение, исполненное иронии, проникнутое критицизмом по отношению к дворянскому обществу.

Примечательно, что многими интерпретаторами «романа в стихах» Онегин воспринимается как сугубо отрицательный персонаж. В качестве типичных примеров можно привести статьи Е Чуши¹⁸³ «Пушкинский Евгений Онегин»¹⁸⁴ и Бай Му¹⁸⁵ «После прочтения Евгения Онегина»¹⁸⁶. Рассмотрев эти тексты, мы увидим, что китайские учёные того времени дали чрезвычайную высокую оценку Пушкину и его роману в стихах, но совершенно негативную оценку Онегину.

¹⁸¹ Линь Вэй. Цит. соч. С. 113.

¹⁸² Три народных принципа: весьма влиятельная в Китае политическая доктрина, разработанная китайским политиком и философом Сунь Ятсеном.

¹⁸³ Хуан Тяньбай (1892–1963): переводчик, педагог по китайскому языку и по китайской истории. С 1916 года работал редактором и переводчиком в Университете Святого Иоанна, стал в этот период христианином. С 1936 года он стал преподавателем в факультете китайской литературы в Университете Святого Иоанна. Его псевдоним – Е Чуши.

¹⁸⁴ 叶秋士·普希金的叶弗格尼奥尼金[J].新中华,1937,第7期,19–25. [Е Чуши, Пушкинский Евгений Онегин // Новый Китай. 1937. №7. С. 19–25].

¹⁸⁵ Ван Минхэн (1912 – 1984): Член Коммунистической партии. В 1932 году он поступил на факультет иностранных языков и факультет философии Чжэцзянского университета. Он принимал активное участие в Лиге левых писателей, а также был главным редактором «Ежедневника рабочих». Его псевдоним – Бай Му.

¹⁸⁶ 白木.读欧根·奥尼金走笔[J].苏俄评论,1937,(第2期). P39–49 [Бай Му. После прочтения Евгения Онегина // Критики о СССР и России. 1937. № 2. С. 39 – 49]

Е Чуши, в начале своей статьи сопоставляет «Евгения Онегина» со множеством схожих произведений европейской и русской литературы. Автор приходит к выводу, что пушкинский роман в стихах превосходит поэму Байрона «Дон Жуан» и по содержанию, и по форме. В частности, Е Чуши отмечает, что глубокий реализм «Евгения Онегина» отличается от романтизма, представленного в произведении Джона Китса «Канун святой Агнесы», содержание которого, на взгляд исследователя, достаточно старомодное. Помимо этого, автор проводит сравнение и поиск отличий между творчеством А.С. Пушкина и романом «Герой нашего времени» М. Ю. Лермонтова. Е Чуши отмечает, что в лермонтовском романе протагонист во многом отражает позицию автора, в то время как в произведении Пушкина такого совпадения взглядов между главным персонажем и автором не наблюдается. Е Чуши подчёркивает, что среди всех произведений, опубликованных в то же время, что и «Евгений Онегин», наиболее удачными для сравнения являются роман «Красное и чёрное» Стендаля, а также роман «Госпожа Бовари» Гюстава Флобера.

Кроме того, в своей работе Е Чуши также кратко рассмотрел основное содержание данного романа в стихах, дав критическую оценку его сюжету и поведению персонажей. Так, исследователь критикует Онегина: «Он всю жизнь был слепым подражателем... все его поведение в романе, а также мизантропическое настроение — ничто иное, как простое следование моде»¹⁸⁷. Говоря о том, почему Онегин убил Ленского, Е Чуши объясняет мотивы Онегина завистью. Рассматривая данный вопрос, исследователь утверждает, что Онегин завидует поэтическому таланту Ленского и его способности любить Ольгу всем сердцем.

Однако, по нашему мнению, данное утверждение свидетельствует о поверхностном подходе к образу Онегина со стороны исследователя. Причины этого убийства следует искать в особенностях характера Онегина: он эгоист, хотя причина дуэли очевидно заключилась в недоразумении, Онегин не отказался от

¹⁸⁷ Е Чуши. Цит. соч. С. 20.

выстрела из-за боязни быть смешным или сделаться предметом сплетен. И зависть, вероятно, является лишь одной из причин.

Таким образом, Е Чуши приходит к заключению, согласно которому «величайшей трагедией в произведении является не мизантропическое настроение Онегина, не смерть Ленского, а то, что Татьяна окончательно попала в ненавистное ей общество, из которого Онегин хотел убежать»¹⁸⁸. Автор статьи подразумевает, что трагедия общества — это трагедия каждого его члена, только полностью изменив это мерзкое общество, каждый может избежать такой трагедии.

Другой китайский исследователь, Бай Му, уделяет особое внимание дуэли между Онегиным и Ленским, а также рассматривает особенности любовных взаимоотношений Онегина и Татьяны. В его статье «После прочтения романа “Евгений Онегин”» приводится анализ обстоятельств убийства Ленского Онегиным, где автор отмечает данное событие как символ «конфликта между реальностью и идеалом». Смерть Ленского на дуэли, согласно мнению исследователя, предвещает крушение идеалов. Кроме того, Бай Му критиковал поведение Онегина, полагая, что он — типичная отрицательная фигура, воплощающая особенности той группы людей, которую Пушкин ненавидел. Онегин — «один из поверхностных аристократов», который «поклоняется западноевропейской цивилизации»¹⁸⁹. В то время как Татьяна, «не заражённая западноевропейской культурой, отражает уникальные особенности русского национального характера. Через историю трагичной любви главных героев Пушкин пытается проиллюстрировать сложное отношение между западноевропейской и древней русской цивилизациями, и это отношение воплощается двумя типичными героями»¹⁹⁰. Вводя образы Евгения Онегина и Татьяны Лариной в контекст китайской литературы, Бай Му отмечает, что история их любви напоминает любовь Чжан Шэна и Цуй Инина из классической прозы

¹⁸⁸ Там же.

¹⁸⁹ Бай Му. Цит. соч. С. 42

¹⁹⁰ Там же.

«Жизнеописание Ин-ин», написанной в эпоху династии Тан (618 – 907) китайским драматургом Юань Чжэнем (779– 831). Поскольку далеко не все русские читатели знакомы с этим произведением, вкратце перескажем его сюжет. Интеллигент Чжан Шэн и Цуй Ин-ин — дочь умиравшего сановника влюбились, они часто встречались. Пришло время Чжан Шэн отправился в столицу сдавать экзамены, но потерпел неудачу, домой решил не возвращаться. Он и Ин-ин писали друг другу любовные письма, дарили друг другу подарки, чтобы выразить свою любовь. В конце концов Чжан Шэн изменил Ин-ин и бросил её. Через год Ин-ин выдала замуж, женился и Чжан Шэн. Однажды Чжан Шэн хотел ещё раз встретиться с Ин-ин, а она написала ему стихи, в которых отказывалась от прежней любви. Стихи заканчивались строками: «Любовь, что вы мне подарили, / Отдайте молодой жене»¹⁹¹. Эти строки, по мнению Бай Му, очень похожи на слова Татьяны: «Но я другому отдана; я буду век ему верна». Гораздо позже, уже в 2000-е годы, сравнение любовной истории в произведениях «Евгений Онегин» и «Западный флигель»¹⁹² стало одной из наиболее изучаемых тем китайского пушкиноведения¹⁹³.

Далее, опираясь на реалии китайского общества того времени, Бай Му анализировал сходства между китайским обществом и обществом, изображённым в романе в стихах: «Тихая, но сдержанная Татьяна, идеализированная Пушкиным, по характеру имеет много общего с китайскими девушками. Разумность, проявленная Пушкиным в изображении героя, напоминает философское учение Конфуция о середине¹⁹⁴. Молодые девушки часто невольно выходят замуж за

¹⁹¹ Все шедевры мировой литературы в кратком изложении. Сюжеты и характеры. Зарубежная литература древних эпох, средневековья и Возрождения / Ред. и сост. В. И. Новиков. М.: Олимп: АСТ, 1997. С. 575.

¹⁹² В правление династии Юань (1271–1368) китайский драматург Ван Шифу (1260–1336) на основе «Жизнеописание Ин-ин» написал классическую драму «Западный флигель».

¹⁹³ Например: 黄海宁.对《叶甫盖尼·奥涅金》中达吉雅娜形象的再认识[J].沈阳农业大学学报(社会科学版),2008,第3期. 370–372 [Хуан Хайнин. Переосмысление образа Татьяны в «Евгении Онегине» // Вестник Шэньянского сельскохозяйственного университета (издание по социальным наукам), 2008, №3. С. 370–372]. В этой статье автор сопоставляет любовь Татьяны с любовью Цуй Инина, чтобы анализировать культурный контекст, который порождает такие черты Татьяны.

¹⁹⁴ Учение о середине выступает за то, что надо относиться к вещам беспристрастно, излишек так же плох, как

пожилых дворян; помещики угнетают слуг; мягкий реформизм как у Онегина, — это всё можно увидеть в современном китайском обществе»¹⁹⁵.

В конце статьи автор отклоняется от содержания романа в стихах, утверждая, что в российском обществе, описанном Пушкиным, было много общего с нынешним Китаем. «В России сейчас уже началось обширное социалистическое строительство, создан Советский Союз, который добился блестящих успехов». Бай Му указывает, что «социалистическое строительство СССР — это светлое будущее, к которому должен стремиться Китай»¹⁹⁶.

Аналогичного вывода придерживается не только Ба Му, но и другие интерпретаторы. Бин Лин в статье «“Евгений Онегин” и “Герой нашего времени”»¹⁹⁷ подводил читателя к следующему выводу: «Победа поэта заключается в борьбе с царем и обществом, именно поэтому (Пушкин) создал классическое произведение реалистического искусства»¹⁹⁸. В статье «Некоторые характеристики Евгения Онегина»¹⁹⁹ Чжоу Ганмин рассматривает Онегина как «человека с противоречивым характером», который часто появлялся в период социальной трансформации. «Когда читаем эту книгу («Евгений Онегин»), мы должны учиться у духа поэта (Пушкина), стремящегося к истине, добре и красоте. В нашей жизни неправильно идти по пути Онегина»²⁰⁰.

Таким образом, мы видим, что помимо интерпретаций отдельных образов «Евгения Онегина» китайскими исследователями 1930–1940-х годов, интересны их замечания относительно актуальности пушкинского романа в стихах. Считая, что произведение Пушкина обладает непреходящей ценностью, они настаивали на том,

недостаток. Это учение является одной из основных концепций конфуцианства.

¹⁹⁵ Бай Му. Цит. соч. С. 42.

¹⁹⁶ Там же.

¹⁹⁷ 冰菱. “欧根·奥尼金”与“当代英雄”. 希望, 1945, 第 1 期. P.102–103 [Бин Лин. «Евгений Онегин» и «Герой нашего времени» // Надежда. 1945. № 1. С. 102–103].

¹⁹⁸ Бин Лин. Цит. Соч. С. 103.

¹⁹⁹ 周钢鸣.关于《欧根·奥尼金》的几个问题.诗创作,1942,第 15 期. P. 48–55[Чжоу Ганмин. Некоторые характеристики «Евгения Онегина» // Создание стихотворения. 1942. №15. С. 48–55].

²⁰⁰ Чжоу Ганмин. Цит. Соч. С. 55.

что китайский народ должен извлечь уроки из трагедии Онегина.

Подобный вывод, конечно, был обусловлен ситуацией, сложившейся в китайской культуре. После Октябрьской революции Российская ассоциация пролетарских писателей (РАПП) стала самой массовой организацией среди других писательских союзов и объединений в СССР. Литературно-художественные теории РАППа вскоре были представлены в Китае с помощью китайских левых писателей и оказали большое влияние на китайское левое литературное движение. По мнению писателя Шэнь Ци, главные особенности этого влияния заключаются в следующем: «На первый план выдвигается пролетарская литература, которая непоколебимо придерживается партийного принципа»²⁰¹, «больше внимания уделяется политической мысли, художественность занимает второстепенное место»²⁰².

Итак, из вышеперечисленных статей видно, что Онегин воспринимался не столько как художественный образ, сколько как воплощение определенного социального типа, как отрицательный пример, который не подходил для контекста китайской политики и культуры того времени. Для того чтобы представить создателя «Евгения Онегина» «поэтом революции», многие китайские авторы 1930-х укрепляли и подчёркивали критическое отношение Пушкина к Онегину, иными словами, с их точки зрения, Онегин появился в творчестве поэта только как объект критики.

Если в первые два десятилетия XX века знакомство с «Евгением Онегиным» в Китае было поверхностным, то в 1930-е и 1940-е годы изучение «Евгения Онегина» характеризовалось главным образом расширением перспектив исследования. На понимание «Евгения Онегина» в этот период все ещё влияли английские и японские тексты. Но благодаря обширному переводу трудов русских авторов, на него стала оказывать больше влияние русская пушкинистика. По мере появления полного китайского перевода произведение было представлено в более

²⁰¹ 沈栖.论“拉普”对我国左翼文艺运动影响[J].中州学刊,1988,(第 4 期). [Шэнь Ци. О влиянии РАППа на левое литературное движение в Китае // Журнал Чжунчжоу, 1988. № 4. С. 34].

²⁰² Шэнь Ци. Цит. Соч. С. 34.

полном виде, стало появляться небольшое количество критических статей (как указано выше) с относительно глубокомысленными замечаниями, перспективы интерпретации становились более обширными. В описываемый период китайские интерпретаторы «Евгения Онегина» высоко оценивали Пушкина и его произведение, но относились к Онегину однозначно отрицательно и утверждали, что отношение Пушкина к Онегину также критично. Они подчёркивали революционный реализм в романе в стихах, хвалили Пушкина за критику аристократии, за его конфликт с царём, призывали китайский народ принять образ Онегина как предостережение против незадачливой аристократической молодёжи в феодальном обществе. При этом рассуждения о пушкинском герое нередко венчались идеологическими лозунгами: вся китайская молодёжь должна учиться у народа СССР, чтобы строить в Китае социализм.

Наконец, рассмотрим общее изучение русской литературы в Китае в 1930-е и 1940-е годы. Хотя китайские учёные признали авторитет «Евгения Онегина», китайцы не проявляли особого интереса ни пушкинскому роману в стихах, ни к его исследованиям. Как заметил русский исследователь В. Третьяков: «... когда литературную сцену в Китае заняли “левые”, интерес начал смещаться с классики XIX в. на социалистическую литературу Советского Союза, наиболее популярными представителями которой были в Китае Горький, Фадеев и Островский; вместе с ними активно популяризировалась и марксистская литературная критика. Эта тенденция продолжалась до 1949 г.»²⁰³. Причина состоит в том, что целью переводов и исследований зарубежной литературы (в том числе и русской) в 1930-е и 1940-е годы было соответствие политическим задачам — борьбе за национальное спасение и выживание, — а не духовным потребностям интеллектуальной элиты или литературному просвещению, начавшемуся с движения 4 мая 1919 года. Война с Японией придавала ещё большую целенаправленность китайско-российскому литературному обмену — главное

²⁰³ Третьяков В. Русская литература в Китае//Новое литературное обозрение. 2011. № 4. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2011/4/russkaya-literatura-vkitae.html> (дата последнего обращения: 02.03. 2021)

внимание уделялось антивоенной литературе. Поэтому не трудно представить, что переведённый «Евгений Онегин» в Китае был встречен относительно холодно читательской публикой. Несмотря на возросший интерес к творчеству Пушкина, литературоведческие исследования его романа в стихах были относительно немногочисленны. По статистике, до основания нового Китая (1949) было не менее сотни научных работ по Пушкину, но всего только несколько статей, посвящённых «Евгению Онегину».

Из вышесказанного следует, что в 1930-е и 1940-е годы изучение «Евгения Онегина» проводилось в трудных обстоятельствах. Учёные обращались к русской литературе исходя из своих коммунистических убеждений, придавая изучению романа в стихах больше политической окраски, приспособлявая его к собственным политическим и идеологическим нуждам. Во всяком случае, исследования данного периода заложили основу для более масштабного и глубокого изучения «Евгения Онегина», начавшегося в послевоенные годы.

2.3 Интерпретация «Евгения Онегина» после основания КНР (1949 –1978)

Лозунг «Учиться у СССР, равняться на СССР!» стал весьма популярным после образования Нового Китая в 1949 г. Создатель КНР Мао Цзэдун подчёркивал в статье «О народно-демократической диктатуре»: «...для того, чтобы одержать победу и закрепить её, мы должны склоняться в одну сторону... китайцы должны склониться либо на сторону империализма, либо на сторону социализма. Сидеть на заборе не годится... В международном плане мы принадлежим к стороне антиимпериалистического лагеря, возглавляемого Советским Союзом, и поэтому мы можем обратиться только к этой стороне за подлинной и дружественной помощью, а не к стороне империалистического лагеря»²⁰⁴.

²⁰⁴ 毛泽东：论人民民主专政，《毛泽东选集》第四卷，北京：人民出版社 1991 年版，1362,1364. [Мао Цзэдун. О демократической диктатуре народа // Избранные произведения Мао Цзэдуна. Т. 4. Пекин: Народное издательство, 1991. С. 1362, 1364].

Идеология «склоняться в одну сторону» создавала благоприятные условия для перевода и исследования русско-советской литературы. Перевод русско-советской литературы повсеместно поддерживается и поощряется. В течение первых десяти лет после образования Нового Китая количество русскоязычной литературы, переведенной на китайский язык, было поразительным, и значительно превышало сумму переводов за предыдущее полвека. Согласно статистике, за первых десяти лет после 1949 г. издательство народной литературы, Шанхайское издательство литературы и искусства, детское издательство и другие важные издательства того времени выпустили по триста-четыре вида русско-советской литературы, тираж каждого из которых составил 120 миллионов экземпляров; с октября 1949 года по декабрь 1958 года в Китае было переведено 3526 русско-советских литературных произведений (без учета произведений, опубликованных в прессе), тираж которых составил более 82 миллионов экземпляров, что составляет около двух третей видов всех переведенных иностранных литературных произведений и три четверти общего тиража за тот же период²⁰⁵.

Не только количество переводов увеличилось, но и качество перевода в этот период также вышло на новый уровень. С момента образования Нового Китая наблюдался беспрецедентный бум в изучении русского языка. Всё больше и больше переводчиков, подготовленных официальными учреждениями, обладающих высоким культурным уровнем, присоединилось к команде переводчиков русской литературы, что позволило команде постоянно укрепляться и расширяться. С тех пор полностью изменилась ситуация, когда большинство произведений русской литературы было переведено с помощью языка-посредника. Безусловно, это гарантирует точность перевода и повышение качества исследований.

Новые переводы «Евгения Онегина» также вышли в свет. Одновременно переиздавались старые переводы после исправления: в 1950 годах издательство

²⁰⁵ 苏联文学是中国人民的良师益友[M].北京:新华书店北京发行所,1960,№1.64 [Советская литература — наставник и друг китайского народа. Пекин: Пекинское издательство книжного магазина «Синьхуа», 1960, № 1. С. 64.]

“Хайянь” переиздало перевод «Евгения Онегина», выполненный Люй Ином в 1944 году; потом Люй Ин совершенствовал свой перевод, и эта версия была опубликована Пекинским народным издательством в 1954 году. В том же году шанхайское издательство “Пинмин” опубликовало новый перевод романа в стихах «Евгений Онегин», выполненный переводчиком Чжа Лянчжэном²⁰⁶. Потом его перевод был переиздан шанхайским издательством «Культурная жизнь» в 1956 году.

Кроме того, в этот период внимание китайских ученых привлекли труды российских критиков В.Г. Белинского, Н.Г. Чернышевского и Н.А. Добролюбова, канонизированных к тому времени в Советском Союзе; исследователи Пушкина познакомились с их литературной теорией и систематически использовали в своих работах. Издательство “Время”, “Саньлиань”, “Новая литература” и “Народная литература” опубликовали соответственно первый и второй том «Альманах Белинского» (перевод Мань Тао), первый и второй том «Чернышевский о литературе» (перевод Синь Вэйая), «Альманах Добролюбова» (перевод Синь Вэйая), а также сборник «Белинский о литературе» (перевод Лян Чжэня), «Об “Онегине” Пушкина»²⁰⁷ В. Г. Белинского (перевод Лян Чжэня), «Жизнь и эстетика» и «Альманах по эстетике» Н. Г. Чернышевского (перевод Чжоу Яна) и др. Общий тираж изданий этих теоретических и критических работ достиг сотен тысяч экземпляров, что оказало глубокое влияние на создание современной китайской литературно-художественной теории, а также на исследования «Евгения Онегина» в Китае. Подобная популярность объяснялась тем, что в этот исторический период в китайских литературных кругах ещё не возобладало ультралевое мышление. По этой причине власти разрешали изучать иностранную литературную теорию. Благодаря изучению российского научного опыта китайским исследователям стало известно, что Н.Г. Чернышевский, В.Г. Белинский и Н.А. Добролюбов внесли значительный вклад в формирование

²⁰⁶ Ча Лянчжэн (1918–1977) — известный поэт, переводчик. Псевдонимы: Му Дан, Лян Чжэнь.

²⁰⁷ Т. е. *Белинский В.Г.* Сочинения Александра Пушкина. Статья восьмая//Отечественные записки, 1844, № 12. т. XXXVII, отд. V, с. 45–72.

демократической идеологии в России (особенную роль здесь играл Чернышевский в качестве «русского Прометея», восставшего против царского абсолютизма). Помимо этого, некоторые литературные взгляды российских критиков после идеологической обработки служили политическому курсу Китая того времени. Несмотря на это, необходимо отметить, что из поля зрения китайских пушкинистов по вполне понятным причинам выпали критические и литературоведческие работы о Пушкине, написанные теми авторами, которые находились под запретом в Советском Союзе, а также теми, кто редко упоминался в государственных литературоведческих источниках. К таким авторам относились литераторы дореволюционного периода, объявленные реакционерами (среди них одно время числился и Ф.М. Достоевский, автор знаменитой «Пушкинской речи»), репрессированные в 1930-е годы авторы, такие как Д. Мирской, а также авторы, эмигрировавшие из России (П.М. Бицилли, В.В. Набоков, В.В. Ходасевич), чьи литературоведческие труды и критические эссе 1920-х–1960-х годов стали доступны русским читателям лишь после периода «Перестройки».

Вслед за масштабным переводом появился ряд научных работ, посвященных изучению «Евгения Онегина». По сравнению с предыдущими двумя периодами в исследовании был достигнут существенный прогресс, сосредоточенный в основном на оценках Онегина как характера и типа. Китайские учёные широко рассматривают трактовки образа Онегина русскими критиками: основываясь на контексте китайской литературы, они развивают или опровергают их.

С момента выхода в свет пушкинского шедевра мнения русских учёных о Онегине разошлись. Главными являются следующие три трактовки пушкинского героя: согласно первой, представленной В.Г. Белинским и А. И. Герценом, Онегина считают родоначальником типа «лишнего человека», а роман в стихах — «энциклопедией русской жизни»; второе мнение ярче всего выражено в статье Д. И. Писарева «Пушкин и Белинский» (1865), где Онегин расценивался как «человек безнадежно пустой и совершенно ничтожный»²⁰⁸, он не может быть

²⁰⁸ Писарев Д. И. Соч. в 4-х т. М., 1956, т. 3, с. 314.

вдохновителем нового поколения, поэтому и роман бесполезен. Третье мнение, представленное Г.А. Гуковским, сводилось к тому, что «Евгений Онегин» закономерно появился в результате рождения реализма. Онегин, наконец, из «лишнего человека» превращается в декабриста, или в тип человека, близкого к декабристу²⁰⁹.

Этот вопрос вызвал широкую дискуссию. Даже в 1961 году в Институте мировой литературы имени А. М. Горького Академии наук СССР (ИМЛИ) состоялось обсуждение статей Б. Бурсова «Лишние слова о “лишних людях”» и «Спорные вопросы есть! Их надо обсуждать (Ответ Б. Бурсову)» Г. Макогоненко, в котором участвовали многие видные советские литературоведы и критики. Это заседание также привлекло внимание в Китае. Китайский Критик Янь написал статью, в которой излагал основные положения дискуссии, развернувшейся в ИМЛИ по вопросу литературной роли Онегина. В конце своей статьи автор отмечает: «Дискуссия по вопросу о лишних людях связана с проблемой положительного героя в русской литературе на протяжении всего XIX века, а также с идейно-воспитательным значением литературы и методами исследования литературы, и поэтому дискуссия имеет большое значение»²¹⁰.

Таким образом, данная дискуссия также вызвала сильный резонанс среди китайских учёных. В 1962 году китайские литературоведы Куан Син и Лу Фань написали статьи, специально посвящённые вопросу о лишнем человеке: статья Куан Сина «Онегин — типичный лишний человек» (1962) и статья Лу Фаня «О вопросе образа Онегина как лишнего человека» (1962). В них авторы выражали своё мнение о вышесказанных трёх трактовках образа Онегина.

В своей статье «Онегин — типичный лишний человек» Куан Син выражает несогласие с выводом Д.И. Писарева, сделанным на основании анализа только первой главы пушкинского произведения. Согласно мнению Д.И. Писарева,

²⁰⁹ Гуковский Г. А. Пушкин и проблемы реалистического стиля. М., 1957. С. 137–294.

²¹⁰ 炎.苏联学者关于奥涅金是否系“多余人”的讨论[J].文学评论,1961,第2期.P.25 [Янь. Дискуссия советских ученых о том, является ли Онегин “лишним человеком” // Литературная критика. 1961. № 2. С.25].

Онегин является «ловеласом и отвратительным дармоедом». В противовес мнению российского автора Куан Син отмечает, что для точного определения роли Онегина прежде всего требуется комплексный анализ всего текста произведения, что позволит дать точный ответ на вопрос: является ли Онегин «ловеласом и дармоедом» или человеком «прогрессивных взглядов». В частности, Куан Син утверждает, что в первой главе не просто описываются Онегин и его жизнь, но также показывается все высшее общество, существовавшее в то время в России. По мнению Куан Сина, критика главного героя, конечно, есть, но Онегин является лишь воплощением обычаев социального класса, в котором он находится. Также в статье отмечается, что Пушкин в последующих главах романа полностью демонстрирует характер Онегина, проводя героя через испытания дружбой и любовью. Отказ Онегина от любви Татьяны, дуэль Онегина с Ленским, преследование Татьяны после путешествия — всё это демонстрирует его внутреннюю пустоту и противоречивость характера. Исследователь также утверждает: «Ведь у него всегда нет ни четкой цели в жизни, ни определенной нормы поведения»²¹¹. Именно поэтому Куан Син в своей работе полностью соглашается с мнением В.Г. Белинского и А.И. Герцена, считая, что Онегин не является ни отрицательным героем, как понимал Д.И. Писарев, ни передовым человеком того времени. Исследователь приходит к выводу: «Противоречивый характер Онегина демонстрирует лишь типичные черты этого аристократического интеллектуального “лишнего человека”»²¹².

Кроме того, Куан Син объясняет причины разногласий в исторических и текущих спорах об образе Онегина. С одной стороны, из-за различных позиций, мировоззрений и принципов литературные критики и литературоведы не могут дать всестороннюю интерпретацию Онегина. Автор указывает: Д.И. Писарев преувеличил негативные характеры Онегина, и в результате он нарушает историзм;

²¹¹ 匡兴:“论奥涅金是‘多余人’的典型”,北京师范大学学报(2)1962 P.45–61 [Куан Син. Онегин — типичный «лишний человек» // Газета Пекинского педагогического университета. 1962. № 2. С. 45].

²¹² Куан Син. Цит. соч. С. 41.

некоторые современные критики переоценивают его позитивность, в результате чего герой классической литературы «модернизируется». Другая причина заключается в художественном методе самого Пушкина. Куан Син отмечает, что недостатки в романе в стихах усугубляют разногласия между критиками. А упомянутыми недостатками автором в основном являются следующими: в первой главе Пушкин показывает разочарование Онегина недостаточно явно; помимо этого, исследователь указывает, что поэт убрал главу о путешествии Онегина из основного повествования и опубликовал ее как приложение к роману в стихах, что, по мнению исследователя, разрушает целостность произведения. Это особенно бросается в глаза, когда после убийства Ленского Онегин пропадает из вида для читателя, возвращаясь только в начале восьмой главы. Другим вопросом является объяснение причин неадекватного поведения Онегина, а именно безумного ухаживания за Татьяной. Куан Син утверждает, что, исходя из содержания романа, не представляется возможным точно установить: является ли это просто случайностью, вызванной противоречивым характером Онегина, или объясняется тем, что его характер изменился во время путешествия? Отвечая на данные вопросы, каждый человек может дать свою интерпретацию поведения героя, что в конечном итоге и приводило ко множеству споров между литературными критиками.

В конце статьи автор приходит к заключению: основную мысль произведения и тип героя следует интерпретировать, опираясь на изучение текста, а не произвольно, исходя из своих предубеждений. Автор также отмечает, что по ходу изменения времени и общества потомки могут предлагать другое толкование произведения прошлого. Но любая работа является продуктом определенной эпохи, и ее идеи, тематика и природа героя никогда не меняются. Потомки имеют право указывать на значение прошлых произведений и их героев в современных реальных условиях, но не имеют права изменять первоначальную идею и изначальный смысл произведения. Наконец, автор делает вывод: «Опыт

показывает, что мы должны научиться применять принципы историзма»²¹³.

Лу Фан придерживается мнения Куан Сина. В статье «О вопросе образа Онегина как лишнего человека» сначала он рассматривает разные оценки Онегина в России, после чего проводит анализ исторического периода создания данного произведения. В результате проведенного анализа и сравнения содержания романа с историческими событиями, происходившими вокруг А.С. Пушкина, исследователь приходит к выводу о том, что Онегин является не декабристом, а «лишним человеком».

Так, китайский исследователь отмечает, что Пушкин не имел намерений изобразить Онегина декабристом. К таким выводам исследователь приходит после проведения анализа времени написания произведения и событийного контекста. Пушкин был тесно связан с некоторыми членами Союза благоденствия, основанным в 1818 г., и часто участвовал в их собраниях. Если бы поэт хотел создать героя как революционера-декабриста, он бы обязательно описал Онегина как одного из членов тайного общества. В произведении Пушкина на практике видна совершенно иная картина — Онегин не имеет ничего общего с деятельностью декабристов. Кроме того, автор отмечает, что декабристы были основателями прогрессивного романтизма в России. Среди декабристов было много выдающихся революционных поэтов, в то время как из-под пера Онегина «не вышло ничего». Помимо этого, исследователь приводит ряд иных аргументов в качестве доказательства своей точки зрения. В частности, он утверждает, что первые четыре главы романа в стихах были написаны именно тогда, когда А.С. Грибоедов писал «Горе от ума». В тот момент, когда Пушкин закончил писать главу IV, он уже знал, что Грибоедову удалось создать образ Чацкого, — героя, близкого декабристам по мировоззрению, который решительно восстал против общества того времени. Именно поэтому в произведении Пушкина мы не видим у Онегина такие черты, как у Чацкого. Развивая свою мысль, Лу Фань также утверждает, что Пушкин вообще не намеревался создать образ Онегина как второго Чацкого.

²¹³ Куан Син. Там же. С. 61.

Важным моментом, на который стоит обратить внимание, является факт того, что Глава V, а также следующие главы, были написаны уже после восстания декабристов. По этой причине китайский исследователь предполагает, что если Пушкин хотел бы превратить Онегина в декабриста, тогда он должен был бы показать трагедию движения декабристов сквозь призму взглядов Онегина. Однако в главе VI Пушкин описывает, что Онегин из-за страха перед общественным мнением пошёл на дуэль, где убил своего друга. «Здесь отражена не трагедия декабриста, а именно трагедия “лишнего человека”»: неудовлетворенность высшим обществом, бессилие, а также невозможность избежать его обычаев и предрассудков»²¹⁴.

В последней части статьи Лу Фань возражает против трёх аргументов, согласно которым утверждают, что Онегин не является «лишним человеком».

Первое основание заключается в том, что первая глава романа в стихах была написана в 1823 году — во времена близости Пушкина с декабристами, поэтому Пушкин якобы изначально хотел написать Онегина как декабриста. А после поражения восстания декабристов Пушкин стал с подозрением относиться к политическим убеждениям декабристов и в итоге перестал видеть в Онегине декабриста. Лу Фань не может согласиться с этим мнением, поскольку, как сказано выше, в первой главе Онегин ничуть не похож на декабристов.

Второй довод, который опровергает Лу Фань, заключается в том, что «лишние люди» возникли после поражения восстания декабристов в 1825 году, а история в «Евгении Онегине» происходит с 1819 по 1825 год, так что Онегин не может быть «лишним человеком». Автор считает, что это мнение подлежит обсуждению. Наоборот, он придерживается мнения А. И. Герцена и Д. Д. Благого, отмечая, что «“лишний человек” возник ещё до 1830–1840-х годов и даже перед появлением декабристов. А после поражения декабристов “лишний человек” как художественный образ стал более зрелым и типичным». Тем менее, автор добавляет, что тип «лишнего человека» созрел после 1825 года, тогда как роман в

²¹⁴ Лу Фань. Цит. соч. С. 75.

стихах создавался с 1823-го по 1830-ый, причём самые важные главы написаны после 1825 года. В такие длинный период мировоззрение поэта также развивалось и менялось. В связи с этим автор утверждает, что «после поражения восстания декабристов Пушкин заметил «лишнего человека» в реальной жизни, и увидел его типичность. Так что поэт превратил своего героя, представителя золотой петербургской молодежи в “лишнего человека”»²¹⁵.

Третье основание сводится к следующему утверждению: в сожженной Пушкиным рукописи десятой главы описывается революционная деятельность декабристов, поэтому Онегин будет превращаться в декабриста. Лу Фань не может согласиться с этим. Он подчёркивает, что при жизни Пушкина глава X не была опубликована. Даже если можно рассуждать, исходя из набросков главы X, что Пушкин хотел бы сделать Онегина декабристом, «однако замысел автора не равносителен самому произведению, всё-таки мы не можем делать вывод из этого, что герой является декабристом или революционером»²¹⁶.

Наконец, автор приходит к выводу, что нельзя, как Писарев, полностью отрицать достоинства Онегина, это антиисторично. Одновременно нельзя преувеличивать прогрессивность Онегина, поскольку это противоречит исторической и художественной достоверности и не соответствует идеологическому и образовательному значению романа в стихах. Автор подчёркивает: правильное отношение должно заключаться в уважении к истории и ее диалектическому развитию.

Эти две работы, доказывающие, что Онегин — типичный «лишний человек», опирались на убедительную аргументацию, обширный историко-литературный материал и исследования советских учёных. Хотя на них оказало влияние Цюй Цюбо (как мы уже подчёркивали в первой параграфе, Цюй Цюбо впервые ввел понятие «лишний человек» в Китае), несомненно, они демонстрировали высокий уровень литературоведческого анализа, которого могли достичь исследователи

²¹⁵ Лу Фань. Там же. С. 76

²¹⁶ Лу Фань. Там же.

«Евгения Онегина» в 50-60 годах XX века. Их работы заложили основу для дальнейшей интерпретации Онегина и типа «лишнего человека». Даже в 80-90 годах XX века вопрос о принадлежности Онегина к этому литературному типу вызвал дискуссию между китайскими учёными²¹⁷.

Но толкования «Евгения Онегина» в 1950-60 годах были сосредоточены на идейном содержании и понимании образа Онегина, а художественные достижения романа в стихах по-прежнему были изучены недостаточно.

В 1954 году переводчик Люй Ин (тот самый, кто первый перевел «Евгения Онегина» с русского оригинала) в статье «Об “Онегине”»²¹⁸ высоко оценил художественные особенности произведения Пушкина: «В романе в стихах поэт переплетает жанровые черты поэмы и романа, сочетая воедино повествование, лирику, моральные сентенции, критику, сарказм, басню, пророчество. Используя тематику любви, приёмы, характерные для элегии и буколики, а также народную легенду, искренние письма и эмоциональные монологи, поэт создал целостную картину; он пишет о жизни человека, о его душе, об общественной жизни, об обычаях и истории России²¹⁹. Здесь Люй Ин только обобщённо хвалил художественные особенности Пушкина, но не подкреплял свои похвалы подробным разбором и аргументацией.

Статья Чжа Лянчжэна «Беседы о “Евгении Онегине”», опубликованная в 1959 году, — одна из немногих литературоведческих работ, посвящённых поэтике

²¹⁷ См. 刘奉光. 是中间人物,不是“多余的人”—谈叶甫盖尼·奥涅金形象的社会意义.齐鲁学刊,1986(02):112-113. [Лю Фэнгуан. Это средний человек, а не «лишний человек» — о социальной значимости образа Евгения Онегина // Академический журнал Ци Лу, 1986. №2. С. 112 -113]; 李向阳. 是“中间人物”,还是“多余的人”?——就叶甫盖尼·奥涅金形象与刘奉光同志商榷. 丽水师专学报, 1989(04):68-72. [Ли Сяньян. «Лишний человек» или «средний человек»? — обсуждение образа Евгения Онегина с товарищем Лю Фэнгуаном // Вестник педагогического колледжа Лишуй, 1989. № 4. С. 68 – 72]; 彭体春. 边缘人— 试评叶甫盖尼·奥涅金[J].西昌师范高等专科学校学报,1998(02):3-5. [Пэн Тичунь. Маргинальный человек — пробное толкование образа Евгения Онегина // Вестник педагогического института Сичан, 1998. № 2. С. 3-5].

²¹⁸ В Китае принято использовать “Онегин” для обозначения романа в стихах «Евгений Онегин».

²¹⁹ 吕荧, 关于《奥涅金》,文学书刊介绍, 1955, 02, P. 3 [Люй Ин. Об Онегине // Введение в литературные книги. 1955. №. 2. С. 3].

романа в стихах. Ее автор с эстетической точки зрения проанализировал художественные особенности пушкинского шедевра.

В центре внимания Чжа Лянчжэн стоят авторские отступления, которые, по словам исследователя, являются «одним из источников художественного очарования “Евгения Онегина”»²²⁰.

В начале статьи Чжа Лянчжэн упоминает хрестоматийную работу В.Г. Белинского «Сочинения Александра Пушкина», из которой мы знаем, что в то время отступления в романе в стихах навлекли на Пушкина упреки читателей и критиков; они считались «плетением словес» и «ерундой», поскольку именно из-за них в данном романе отсутствует целостность. Автор статьи «Беседы о “Евгении Онегине”» утверждает прямо противоположное. Он дает подробное объяснение этой проблеме.

С одной стороны, автор отмечает, что в процессе создания «Евгения Онегина» Пушкин переживал переход от романтизма к реализму. Поэтому было выработано чувство протеста против романтических условностей. При создании этой печальной любовной истории поэт добавлял иронию в авторские отступления. Несмотря на это, романтизм ярко представлен в произведении. Поэт описывает жизненный материал в реалистической манере, но в то же время он не сдерживается в выражении своих чувств.

С другой стороны, автор статьи упоминает типичные темы романтизма: «восхищение любовью, скорбь по поводу смерти и превратностей жизни, скоротечности времени и т.д., а строки, посвященные этим романтическим темам, есть в каждой главе “Евгения Онегина”»²²¹. Китайский литературовед придаёт большое значение этим романтическим строкам, считая, что именно они потрясают наше сердце. Также Чжа подчёркивает, что романтизм в «Евгении

²²⁰ 穆旦. 漫谈《欧根·奥涅金》//穆旦精选集. 北京: 北京燕山出版社, 2006.07. P. 134 [Чжа Лянчжэн. Беседы о «Евгении Онегине»// Му Дан. Сборник избранных работ Му Дана. Пекин: Издательство китайской литературы. 1976. С. 134].

²²¹ Чжа Лянчжэн. Там же.

Онегине» ограничен реализмом, и реализм проникает в романтизм. Таким образом, китайский исследователь согласен с мнением Н.Л. Бродского, что «Евгений Онегин» является носителем черт реализма. Одновременно с этим Чжа Лянчжэн возражает против мнения Н.Л. Бродского, согласно которому, лирические отступления поэта также носят реалистический характер.

Затем китайский литературовед анализирует проблему с точки зрения отношения между формой и содержанием, считая, что содержание и форма романа в стихах тесно связаны между собой. Именно «двойственность» содержания — романтизм и реализм приводит к «двойственности» формы — стихи и проза. Учитывая эту особенность, мы можем понять, какую роль играют лирические отступления в композиции. Чжа утверждает, что именно взаимные ограничения повествования и лирических отступлений определяют целостность произведения. «Отсутствуй один из этих составляющих — и “Евгений Онегин” не может называться “романом в стихах”»²²².

Также автор статьи подчёркивает, что поэт вводит в повествования свои лирические отступления не произвольно. Для доказательства он приведёт несколько примеров. Самый типичный — это авторское отступление в XXX-XXXIII строфах первой главы: Онегин является на бал — и авторское «я» вспоминает свою ушедшую любовь, потом описывается равнодушие Онегина к любви. Если бы между этими фрагментами не было авторский отступлений, читатели не поняли бы логику развития характера главного героя. Хотя в этом отступлении описывается история авторского «я», из-за сходства ситуации читатели ассоциируют её с историей Онегина: некоторое время он прожигал жизнь в любовных увлечениях, но в его душе поселилась печаль, и он постепенно становится равнодушным к любви. Чжа делает вывод, что «авторские отступления подобно мосту связывают различные компоненты сюжета произведения, а также значительно усиливают его художественную выразительность... Уместность этих отступлений свидетельствует о высокой чувственности и превосходных

²²² Чжа Лянчжэн. Цит. соч. С. 134.

творческих навыках, присущих А.С. Пушкину. Благодаря художественному чувству поэта «Евгений Онегин» получился таким глубоким и многогранным»²²³.

Чжа Лянчжэн в этой статье подробно аргументирует, что отступления в романе в стихах представляются не только неизбежными в процессе творческого развития Пушкина, но и необходимыми для художественной целостности данного произведения. Несомненно, что его статья представляет самый высокий уровень изучения «Евгения Онегина» в этот период.

Таким образом, можно сказать, в научном исследовании «Евгения Онегина» в этот период наметился значительный прогресс. Но, одновременно, под влиянием ультралевого движения политическая борьба в Китае стала более интенсивной. Политическое значение литературы превалировало над эстетикой, поэтому появился ряд работ с идеологической окраской, имеющих больше политическое значения, чем научное. Многие литературные критики неловко использовали метод классового анализа. Например, писатель и педагог Лэй Чэндэ в статье «Об идейном значении и образе характера пушкинского Евгения Онегина. Комментарий к буржуазной мысли в процессе обучения» свёл анализ образа Евгения Онегина к рассуждениям о его классовой принадлежности. Для Лэй Чэндэ значимо только то, что главный герой относится к классу эксплуататоров, что он оторван от простого народа²²⁴. В соответствии с таким утверждением Онегин является совершенно легкомысленным, тщеславным и подлым ловеласом. Сегодня видно, что такое толкование не опирается на факты. Автор статьи просто и грубо смешивает академические вопросы с политическими, решает сугубо политические проблемы, пишет о художественном произведении, исходя из социально-политической конъюнктуры.

Педагог Сюй Юйцинь вспоминает непростую судьбу «Евгения Онегина» во

²²³ Чжа Лянчжэн. Цит. соч. С. 135.

²²⁴ 雷成德.论普希金的《欧根奥涅金》的思想意义和人物形象—兼评教学中的资产阶级思想.《内蒙古师范学院学报》1(1959) [Лэй Чэндэ. об идейном значении и образе характера пушкинского Евгения Онегина — и комментарий к буржуазной мысли в процессе обучении // Газета педагогического университета Внутренней Монголии. 1959. №1].

время своего пребывания в университете. В 1950-е годы, когда страсть к изучению русского языка достигла своего пика, Сюй изучала русский язык в университете. В своём мемуарном очерке она образно сравнила всеобщую любовь к произведениям Пушкина, характерную для Китая пятидесятых годов, с бурным потоком лавы: «Китайскую землю словно лавой затопил горячий поток любви к произведениям Пушкина... На факультете иностранного языка для обучения русскому языку показывали советскую оперу “Евгений Онегин”. Меломаны наслаждались замечательной арией Ленского, исполненной первоклассным советским тенором — С. Я. Лемешевым. Влюбленные девушки, стоя у окна, читали письмо Татьяны к Онегину и воображали себя героиней пушкинского романа в стихах»²²⁵. С 1960-х годов Сюй Юйцинь стала преподавателем, она читала курс «История советско-русской литературы» в университете. Но в то время русская литература подвергалась осуждению как аристократическая буржуазная культура. Она и её коллеги в процессе обучения были очень осторожны при представлении и толковании «Евгения Онегина». Для того времени было важно пропагандировать руководящую идеологию: «не позволять буржуазной литературе и искусству заражать студентов, не позволять невидимым рукам конкурировать с пролетариатом за молодежь»²²⁶. Сюй Юйцинь вспоминает, что в то время они только «представляли студентам традиционный взгляд, ... упрощая произведение до одной сюжетной линии, одного героя и одной героини. К похвалам романа в стихах обычно добавляли критику героев поскольку те были “ограничены своим временем и классом”, указывали, что студенты не должны восхищаться цинизмом героев или подражать их поступкам, считая, будто любовь превыше всего»²²⁷. Сюй также подчёркивает, что такой способ обучения придавал занятию стереотипную окраску, так что занятие было безжизненным.

²²⁵ 徐玉琴. 我在大学里讲《奥涅金》—30年教学的曲折经历//孙绳武, 卢永福主编. 普希金与我. 北京: 人民文学出版社, 1999. P. 250 [Сюй Юйцинь. Я преподаю «Евгений Онегин» в университете — Трудный педагогический опыт за 30 лет. // Пушкин и я / Под ред. Сунь Шэнву, Лу Юнфу. Пекин: Изд-во «Народная литература», 1999. С.250.]

²²⁶ Сюй Юйцинь. Цит. соч. С. 251.

²²⁷ Там же.

Одновременно ослабевала увлекательность художественного произведения. Онегин в то время определяется как «ненужный человек», «порождение переходного периода», «монстр аристократического воспитания» или «умная ненужность», поэтому, объясняя студентам образ Онегина, Сюй Юйцинь не беспокоилась о том, что студенты могут последовать его примеру. Но «идеальная Татьяна» затрудняла работу для Сюй Юйцинь и ее коллег. Если молодёжи нравилась Татьяна или если девушки подражали ей, то это не приветствовалось в данной политической атмосфере, а «как преподаватели, мы должны были взять на себя определенную ответственность»²²⁸. Сюй даже рассказывает о так называемой «педагогической ошибке», допущенной в 1963 году: одна студентка написала курсовую работу под названием «Татьяна — мой идеал», в которой выражала чувство восхищения и признательности по отношению к Татьяне. Во время движения «четырёх очищений»²²⁹ эта работа использовалась в качестве примера «отравления молодежи капиталистической литературой» и примера «слабого контроля»²³⁰.

«Сложная судьба» «Евгения Онегина» в Китае, описанная Сюй Юйцинь, связана с интенсивными политическими процессами. С середины и конца 1950-х годов политические взаимоотношения между Китаем и СССР постепенно ухудшились, из-за чего произошел большой перелом в оценке русской классической литературы. По мнению некоторых ультралевых политиков, русская литература XIX века была к числу «феодальной, капиталистической и ревизионистской». И «Евгений Онегин» не являлся исключением. В ходе данного процесса преследованию в той или иной степени подвергались практически все учёные, кто исследовал или переводил произведения А.С. Пушкина, в том числе и

²²⁸ Там же.

²²⁹ Движение «четырёх очищений» относится к социалистическому воспитательному движению, осуществляемому Центральным комитетом Коммунистической партии Китая по всей стране с 1963 по первую половину 1966 года. Основные цели движения: очищение левацких ошибок в политике, экономике, парторганизации и идеологии.

²³⁰ Сюй Юйцинь. Цит. соч. С. 252.

«Евгения Онегина»²³¹. В 1955 году Люй Ин был заключен под стражу, допрошен и замучен до смерти. Другой исследователь Чжа Лянчжэн в 1959 году был признан «историческим контрреволюционером», после чего был на три года заключен под стражу. Переводчик Ван Чжилян в 1958 году был объявлен сторонником правой идеологии, отправлен в лагерь и несколько лет вынужден был участвовать в программе «трудового перевоспитания»²³². Одним из поводов для обвинений в контрреволюционной деятельности был выполненный им перевод «Евгения Онегина».

Поэтому в 1960-х годах русские классические писатели оставались за бортом. Ещё до начала так называемой Культурной революции (1966–1976) масштаб перевода русской литературы в Китае заметно с каждым годом сокращался. Начатая с 1962 года произведения русских и советских писателей больше не публиковались; после 1964 года все русские и советские авторы исчезли из всех публичных изданий в Китае. В период Культурной революции под влиянием политических факторов процесс популяризации и изучения «Евгения Онегина» совсем застопорился: новые переводы, равно как и литературоведческие исследования, не появлялись вплоть до 1980-х годов.

Заслуживает упоминания то, что, даже в мрачные времена — в период Культурной революции, «Евгений Онегин» всё ещё мог дать китайским читателям надежду и силу, чтобы продолжать жить и упорно трудиться. Поэт Шао Яньсян (1933–2020) вспоминал в статье, что «Евгений Онегин» принес ему душевное утешение во время Культурной революции. В 1966 году он с товарищами вместе трудились в лагере «трудового перевоспитания». Когда они прошли мимо ледяного озера, он вдруг вспоминал зимний пейзаж в «Евгении Онегине», «...игры на льду в деревне, как будто послышался неясный звука смех и радости. Пушкин дарил мне

²³¹ Подробнее о трагических судьбах китайских пушкинистов в годы «Культурной революции» см. мою статью: *Чжу Янь*. Мрачное двадцатилетие китайской пушкинистики (1957 – 1976) // *Litera*. 2022. № 4. С. 63 – 74.

²³² Лагеря «трудового перевоспитания» действовали в Китае с 1957 года. В них полиция могла без судебного решения помещать преступников, а также всех граждан, по каким-либо причинам негодных местным властям.

минуты тепла в те несвободные дни»²³³. Мрак истории и гнет политической мысли не скрыли неповторимого обаяния «Евгения Онегина», которого любили и расхваливали многие китайские читатели даже в тяжелые для культуры и искусства периоды китайской истории. Профессор Чэн Гуанвэй (род. 1956) впервые «познакомился» с «Евгением Онегиным» в возрасте четырнадцати лет в 1970 году. Он сам пишет в статье, что тогда, будучи подростком, любил наивного, нерешительного и сумрачного Онегина. «Как будто нормальный человек заговаривается в безумной толпе. Так забавно было в то время»²³⁴. Известный редактор Шэнь Няньцзюй (род. 1940) вспоминает: «Во время Культурной революции в 1966 году мои ученики конфисковали все имущество в моём доме под предлогом “сокрушить четыре пережитка”²³⁵, большинство произведений китайской классики и русско-советской литературы были конфискованы... Об этом я долго сожалел... А экземпляр “Евгения Онегина”, не знаю, какими богами спасенный, чудом сохранился, и я бережно храню его до сих пор»²³⁶.

Несмотря на все вышеперечисленное, переводчики «Евгения Онегина» во время Культурной революции не отказывались от своей работы. Так, Чжа Лянчжэн, находясь под политическим давлением, оказавшись под стражей и попав на трудовое перевоспитание, продолжал переводить «Евгения Онегина». После Культурной революции он тщательно перерабатывал собственный перевод романа в стихах, несмотря на свое подорванное здоровье и тяжёлую болезнь. Другой китайский

²³³ 邵燕祥.我的朋友普希金//孙绳武,卢永福主编.普希金与我.北京:人民文学出版社,1999.Р. 250 [Шяо Яньсян. Мой друг Пушкин // Пушкин и я. / под ред. Сунь Шэнву, Лу Юнфу. Пекин: Изд-во «Народная литература», 1999. С. 3.]

²³⁴ 程光炜. 我的叶甫盖尼奥涅金情结//孙绳武,卢永福主编.普希金与我.北京:人民文学出版社,1999.154 [Чэн Гуанвэй. Моё пристрастие к «Евгению Онегину» // Пушкин и я / Под ред. Сунь Шэнву, Лу Юнфу. Пекин: Изд-во «Народная литература», 1999. С. 154.]

²³⁵ Сокрушить четыре пережитка: государственная политика во время Культурной революции в Китае. Четыре пережитка: старые обычаи, старая культура, старые привычки, старые идеи. Начало этой карательной практике было положено в Пекине в 1964 году.

²³⁶ 沈念驹.从翻译到出版—写在诗人二百周年诞辰之际//孙绳武,卢永福主编.普希金与我.北京:人民文学出版社,1999. Р. 400. [Шэнь Няньцзюй. От перевода к публикации — по случаю двухсотлетия со дня рождения поэта // Пушкин и я. / Под ред. Сунь Шэнву, Лу Юнфу. Пекин: Изд-во «Народная литература», 1999. С. 400.]

переводчик, Ван Чжилян, тайно продолжал переводить «Евгения Онегина» во время трудового перевоспитания в горном районе Тайхан в провинции Хэбэй. В тот момент, когда он занимался физическими работами, например, высадкой семян или рыхлением почвы, он упорно продолжал размышлять над переводом «Евгения Онегина». Другой китайский переводчик, Тянь Гобинь, несмотря на оказываемое давление со стороны китайских властей, смог завершить свой первый черновик перевода «Евгения Онегина» к концу 1965 года. В тот момент, когда он вел переговоры с издательством о публикации, начался период Культурной революции. В конечном итоге этот вариант перевода был потерян по пути в «школу кадров 7 мая»²³⁷. Несмотря на это, Тянь Гобинь не бросил работу над переводом. Только в 2003 году его перевод «Евгения Онегина» был наконец опубликован. Таким образом, подводя итог деятельности переводчиков, занимавшихся творчеством А.С. Пушкина в этот непростой исторический период в Китае, а также проведя анализ вклада выдающихся китайских учёных, можно сформулировать следующий вывод: творчество А.С. Пушкина на протяжении многих лет поддерживало и вдохновляло лучших представителей китайской интеллигенции, несмотря на цензуру и репрессии со стороны властей, а также приобщило китайский народ к высшим достижениям российской и мировой культуры, придав силы для развития свободного творчества.

Таким образом, в 1950-е и 1960-е годы в Китае исследования произведения «Евгений Онегин» перестали опираться на языки-посредники. Точность перевода на китайский язык позволила повысить качество литературоведческих исследований в этом направлении. В данный период исследования произведения «Евгений Онегин» разделились на два вида. Первый вид исследований представлен подлинными научно-исследовательскими работами на высоком уровне, в которых приводится объективная оценка Онегина, а также подтверждается тезис о том, что Онегин — типичный «лишний человек». Среди данных работ также встречаются

²³⁷ «Школы кадров 7 мая» создавались в сельских местностях в соответствии с директивой Мао Цзэдуна от 7 мая 1966 г. о ликвидации различий между умственным и физическим трудом.

публикации, в которых подробно анализируются художественные особенности пушкинского произведения. Второй вид исследований — это работы, созданные под политическим давлением, обладающие ярко выраженной идеологической окраской, в которых полностью отрицается образ Онегина. Помимо этого, после образования КНР популярность исследований, посвященных «Евгению Онегину», заметно снизилась. С середины 1960-х до 1970-х практически не появились никаких работ, посвящённых «Евгению Онегину», что было связано с событиями Культурной революции. Но даже в такой период, когда духовная свобода находилась под контролем, ученые всё же не отказывались от перевода и изучения «Евгения Онегина», и «Евгений Онегин» по-прежнему приносил китайскому читателю пространство для душевного утешения и свободы.

Глава 3. Интерпретация «Евгения Онегина» в китайской пушкинистике 1978-2010 гг.

После начала проведения политики «реформ и открытости» (начиная с 1978 г.) академическая среда в Китае приобрела большую свободу, учёные получили возможность ознакомиться с зарубежным опытом и научными достижениями других стран. В связи с этим изучение русской литературы открыло новую страницу в Китае. Только за десятилетие 1980-х годов, по словам литературоведа Чэнь Цзяньхуа²³⁸, «количество плодов в области русской литературы превысило сумму плодов за предыдущие 70 лет»²³⁹; а более 20 лет, начинаясь с 1900-х годов, «было наиболее плодотворным периодом для изучения русской литературы»²⁴⁰.

С 1980-е годы в Китае начали систематически переводить Пушкина. Издательство народной литературы и Шанхайское издательство переводов последовательно выпустили семитомник «Избранные сочинения А.С. Пушкина» (1985 г.) и восьмитомник «Собрание сочинений Пушкина» (1991 г.). Затем в 1990-е годы вышли в свет два «Полного собрания сочинений Пушкина». Одно из них — десяти томник, выпущенный издательством «Хэбэйское образование» с 1994 по 1998 год, переведенный с русского издания «Собрание сочинений А. С. Пушкина в десяти томах» (1974-1978 гг.)²⁴¹. А другое — восьмитомное «Полное собрание сочинений Пушкина», «Чжэцзянского издательства литературы и

²³⁸ Чэнь Цзяньхуа (1947–): профессор факультета китайского языка Восточно-Китайского педагогического университета, руководитель докторской программы по сравнительной и мировой литературе, заместитель директора Центра изучения России ключевой исследовательской базы гуманитарных и социальных наук Министерства образования. В 2013 году Чэнь был удостоен награды Китайской ассоциации переводчиков как «Старший переводчик (русский язык)».

²³⁹ 陈建华. 中国外国文学的研究历程-苏俄文学的研究历程. 重庆: 重庆出版社. 2016. P.209. [Чэнь Цзяньхуа. Академическая история изучения иностранной литературы в Китае, Т.7: Академическая история советско-русской литературы. Чунцин: Чунцинское Изд-во, 2016. С.209].

²⁴⁰ Чэнь Цзяньхуа. Там же. С. 261.

²⁴¹ Пушкин А.С. Собрание сочинений в 10 томах. М.: Худ. лит-ра, 1974–1978 г.

искусства», переведенное с русского издания «А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в 19 томах»²⁴² (1994—1997). В них включаются стихотворения, поэмы, сказки, драматические произведения, романы, повести, критика, историческая монография, письма и т.д., благодаря чему китайские читатели могут систематически и всесторонне познакомиться почти со всеми произведениями Пушкина. Кроме того, в обоих «Полных собраниях сочинений» напечатаны разного рода «вспомогательные источники»: заметки и наброски самого Пушкина, а ещё комментарии и справочные материалы, добавленные редакторами, что обеспечивает большое удобство для читателей и исследователей. Помимо полного собрания сочинений, существует бесчисленные сборники различных жанров, таких как «Избранная лирика Пушкина»²⁴³ (1997), «Полное собрание лирических стихотворений Пушкина»²⁴⁴ (1994), «Избранные баллады Пушкина»²⁴⁵ (1985), «Полное собрание баллад Пушкина»²⁴⁶ (2013), «Избранные романы и повести Пушкина»²⁴⁷ (1981), «Сборник романов и повестей Пушкина» (2002)²⁴⁸, «Сборник романов Пушкина» (1999)²⁴⁹, «Избранные романы и драмы Пушкина» (1994)²⁵⁰,

²⁴² *Пушкин. А. С.* Полное собрание сочинений в 19 томах. М.: Воскресенье, 1994–1997 г.

²⁴³ 普希金著; 冯春译. 普希金抒情诗精选. 西安: 太白文艺出版社, 1997. 318 [Избранная лирика Пушкина / Пер. Фэн Чунь. Сиань: Издательство литературы и искусства Тайбай, 1997. 318 с]

²⁴⁴ 普希金著; 高莽编译. 普希金抒情诗全集. 杭州: 浙江文艺出版社, 1994. 1242 [Полное собрание лирических стихотворений Пушкина / Под ред. Гао Ман. Ханчжоу: Чжэцзянское издательство литературы и искусства, 1994. 1242 с]

²⁴⁵ 普希金著; 查良铮译. 普希金叙事诗选集. 成都: 四川文艺出版社, 1985. 400 [Избранные романы и повести Пушкина / Пер. Чжа Ланчжэн. Чэнду: Издательство Сычуаньской литературы и искусства, 1985. 400 с]

²⁴⁶ 普希金著; 陈耀球译. 普希金叙事诗全集. 湘潭: 湘潭大学出版社, 2013. 407 [Полное собрание баллад Пушкина/пер. Чэнь Яоцю. Сянган: Издательство Сянганского университета, 2013. 407 с.]

²⁴⁷ 普希金著; 肖珊译. 普希金小说选. 贵阳: 贵州人民出版社, 1981. 377 [Избранные романы и повести Пушкина/пер. Сиао Шань. Гуйян: Народное издательство Гуйчжоу, 1981. 377 с.]

²⁴⁸ 普希金著; 曹纓西, 智量译. 普希金中短篇小说集. 南京: 译林出版社, 2002. 466 [Сборник романов и повестей Пушкина / Пер. Цао Манси, Чжилиан. Нанкин: Издательство Илин, 2002. 466 с.]

²⁴⁹ 普希金著; 吕荧译. 普希金小说集. 合肥: 安徽文艺出版社, 1999. 372 [Сборник романов Пушкина/пер. Люй Ин. Хэфэй: Издательство литературы и искусства Аньхой, 1999. 372 с.]

²⁵⁰ 普希金著; 卢永选编. 普希金小说戏剧选. 北京: 人民文学出版社, 1994. 688 [Избранные романы и драмы

«Собрание сочинений Пушкина: драмы» (1999)²⁵¹, «Сказки Пушкина» (1997)²⁵², «Полное собрание сказок Пушкина» (2013)²⁵³ и т.д.

Со всесторонним и систематическим развитием гуманитарной мысли Китая и появлением новых переводов произведений Пушкина происходили значительные преобразования в пушкиноведении. Некоторые вопросы, которые на взгляд китайских исследователей прошлых лет имели очевидные ответы, вновь вызвали научные споры. Среди подобных вопросов можно отметить идеологические воззрения Пушкина. Некоторые из ранее неизвестных «темных сторон» личности Пушкина стали предметом обсуждения многих китайских исследователей, что отчасти поменяло отношение к Пушкину в Китае. Так, важнейшими факторами, которые позволили пересмотреть идеологические взгляды А.С. Пушкина являлись: поддержка экспансии и укрепления власти царя, оправдание подавления польского восстания, колеблющееся отношение к оппозиции и к тирании, неясное отношение к крестьянскому восстанию, а также наличие «славянского шовинизма» в его более поздних произведениях и т. д. В качестве примера можно привести такие статьи китайских авторов, как «Пушкин и польское восстание 1830 года» (Лу Синь, 1979 г.), «Свет и тьма на творческом пути Пушкина» (Сюй Юньмин, 1980 г.), «Происхождение и суть спора между Пушкиным и Мицкевичем» (Ша Аньчжи, 1983 г.), «О шовинизме в поздней лирической поэзии Пушкина» (Чжан Тефу, 1983 г.), «Пушкиноведческое исследование: Духовный путь Пушкина — переосмысление концептуальной системы» (Лу Сюйян, 1998 г.), «Пушкин и “История Пугачёва”» (Ян Хуайюя, 2003 г.) и др. После тщательного анализа, проведённого в таких работах, в китайских академических кругах многие стороны

Пушкина / Под ред. Лу Юн. Пекин: Издательство народной литературы, 1994. 688 с.]

²⁵¹ 普希金著; 冯春译. 普希金文集 戏剧. 上海: 上海译文出版社, 1999. 376 [Собрание сочинений Пушкина: драмы /пер. Фэн Чунь. Шанхай: Шанхайское издательство переводов, 1999. 376 с.]

²⁵² 普希金著; 云卿译. 普希金童话. 北京: 中国妇女出版社, 1997. 386 [Сказки Пушкина /Пер. Юнь Цин. Пекин: Китайское женское издательство, 1997. 386 с.]

²⁵³ 黄勇主编. 普希金童话全集. 汕头: 汕头大学出版社, 2013. 155 [Полное собрание сказок Пушкина/ Под ред. Юн. Шаньтоу: Издательство Университета Шаньтоу, 2013. 155 с.]

личности Пушкина были подвергнуты переосмыслению. Пушкин больше не был просто «революционным поэтом» или «народным поэтом», как это было принято считать ранее (и что было рассмотрено в предыдущей главе), но, как и у всех великих людей, личность Пушкина в глазах китайских исследователей приобрела достаточно сложные и даже противоречивые черты. В процессе пересмотра заслуг Пушкина, его творчества и его личностных качеств китайские литературоведы постепенно перешли от слепого энтузиазма и восхищения наследием великого поэта к трезвому и объективному научному анализу, что способствовало прогрессу и качественному изменению китайского пушкиноведения: вышло немало влиятельных и авторитетных монографий и сборников статей, посвящённых изучению творчества А.С. Пушкина. Назовём важнейшие из них: «Сборник статей о творчестве Пушкина»²⁵⁴ (1983 г.), «Женщины в лирических стихотворениях Пушкина»²⁵⁵ Чэнь Сюньмина (1993 г.), «Жизнь и творчество Пушкина»²⁵⁶ (1997 г.) Чжан Тефу, «Пушкин и я»²⁵⁷ под редактором Сунь Шэну и Лу Юнфу (1999 г.), «Пушкин и Китай»²⁵⁸ (2000 г.) Чжан Тефу, «Новое суждение о Пушкине: русский гений поэзии в культурной перспективе»²⁵⁹ (2004 г.) и «Пушкин. Распространение и интерпретация классики»²⁶⁰ (2009 г.), «Многомерный анализ текстов и

²⁵⁴ 普希金创作评论集/易淑泉,王远泽编. 桂林: 漓江出版社, 1983.335 p.[Сборник статей о творчестве А. С. Пушкина / Под ред. И Шуцюань, Ван Юань. Гуй Линь: Лицзянское издательство, 1983. 335 с.]

²⁵⁵ 陈训明著.普希金抒情诗中的女性.贵阳: 贵州人民出版社,1993.351 p. [Чэнь Сюньмин. Женщины в лирических стихотворениях Пушкина. Гуйян: Народное издательство Гуйчжоу, 1993. 351 с.]

²⁵⁶ 张铁夫等著.普希金的生活与创作.北京: 北京燕山出版社,1997.434 p. [Чжан Тефу. Жизнь и творчество Пушкина. Пекин: Пекинское издательство Яньшань, 1997. 434 с.]

²⁵⁷ 孙绳武, 卢永福主编. 普希金与我.北京: 人民文学出版社,1999.541 p. [Пушкин и я. / Под ред. Сунь Шэну, Лу Юнфу. Пекин: Изд-во «Народная литература», 1999. 541 с.]

²⁵⁸ 张铁夫主编.普希金与中国.长沙: 岳麓书社,2000.410 p. [Чжан Тефу. Пушкин и Китай. Чанша: издательство Юэлу, 2000. 410 с.]

²⁵⁹ 张铁夫等著.普希金新论:文化视域中的俄罗斯诗圣.北京: 中国社会科学出版社,2004. 347 p. [Чжан Тефу. Новое суждение о Пушкине: русский гений поэзии в культурной перспективе. Пекин: Издательство общественных наук Китая, 2004. 347 с.]

²⁶⁰ 张铁夫著. 普希金: 经典的传播与阐释. 湘潭: 湘潭大学出版社, 2009. P. 276 [Чжан Тефу. Пушкин. Распространение и интерпретация классики. Сянган: Издательство Сянганского университета, 2009. С. 276]

литературный перевод: исследование китайского перевода “Евгения Онегина”» (2007 г.)²⁶¹ Чжао Хуна и т.д. Согласно статистике пушкиниста Чжан Тефу, только за период с 2000 по 2010 год было опубликовано более 230 научных статей и 15 книг, посвящённых Пушкину. Чжан Тефу резюмировал особенности китайской пушкинистики периода, который происходил после Культурной революции, как «процесс систематизации перевода, применение объективных критериев к оценке деятельности и взглядов поэта, а также выработка научного подхода к исследованиям»²⁶².

Всестороннее понимание личности и творчества А.С. Пушкина позволяет более глубоко исследовать наиболее важные произведения поэта. В соответствии с общими тенденциями в китайской пушкинистике также получили новую жизнь исследования романа в стихах «Евгений Онегин», который стал одной из наиболее острых и широко обсуждаемых тем.

До 1978 года в Китае уже существовали 4 версии перевода «Евгения Онегина». После политики «реформ и открытости» последовательно появились больше и больше переводов. На текущий момент в Китае существует 15 переводов «Евгения Онегина»²⁶³. Четыре из них (перевод Вэй Цзюня и Юй Бана²⁶⁴, перевод Ван Чжигэна²⁶⁵, перевод Цзэн Чунмина и Цзэн Фаньхуа²⁶⁶, и перевод Чжэн

²⁶¹ 赵红著. 文本的多维视角分析与文学翻译:《叶甫盖尼·奥涅金》的汉译研究. 上海: 复旦大学出版社, 2007. P. 273 [Чжао Хун. Многомерный анализ текстов и литературный перевод: исследование китайского перевода “Евгения Онегина”. Шанхай: Издательство Фуданьского университета, 2007. С. 273]

²⁶² 张铁夫著. 普希金学术史研究. 南京: 译林出版社, 2013. P. 183. [Чжан Тефу. Истории научного исследования Пушкина. Нанькин: Издательство Илин. 2013. С. 183]

²⁶³ Подробнее о переводах «Евгения Онегина» на китайском языке см. статью: Мельников Н. Г., Чжу Янь. История перевода романа в стихах «Евгений Онегин» А.С. Пушкина в Китае//Мир науки, культуры, образования. 2023. №. 2(99). С. 393-397.

²⁶⁴ 叶甫盖尼奥涅金. 未俊, 余邦 译\戈宝权, 王守仁主编. 普希金抒情诗全集 4. 长沙: 湖南文艺出版社, 1993. P 178-483. [Пушкин А. С. Евгений Онегин/пер. Вэй Цзюнь и Юй Бан // Полн. собр. соч. Т. IV/ Под ред. Гэ Баоцюань, Ван Шуожэнь. Чанша: Издательство литературы и искусства провинции Хунань. 1993. С. 178-483].

²⁶⁵ 普希金. 普希金诗选. 王志耕译. 石家庄: 花山文艺出版社. 1995. P. 213-311 [Пушкин А. С. Евгений Онегин/пер. Ван Чжигэн // Избранные стихи. Шицзячжуан: Издательство литературы и искусства «Хуашань». 1995. С. 213-311].

²⁶⁶ 叶甫盖尼奥涅金, 曾冲明, 曾凡华译//普希金诗选. 北京: 长征出版社, 2005.05. С. 125-450 [Пушкин А. С. Евгений

Цзинвэнь ²⁶⁷) являются низкопробными поделками, характеризующимися неполнотой, низким качеством перевода или наличием частичных заимствований у предшественников (то есть их отличает откровенная вторичность).

Остальные одиннадцать при всех недостатках могут считаться полноценными иноязычными аналогами пушкинской «энциклопедии русской жизни», отличающимися высоким художественным уровнем. Каждый перевод романа в стихах отражает собственное понимание переводчиком оригинала, а также особенности их эстетического восприятия. К числу выдающихся переводческих интерпретаций пушкинского шедевра можно причислить следующие: во многом образцовый труд Чжа Лянчжэна²⁶⁸, который считается в Китае эталоном поэтического перевода (Чжа придерживался принципа «поэтического перевода», чтобы достичь эстетического эффекта оригинала); а также творения переводчика Ван Шисе, который в первую очередь стремился точно передать изначальную мысль Пушкина²⁶⁹; Фэн Чуня (при переводе романа в стихах он предпочитал передать смысловую выразительность оригинала)²⁷⁰; пушкиниста Ван Чжиляна (он был первым переводчиком, кто смог точно воспроизвести онегинскую строфу ²⁷¹); Дин Лу (при переводе «Евгения Онегина» он экспериментировал с ритмикой и рифмами, рассматривая их с точки зрения

Онегин/пер. Цзэн Чунмин и Цзэн Фаньхуа // Избранные стихи. Пекин: Издательство Чанчжэн. 2005. С. 125-450].

²⁶⁷ 郑清文. 永恒的恋人. 台北志文出版社, 1997. [Чжэн Цзинвэнь. Вечные влюблённые. Тайбэй: издательством Чживэнь. 1997.].

²⁶⁸ 普希金, 欧根·奥涅金, 查良铮译, 上海:平明出版社.1954年.332页 [Пушкин А.С. Евгений Онегин / Пер. Чжа Лянчжэна. Шанхай: Пинмин, 1954. 332 с.].

²⁶⁹ 普希金, 叶夫根尼·奥涅金, 王士燮译, 黑龙江: 人民出版社.1981年.317页 [Пушкин А.С. Евгений Онегин / Пер. Ван Шисе. Хэйлунцзян: Народное изд-во, 1981. 317с.].

²⁷⁰ 普希金, 叶甫盖尼·奥涅金, 冯春译, 上海: 译文出版社. 1982年. 309页 [Пушкин А.С. Евгений Онегин / Пер. Фэн Чуня. Шанхай: Изд-во переводов, 1982. 309 с.].

²⁷¹ 普希金, 叶甫盖尼·奥涅金, 智量译, 北京: 人民文学出版社.1985年. 325页[Пушкин А.С. Евгений Онегин / Пер. Ван Чжиляна. Пекин: Народная литература, 1985. 325 с.]

современного китайского стихосложения)²⁷². Последние переводы²⁷³, появившиеся на рубеже XX–XXI в., также имеют свои уникальные особенности и способствуют распространению «Онегина» в Китае.

С момента появления первого перевода пушкинского романа в стихах до сегодняшнего дня уже прошло восемьдесят лет. Качество переводов романа в стихах улучшается во всех аспектах.

Определяя общую тенденцию многолетней переводческой интерпретации «Евгения Онегина» в Китае, можно говорить о постоянном стремлении китайских переводчиков к верной передаче смысла и формальных особенностей оригинала.

С появлением более десяти версий переводов масштабы исследований «Евгения Онегина» беспрецедентно расширились. Согласно неполным статистическим данным, с 1980-х годов до начала XXI были опубликованы примерно более двухсот работ, посвящённых «Евгению Онегину». Среди них в центре внимания оказывается система персонажей романа в стихах. Безусловно, при интерпретации образа героев в исследованиях китайских учёных затрагиваются и другие проблемы: особенности жанра и творческого метода, замысел и его реализация, философская, нравственная, эстетическая проблематика и т.д. Однако специальных исследований, посвящённых вышеназванным темам не очень много, примерно лишь 11 статей: «Языковые особенности романа в стихах “Евгений Онегин”»²⁷⁴(1989) Сунь Чжисяня, «Краткий анализ метафор в “Евгении

²⁷² 普希金, 叶甫盖尼·奥涅金, 丁鲁译, 南京: 译林出版社, 1996年.284页 [Пушкин А.С. Евгений Онегин /Пер. Дин Лу. Нанкин: Изд-во «Илинь», 1996. 284 с.]

²⁷³ 刘文飞主编; 顾蕴璞, 范红译. 普希金全集 第5卷 长诗卷. 石家庄: 河北教育出版社, 1999年. 318页 [Полное собрание сочинения Пушкина: Т.V Поэма (Евгений Онегин) / Под. ред. Лю Вэньфэя., пер. Дин Лу. Шицзячжуан: Изд-во образования Хэбэй, 1996. 318 с.]; 普希金著. 叶夫根尼·奥涅金. 刘宗次译. 西安: 陕西人民出版社, 2002年. 253页 [Пушкин А.С. Евгений Онегин / Пер. Лю Цзунци. Шицзячжуан: Изд-во образования Хэбэй, 2002. 253 с.]; 普希金著; 田国彬译. 叶甫盖尼·奥涅金. 北京: 北京燕山出版社, 2003年. 389页 [Пушкин А.С. Евгений Онегин / Пер. Тянь Гобиня. Пекин: Изд-во Яньшань, 2003. 289 с.]; 普希金著; 剑平译. 叶甫盖尼·奥涅金. 郑州: 河南人民出版社, 2004年. 347页 [Пушкин А.С. Евгений Онегин / Пер. Цзянь Пина. Чжэнчжоу: Хэнаньское народное изд-во. 2004. 347 с.].

²⁷⁴ 孙致祥.长诗《叶甫盖尼·奥涅金》的语言特色[J].四川外语学院学报,1989(01):67–74[Сунь Чжисянь. Языковые

Онегине»²⁷⁵ (1991) Нью Гуанхуя, «О народности пушкинского “Евгения Онегина”»²⁷⁶ (1998) Цюй Цзюаня, «Размышления о смерти в “Евгении Онегине”»²⁷⁷ (2002) Дэн Цзяньчжуня, «Труды Ю.М. Лотмана о “Евгении Онегине”»²⁷⁸ (2002) Кан Чена, «Перифраза в “Евгении Онегине”»²⁷⁹ (2005) Ван Цзясины, «Пушкинский взгляд на любовь в “Евгении Онегине”»²⁸⁰ (2007) Цзя Яньхуна, «Современная интерпретация “Евгения Онегина”»²⁸¹ (2009) Чжоу Ина, «Этическая интерпретация “Евгения Онегина”»²⁸² (2009) Лю Сяояня, «Символика цветов в “Евгении Онегине”»²⁸³ (2015) Ян Миня, «О многозначности слова “возвращение” в романе в стихах “Евгений Онегин” и романе “Преступление

особенности романа в стихах «Евгений Онегин»//Вестник Сычуаньского института иностранных языков. 1989. № 1. С. 67–74]

²⁷⁵ 牛光辉.浅析《叶甫盖尼·奥涅金》中的隐喻[J].四川外语学院学报,1991(02):47–52. 5. [Нью Гуанхуй. Краткий анализ метафор в «Евгении Онегине»//Вестник Сычуаньского института иностранных языков. 1991. № 2. С. 47–52]

²⁷⁶ 曲娟.论普希金《叶甫盖尼·奥涅金》的人民性[J].通化师院学报,1998(02):26–30. [Цюй Цзюань. О народности пушкинского «Евгения Онегина»//Вестник педагогического университета Тунхуа. 1998. № 2. С.26–30]

²⁷⁷ 邓建中.《叶甫盖尼·奥涅金》的死亡思考[J].俄罗斯文艺,2002(06):71–73+85. [Дэн Цзяньчжун. Размышления о смерти в «Евгении Онегине»// Русская литература и искусство. 2002. № 6. С. 71–73+85]

²⁷⁸ 康澄.试析洛特曼对《叶甫盖尼·奥涅金》的研究[J].外国文学研究,2002(04):35–40+170. [Кан Ченг. Труды Ю.М. Лотмана о «Евгении Онегине»// Изучение иностранной литературы. 2002. № 4. С.35–40]

²⁷⁹ 王加兴.试论《叶甫盖尼·奥涅金》中的修辞手法“换说”[J].解放军外国语学院学报,2005(02):113–117. [Ван Цзясин. Перифраза в «Евгении Онегине» // Вестник Института иностранных языков при Народно-освободительной армии Китая. 2005. № 2. С.113–117].

²⁸⁰ 贾延红.从《叶甫盖尼·奥涅金》看普希金的爱情观[J].现代语文(文学研究版),2007(06):53–54. [Цзя Яньхун. Пушкинский взгляд на любовь в «Евгении Онегине»//Современный китайский язык (Издание литературных исследований). 2007. № 6. С. 53–54]

²⁸¹ 周颖.《叶甫盖尼·奥涅金》的现代阐释[J].五邑大学学报(社会科学版),2009,11(03):58–61[Чжоу Ин. Современная интерпретация Евгения Онегина//Вестник университета Вуйи (издание по общественным наукам). 2009. № 11(3). С. 58–61]

²⁸² 刘晓燕.《叶甫盖尼·奥涅金》伦理解读[J].河北软件职业技术学院学报,2009,11(03):67–69. [Лю Сяоянь. Этическая интерпретация «Евгения Онегина»//Вестник Хэбэйского профессионального института технологий. 2009. № 11(03). С. 67–69]

²⁸³ 杨敏.《叶甫盖尼·奥涅金》中“花”的意象[J].潍坊工程职业学院学报,2015,28(05):69–72. [Ян Минь. Символика цветов в «Евгении Онегине»//Вестник Вэйфанского инженерного профессионального института. 2015. № 28(05). С.69–72.]

и наказание”»²⁸⁴ (2018) Тан Сяосюэ, «Значение и функция сновидений в литературных произведениях – в пример сновидения в “Евгении Онегине” и “Три-три”»²⁸⁵ (2017) Тянь Цзыхуэя.

Большинство из вышеперечисленных работ не отличается глубиной анализа и разнообразием проблематики. В целом китайские интерпретаторы сосредотачиваются на толковании образов персонажей пушкинского шедевра; прежде всего их внимание привлекают главные герои — Евгений Онегин и Татьяна Ларина; затем второстепенные — Владимир Ленский, Ольга Ларина и также авторское «я».

3.1 Интерпретация образа Евгения Онегина²⁸⁶.

Интерпретация образа Евгения Онегина претерпела в Китае процесс постоянных изменений. До 1978 года исследователи русской литературы часто использовали марксистский метод классового анализа при изучении образа Онегина. Они любили обсуждать недостатки в характере «лишнего человека» Онегина и его негативное значение, рассматривая его в качестве отрицательного персонажа, в образе которого воплотились все пороки дворянского сословия царской России. После политики «реформ и открытости» социологический подход остаётся одним из важных методов интерпретации персонажей. Однако по мере

²⁸⁴ 唐晓雪.论《叶甫盖尼·奥涅金》与《罪与罚》中“回归”的多重意义[J].青年文学家,2018(09):102–103. [Тан Сяосюэ. О многозначности слова «возвращение» в романе в стихах «Евгений Онегин» и романе «Преступление и наказание»// Молодые литературоведы. 2018. № 9. С. 102–103]

²⁸⁵ 田紫卉.梦境在文学作品中的意义与功能——以《叶甫盖尼·奥涅金》与《三三》中的梦境为例[J].江苏经贸职业技术学院学报,2017(04):48–50. [Тянь Цзыхуэя. Значение и функция сновидений в литературных произведениях — в пример сновидения в «Евгении Онегине» и «Три-три»// Вестник Цзянсуского профессионально-технического института экономики и торговли. 2017. № 4. С. 48–50]

²⁸⁶ При подготовке данного раздела были использованы материалы статьи: Мельников Н. Г., Чжу Янь. История перевода романа в стихах "Евгений Онегин" А.С. Пушкина в Китае// Мир науки, культуры, образования. 2023. №. 2(99). С. 393-397.

того, как демократическое понимание литературы укоренилось в сознании интерпретаторов, они начали видеть позитивное значение образа «лишнего человека». Одновременно под влиянием новых идей из России и Запада китайские интерпретаторы попытались переосмыслить образ Онегина, применить к нему новые методологические принципы. Так что обсуждение и полемика об интерпретации Онегина продолжаются в 30-летнем периоде с 1980 по 2010 гг.

На интерпретацию образа Онегина в китайских исследованиях, естественно, наибольшее влияние оказала русская литературная критика. В частности, китайские пушкинисты многократно цитируют слова А.И. Герцена: «...Онегин — это русский, он возможен только в России; в ней он нужен, и его встречают на каждом шагу. Онегин — это бездельник, потому что он никогда ничем не занимался, человек лишний в той сфере, в которой находится, и не имеющий достаточной силы характера, чтобы из неё выйти...»²⁸⁷. Весьма авторитетным является и мнение В.Г. Белинского, который охарактеризовал Онегина как «страдающего эгоиста поневоле»²⁸⁸. Такая точка зрения глубоко укоренилась среди китайских литературоведов. Под влиянием русской критики в литературоведении Китая долгое время преобладало мнение, что Онегин является «лишним человеком». При этом причины появления «лишнего человека» в основном объясняются социальной средой начала XIX века и особенностью самих интеллектуалов того времени. Например, учёный Вэй Лин считает, что «“лишние люди”, представленные Онегиным в произведении Пушкина, были продуктом социальной среды и воспитания российского общества того времени»²⁸⁹. Педагог Ху Юньбо утверждает, что «основными причинами появления “лишних людей” были социальные факторы и социально-исторические условия, которые определяют их трагическую жизнь»²⁹⁰.

²⁸⁷ Герцен. А. И. О развитии революционных идей в Россия // Собрание сочинений: в 30 т. Т. 7. М.: Изд-во Академии наук СССР. 1956. URL: az.lib.ru/g/gercen_a_i/text_0360.shtml (Дата последнего обращения: 17.04. 2021)

²⁸⁸ Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: В 13 т. Т. VII. М., 1955. С. 458.

²⁸⁹ 魏玲.论俄罗斯文学中的“多余人”形象[J].国外文学,1994(04):65. [Вэй Лин. Об образах “лишних людей” в русской литературе // Иностранная литература, 1994. №4. С.65.]

²⁹⁰ 胡云波.“多余人”艺术形象分析与研究[D].内蒙古师范大学,2006.3.[Ху Юньбо. Анализ и исследование

Профессор Чжу Дацю придерживается аналогичного мнения: «Образ “лишнего человека” обладает социальной значимостью. Трагические судьбы “Онегиных” приводят к возникновению серьёзного социального вопроса: “Кто виноват?”, ответ на который указывает на самодержавие России и её социальную среду»²⁹¹.

За более чем тридцать лет на самом авторитетном китайском сайте академических статей «Знание» появилось более ста статей, посвящённых теме «лишнего человека» Онегина. Многие из этих работ серьёзны и ценны, хотя одновременно с ними публикуются откровенно вторичные работы, скроенные по нехитрому шаблону. Сначала авторы этих опусов дают весьма поверхностный обзор русской истории XIX века, бегло обрисовывают черты «лишнего человека» затем разбирают характер Онегина и, наконец, делают вывод, что «Онегин — это типичный лишний человек в типичных условиях».

Среди статей, посвященных образу Онегина, стоит отметить статью Ван Чжиляна «Об образной системе и творческом методе “Евгения Онегина”»²⁹², в которой пушкинист выражает глубокое понимание образа «лишнего человека» Онегина.

В начале статьи Ван Чжилян признаёт, что при интерпретации образа Онегина анализ социальной среды XIX века демонстрирует достоверность образа Онегина и того, как реалии русской жизни отражены в романе в стихах. Но такой подход не помогает полностью понимать художественное очарование пушкинского героя. Пушкинист предлагает рассмотреть этот вопрос с точки зрения основного противоречия человечества.

Автор отмечает: человек живёт как независимая личность в определенной социальной группе, ему необходимо защищать интересы как личные, так и

художественного образа «лишних людей»: Магистерская диссертация / Педагогический университет Внутренней Монголии. Внутренняя Монголия., 2006. 40 с.]

²⁹¹ 朱达秋.作为记忆形象的多余人— 俄罗斯文学与文化记忆[J].外国语文,2014,30(03):33. [Чжу Дацю. Лишний человек как образ памяти — Русская литературная и культурная память // Иностранный язык. 2014. №. 30(3). С. 33.]

²⁹² 智量.论《叶甫盖尼·奥涅金》的形象体系与创作方法[J].外国文学评论,1990,第3期.P.89. [Ван Чжилян. О системе образов и творческом методе «Евгения Онегина» // Критика зарубежной литературы. 1990. № 3. С.87–92].

коллективные. Есть те, кто ставят интересы личности выше интересов коллектива — это индивидуалисты; есть те, кто жертвует своими личными интересами ради коллектива — это коллективисты, и «такие люди часто становятся первопроходцами своего времени»²⁹³. А Онегин, по мнению автора, не является ни индивидуалистом, ни коллективистом, именно в этом кроется его проблема. Автор отмечает: у него западные буржуазно-демократические идеи, и он сочувствует широкой массе трудящихся и крестьян. Он ненавидит высшее общество, но он не может посвятить себя делу освобождения народа, как декабристы. Так что автор считает Онегина человеком, не желающим ни придерживаться индивидуализма, ни посвящать свою жизнь коллективу. Как говорит Герцен, он «никогда не станет на сторону правительства, но никогда не сумеет встать на сторону народа»²⁹⁴. Наконец Ван Чжилян делает вывод: «С более высокой точки зрения всего человечества “лишний человек” в русской литературе XIX века — это особая историческая форма человеческих существ, которая не смогла разрешить основное противоречие между индивидом и коллективом. Онегин — яркий представитель такого рода людей. Художественное очарование Онегина заключается в его конкретном воплощении этого врождённого вечного противоречия»²⁹⁵.

Трактовка Онегина как лишнего человека утвердилась не только в китайской пушкинистике, но и в подавляющем большинстве учебников по истории литературы. Вот типичные формулировки из наиболее популярных учебниках по русской литературе с 1980 по 2010 гг. «Люди, подобные Онегину, получили название “лишних людей”»²⁹⁶; «Онегин — первый типичный “лишний человек” в истории русской литературы»²⁹⁷; «Онегин — родоначальник “лишнего человека” в

²⁹³ Ван Чжилян. Цит. Соч. С. 88.

²⁹⁴ Герцен. А.И. Там же.

²⁹⁵ Ван Чжилян. Цит. Соч. С. 88.

²⁹⁶ 俄罗斯文学史/周敏显编著.上海: 上海外语教育出版社,1990. P183. [История русской литературы / Под ред. Чжоу Миньсиань. Шанхай: Шанхайская пресса по обучению иностранным языкам.1990. С. 183]

²⁹⁷ 李明滨主编. 世界文学简史. 北京: 北京大学出版社, 2002.P.150 [Краткая история мировой литературы: учебник

истории русской литературы... Такой “лишний человек” имеет трезвое критическое отношение к обществу. Он презирает аристократическое общество, но и неспособен порвать с высшим обществом»²⁹⁸; «Онегин — типичный представитель передовой дворянской молодёжи 20-х годов XIX в. Он стал первым “лишним человеком”, и эту галерею пополняют вслед за Пушкиным Лермонтов, Тургенев, Герцен, Гончаров»²⁹⁹.

Хотя понимание Онегина как «лишнего человека» в китайском пушкиноведении уже стало общепринятым мнением, существуют и другие точки зрения.

В 1982 году литературовед Бо Тао опубликовал статью под названием «Является ли Евгений Онегин лишним человеком?», где оспорил устоявшуюся в советском и китайском литературоведении трактовку образа Евгения Онегина как «лишнего человека». Бо Тао оправдывал Онегина, предлагая три аргумента.

Во-первых, автор упоминал о деятельности Онегина в деревне: о его преобразованиях, которые должны были облегчить жизнь крестьян, о его попытках что-то писать. Автор статьи даже задавал риторический вопрос: «Небольшие преобразования Онегина были встречены проклятиями со стороны соседних помещиков, чего же можно было ожидать в феодально-крепостническом обществе России?»³⁰⁰. По поводу неудачных литературных занятий Онегина Бо Тао дал следующее объяснение: Онегин много читал, так что, едва ли он действительно не различал ямб и хорей, а стихи не смел писать из-за царской цензуры. Такое оправдание, на наш взгляд, довольно наивное. Кроме того, согласно учёному, А.С.

для вузов / под ред. Ли Минбинь Пекин: Издательство Пекинского университета. 2002. С.150]

²⁹⁸ 俄罗斯文学简史/任光宣主编.北京: 北京大学出版社,2006.Р.77[Краткая история русской литературы: учебник для вузов / Под ред. Жэнь Гуансюань. Пекин: издательство пекинского университета, 2006. С. 77]

²⁹⁹ 俄罗斯文学史上(俄语专业本科生教材) / 郑体武主编. 上海: 上海外语教育出版社, 2008.08. Р. 132 [История русской литературы (первый том): учебное пособие для студентов бакалавриата по специальности русского языка / Под ред. Чжэн Тиу. Шанхай: Шанхайское издательство по образованию в области иностранных языков, 2008. С. 132]

³⁰⁰ 波涛.叶甫盖尼·奥涅金是“ЛИШНИЙ ЧЕЛОВЕК”吗?[J].外语教学,1982,第2期. Р.67 [Бо Тао. Является ли Евгений Онегин «лишним человеком»? // обучение иностранным языкам. 1982, № 2. С. 67]

Пушкин намекал своим читателям, что если Онегин и мог бы принимать участие в общественной деятельности, то деятельность его должна быть в противовес крепостному праву и самодержавию России.

Во-вторых, Бо Тао указывал, что Онегин находился под влиянием идей Просвещения и Французской революции, и у него сформировались прогрессивные идеи, направленные против самодержавия и тирании. Подтверждая этот тезис, Бо Тао весьма произвольно интерпретировал строфы XLVII– XLVIII первой главы (мол, упоминание тюрьмы свидетельствует об оппозиционности Онегина), а также замечал, что книги, которые читал Онегин, говорят о его прогрессивном мировоззрении.

Третий аргумент касался причин отказа от любви Татьяны и убийства Ленского. По мнению автора, отказываясь от любви Татьяны, — Онегин просто выражал своё истинное чувство в то время. А дуэль для Онегина была вынужденной, он также очень раскаивался в смерти своего друга.

Наконец автор делает вывод: утверждение, что Онегин был лишним человеком, несправедливо.

Очевидно, по мнению Бо Тао, русские критики и литературоведы видели только праздность и цинизм Онегина, поэтому Онегин определялся как «лишний человек». Можно сказать, интерпретатор не вникает в существо понятия «лишнего человека», которое закрепилось в русском литературоведении. «“Лишним людям” присущи глубокий скептицизм, душевная усталость, разлад слова и дела, отчуждение от идеологических ценностей официальной России, неспособность или нежелание активно вмешиваться в жизнь общества. Герои этого типа — богато одарённые натуры, которым не удаётся самореализоваться»³⁰¹. Китайский учёный весьма произвольно интерпретирует образ главного героя, зачастую выдавая желаемое за действительное; он только отмечает достоинства Онегина, и даже преувеличивает их. Но автор не видит отчуждение Онегина от общества, его

³⁰¹ Мельников Н. Г. «Лишний человек» // Литература и язык. Современная иллюстрированная энциклопедия. / под ред. проф. Горкина А.П. М.: РОСМЭН, 2007. С. 275.

отдалённость от народа, не понимает его противоречивого характера: Онегин хочет, но не может найти правильный жизненный путь. Так что мы считаем утверждение Бо Тао не убедительным.

Другой китайский литературовед Лю Фэнгуан также не согласен с распространённой точкой зрения, что Онегин является «лишним человеком», и для определения Онегина предлагает термин «заурядный человек». В статье «Это заурядный человек, а не “лишний человек”» (1986 г.) он определяет понятие «заурядный человек» следующим образом: «заурядный человек — это художественная эстетическая категория. Заурядный человек не прогрессист и не реакционер, ни плох и ни хорош. Он находится на средней ступени, расположенной между положительными и отрицательными персонажами»³⁰². Лю определяет Онегина как «заурядного человека», опираясь на два аргумента. Во-первых, Герцен предположил, что Онегин был «лишним человеком», но не указал, к какому классу лишний человек может относиться. По этой причине, можно предположить, что понятие «лишний человек» является надклассовым. Во-вторых, утверждение, что Онегин — «лишний человек», не соответствует действительности произведения. Онегин проводил преобразование в пределах своего имения и внёс определенный вклад в преобразование окружающей социальной среды. Кроме того, после путешествия Онегин снова встретился с Татьяной и влюбился в неё, что свидетельствовало о его раскаянии. «Раскаяние Онегина — это желание поэта, а также выход, который поэт даёт для “заурядного человека”». Читатели должны получать вдохновение от этого»³⁰³. В конечном итоге Лю Фэнгуан пришёл к выводу, что Онегин не был ни радикальным декабристом, ни консерватором, упорно поддерживавшим царя и крепостное право. Он не был ни дельцом и ни дармоедом, ни эксплуататором и ни благотворителем. Исходя из этих соображений, автор

³⁰² 刘奉光.是中间人物,不是“多余的人”——谈叶甫盖尼·奥涅金形象的社会意义[J].齐鲁学刊,1986(02). 113. [Лю Фэнгуан. Это заурядный человек, а не «лишний человек» — о социальной значимости образа Евгения Онегина // Вестник Цилу. 1986. №.2. С.113.]

³⁰³ Лю Фэнгуан. Там же.

называет Онегина «заурядным человеком».

На наш взгляд, точка зрения Лю Фэнгуана не является достаточно убедительной. Только из вышеперечисленных двух обоснований исследователь пришел к выводу о том, что Онегин — «заурядный человек». Этого недостаточно. Литературовед Ли Сяньян в своей статье «“Лишний человек” или “заурядный человек”?» (1988) полностью опроверг мнение Лю Фэнгуана. Он утверждает: «деление литературных образов на “положительных персонажей”, “заурядный персонажей” и “отрицательных персонажей” на самом деле является заменой литературной критики упрощённым политическим моральным суждением. Это далеко не “художественная эстетическая категория”»³⁰⁴ .

Справедливости ради, стоит отметить, что утверждение Лю Фэнгуана о «заурядном человеке» не являются полностью беспричинными. Советские литературоведы, также как их предшественники, В.Г. Белинский и Н.Г. Чернышевский, разделяли жизненные явления, описанные в литературе, на «положительные» и «отрицательные», при этом побуждая писателей восхвалять «положительные явления» и разоблачать «отрицательные». В соответствии с этой точкой зрения в литературе существовало определенное требование прославлять «положительных персонажей» и критиковать «отрицательных персонажей». Эта теория также была широко популярна в первые дни основания Нового Китая (КНР). Однако после того, как советская теория была подвергнута тщательному изучению китайскими исследователями, она неизбежно претерпела определенные трансформации, которые стимулировались сильным политическим давлением на литературу и искусство со стороны властей Китая. Литература в этот период, согласно пониманию руководства страны, должна была служить политике. Таким образом, деление персонажей на «положительных» и «отрицательных» стало незыблемой формулой, которая управляла литературным творчеством и критикой,

³⁰⁴ 李向阳.是“中间人物”,还是“多余的人”?——就叶甫盖尼·奥涅金形象与刘奉光同志商榷[J].丽水师专学报,1989(04):72. [Ли Сяньян. «Лишний человек» или «заурядный человек»? Спор с товарищем Лю Фэнгуаном об образе Евгения Онегина // Вестник Лишуйского педагогического университета, 1989. № 4. С. 72].

серьезно подавляя жизнеспособность литературного творчества. Именно поэтому литературовед и писатель Шао Цюаньлинь (1906–1971) в 1950-х гг. выдвинул понятие «заурядный персонаж», пытаясь расширить творческие возможности китайских писателей, призывая их создавать разные художественные образы, желая повысить качество литературы и усилить глубину ее реализма. Помимо этого, предполагалось, что «заурядные люди» помогут пролетарской политике в Китае. Следует отметить, что предложение создавать «заурядных персонажей» сыграло прогрессивную историческую роль в 1950-1960 гг. в Китае. Несмотря на это, Онегин обладает специфическими чертами, что совсем не соответствует определению «заурядного человека».

Рассматривая понятие «заурядный человек», китайский писатель Ба Динь (1904–2005 гг.) отмечал: «Чтобы упростить работу, некоторые авторы делят литературных персонажей на положительных, отрицательных и колеблющихся ... После этого становится действительно намного легче при написании произведения. Однако из-за этого не упрощаются люди, не упрощается жизнь, не упрощаются читатели»³⁰⁵. И действительно, все бессмертные образы в истории литературы всегда демонстрируют бесконечную сложность и богатство характера, давая читателям бесконечное эстетическое удовольствие. Онегин является героем определённой эпохи и представителем определённого класса, обладающим, тем не менее, неповторимыми особенностями характера. Его характер сложен и не может просто быть определён как «положительный», «отрицательный» или «заурядный». Понятие «лишний человек» применимо к образу Онегина и вовсе не отменяет его индивидуального своеобразия, поскольку он, содержит множество сложных исторических и реалистических особенностей.

Однако следует также отметить, что заслуга Лю Фэнгуана заключается в том, что он осмелился истолковывать образ Онегина с другой точки зрения, предоставив читателям пространство для сопереживания.

³⁰⁵ 巴金著.巴金全集.北京:人民文学出版社,1986. P. 323 [Ба Цзинь. Полное собрание сочинений Ба Цзиня. Пекин: Издательство народной литературы, 1986. С. 323].

Кроме понятия «заурядный человек» в китайское литературоведение благодаря образу Онегина вошло понятие «маргинальный человек», которое предложил Пэн Тичунь³⁰⁶ в 1998 году в статье «Маргинальный человек. Попытка анализа Евгения Онегина».

В начале статьи автор сопоставляет две тенденции в оценке и трактовке пушкинского героя: первая — критическая тенденция, представители которой считают Онегина «лишним человеком». Приверженцы данного подхода уверены, что у него больше отрицательных, чем положительных черт. Вторая — «оправдательная», восходящая к В.Г. Белинскому, который подчеркивал положительные черты Онегина, особенно его искренность. Эти две тенденции резко контрастируют друг с другом. Пэн Тичунь выдвигает концепцию «маргинальный человек», не имея изначально намерения опровергнуть какую-либо трактовку, но пытаясь найти точку соприкосновения двух противоположных подходов.

Далее учёный цитирует слова Герцена: «Лишний» человек, — человек, который «никогда не станет на сторону правительства, но никогда не сумеет встать на сторону народа». А по определению Пэн Тичуня к типу «маргинального человека» относятся «люди с двумя или более характерами (в литературных произведениях обычно проявляющимися как противоречивые характеры). Такие люди, как правило, имеют трагическую судьбу, но основной причиной этой судьбы является не сам характер, а маргинальность обстановки, в которой формируется этот характер»³⁰⁷. Сопоставляя определения «лишнего человека» с «маргинальным человеком», автор подчёркивает, что понятие «лишнего человека» расставляет акценты на роль человека в обществе: «“лишний”

³⁰⁶ Пэн Тичунь (1972–): кандидат филологических наук с 2007. Заведующий кафедрой драмы, кино и литературы Сычуаньской музыкальной консерватории. Читаемые курсы: «иностранная литература», «Западная литературная теория», «Избранные чтения китайских и зарубежных литературных произведений» и др.

³⁰⁷ 彭体春.边缘人—试评叶甫盖妮·奥涅金[J].西昌师范高等专科学校学报,1998(02):41. [Пэн Тичунь. Маргинальный человек. Попытка анализа Евгения Онегина // Вестник Сичанского педагогического колледжа высшего образования.1998. № 2. С. 41].

значит бесполезный для общества»³⁰⁸; а понятие «маргинальный человек» делает упор на характер человека.

Далее Пэн приводит аргументы, подтверждающие, на его взгляд, то, что Онегин является маргиналом. «Онегин жил в “особой среде”, в которой часть русских стала маргиналами и пострадала от русской хандры»³⁰⁹. Автор упоминает историю вторжения Наполеона на территорию России. «Несомненно, это огромное потрясение для российского общества. Политическая диктатура, отсталая экономика и деградирующая культура в тогдашней России резко контрастируют с такими странами, как Великобритания, Франция и другие, которые пропагандировали идеи просвещения (“свобода, равенство и братство”) и имеют более развитую экономику и культуру»³¹⁰.

Этот аргумент довольно странен. Автор забывает или плохо знает, что, принцип «свободы, равенства, братства» был чужд буржуазно-аристократической элите Великобритании начала XIX века, которая именно в это время начала складываться как великая колониальная империя. Стоит отметить, что Великобритания враждовала с революционной, а затем и наполеоновской Францией. Кроме того, трактовка «деградирующая культура в тогдашней России» тоже весьма вольная. В начале XIX века в России творили великие поэты и писатели (Н.М. Карамзин, В.А. Жуковский, И. А. Крылов, А. С. Пушкин), архитекторы (А. Н. Воронихин., К. И. Росси, В. П. Стасов) и художники (В. А. Тропинин, О. А. Кипренский, К. П. Брюлов) и т.д. Очевидно, автор не учел их, и даже считал, что культура Великобритании, Франции и других западных стран была зрелой, чем в России. Здесь, наверное, он хотел доказывать, что Россия стремилась учиться у Запада, а социальная среда становится «особой», но при этом он преувеличивал разрыв во всех отраслях между западными странами и Россией, и привел неверные аргументы.

³⁰⁸ Пэн Тичунь. Цит. соч. С. 41.

³⁰⁹ Там же.

³¹⁰ Пэн Тичунь. Цит. соч. С.41.

Далее по словам автора, русский народ, особенно аристократическая молодёжь, стремился к свободе и равенству в идеологии, но самодержавное устройство русского общества превращало это стремление в пустую формальность. Кроме того, русские люди, особенно в высшем свете, обожали всё иностранное и даже слепо подражали западным образцам жизни: «они воспитываются иностранными преподавателями, едят французские блюда в ресторане, одеты по-лондонски, танцуют польскую мазурку... Даже Татьяна, которая называется “русской душой”, пишет письмо на французском»³¹¹. Однако, подтверждает автор, русская натура трудно устранима. Онегин жил именно в такой социальной среде, полной противоречий. Онегин, как другие дворяне, получил западноевропейское образование, которое не соответствует условиям русской жизни. По мнению автора, преобразование в пределах своего имения и отношение к любви Татьяны показывают стремление Онегина к свободе и равенству. Но «в такой особой среде всё обречено заканчиваться трагедией»³¹².

«Характер Онегина — это именно характер маргинального человека, находящегося под влиянием особой среды. Особенностью его характера являются противоречие в сущности и форме. Его отношение к жизни лицемерное»³¹³. Далее в статье подробно рассматриваются противоречия в характере Онегина, вызванные обстоятельствами: «Он презирает родственное чувство (с дядей), но делает вид, что ценит его; он дорожит дружбой, но разрушает её своими руками; он устаёт от любви, когда может её получить; и преследует её, когда не может. Именно особая среда обуславливает все его поступки, заканчивающиеся трагически»³¹⁴.

Необходимо отметить, что определение «маргинального человека», которое представил Пэн Тичунь, было не совсем полное. Автор многократно подчёркивал, что социальные обстоятельства создали противоречивый характер Онегина и способствовали его трагической судьбе. Но может ли это стать аргументом в пользу

³¹¹ Пэн Тичунь. Цит. соч. С.43.

³¹² Пэн Тичунь. Там же.

³¹³ Пэн Тичунь. Там же.

³¹⁴ Пэн Тичунь. Цит. соч. С. 46.

того, что Онегин является «маргинальным человеком»? На наш взгляд, его трактовка является достаточно вольной. Маргинал, маргинальный человек, маргинальный элемент (от лат. *margo* — край) — это, как известно, «человек, находящийся на границе различных социальных групп, систем, культур и испытывающий влияние их противоречащих друг другу норм, ценностей и так далее»³¹⁵.

Китайский учёный Чжоу На даёт более подробное определение: «маргинальный человек — это тип культурного гибрида. Это меньшинство, которое находится вне группы большинства. Маргинальный человек вырос в одной культурной среде и подвергся влиянию другой культуры, которая в большей степени отличалась от предыдущей, в которой он вырос. В таком случае одна из двух культур (противостояние местной культуры и иностранной культуры или же двух разных местных культур) является господствующей. Маргинал в течение длительного периода колеблется между двумя культурами. В условиях конфликта культур он демонстрирует отсутствие культурных корней. Такое состояние подрывает ценностные суждения маргинала и тем самым вносит большую путаницу, дезориентацию и препятствия в его жизнь и в процессе реализации идеала... Большинство маргинальных людей очень самостоятельны, а также инициативны. У такого типа людей есть сильное желание сказать “нет” доминирующим культурным стереотипам, которые существуют как универсальные, господствующие нормы. Такое желание постоянно подвергается различным репрессиям и ограничениям, что заставляет страдать»³¹⁶.

Исследователь Чжоу На признал сходства между «лишним человеком» Онегиным и «маргинальным человеком»: оба они запутались и потерялись в отношении будущего и сами находятся в неловком положении. Однако, автор

³¹⁵ Мальшев И. В. Маргинал // Маргинальное искусство. М.: Изд-во МГУ, 1999. С. 62–63.

³¹⁶ 周娜. 中外文学“边缘人”形象比较研究[D]. 辽宁大学, 2011, С. 40 [Чжоу На. Сравнительное исследование образа "маргинальных людей" в китайской и зарубежной литературе: Магистерская диссертация/Ляонинский университет. Чэньян, 2011. С. 15]

подчёркивал, что между ними больше отличий, чем схожих черт.

Во-первых, маргинальный человек встречается во всех слоях общества и противостоит доминирующей культуре. А Онегин принадлежит к аристократии, представляет доминирующую культуру. Хотя он недоволен культурой в высшем обществе, он не в силах избавиться от её.

Во-вторых, «маргинальные люди» — это лишь меньшинство в обществе, представляющее мысли и чаяния небольшого числа людей или даже одного человека. А Онегин, по словам А.И. Герцена, «встречается на каждом шагу», а также воплощает мысли и чаяния большинства людей в обществе того времени.

В-третьих, у маргинального человека важной чертой является высокая самостоятельность и личная инициатива, которые помогают ему изменить свою судьбу на практике. Но Онегин является «гигантом в мыслях, карликом в действии».

Независимо от того, к какому литературному типу принадлежит Онегин, китайские учёные, в отличие от преимущественно негативной оценки Онегина в прошлом, постепенно начали выявлять положительные аспекты характера Онегина. Типичными примерами служат статьи «О двойственности образа Онегина» Лу Чжаоцюаня и «Прогрессивный дворянский молодой человек (об Онегине)» Чжоу Миньсианя.

Лу Чжаоцюань в статье «О двойственности образа Онегина» (1981) утверждает, что Онегина можно одновременно считать и лишним человеком, и представителем прогрессивной аристократической молодежи 1820-х годов. В своей работе автор начинает с анализа социальной среды, сформировавшей характер Онегина. По его мнению, после Отечественной войны 1812 года прогрессивная аристократическая молодежь находилась под влиянием европейской просветительской мысли и была недовольна политической реальностью тогдашней России. Автор приходит к выводу, что Онегин являлся именно таким молодым аристократом. Далее Лу Чжаоцюань подчеркивает, что в предыдущих научных статьях китайских исследователей часто игнорировалась прогрессивность Онегина

при анализе его образа как «лишнего человека». Важным признаком образа Онегина как представителя прогрессивной аристократической молодежи является критическое отношение к действительности. Оно проявляется в трех аспектах: во-первых, отвращение к высшему обществу, неприязнь к лицемерному общению и скучным разговорам; во-вторых, критика политической системы: например, в споре между Онегиным и Ленским «“Договор человечества в прошлом” намекает на политическую систему»³¹⁷; в-третьих, критика традиционных идей и популярных мнений: при споре между Онегиным с Ленским «они критиковали все»³¹⁸. Автор высоко оценивает критическое отношение главного героя: оно «отражает зарождение гуманизма и демократической мысли в российском обществе, а также является проявлением пробуждения общественного сознания»³¹⁹.

Переводчик и литературовед Чжоу Миньсиань в статье «Прогрессивный дворянский молодой человек (об Онегине)» придерживается аналогичного мнения, считая, что Онегин является типичным представителем прогрессивной дворянской интеллигенции, и даже «потерпевшим неудачу декабристом». Чжоу попытался объяснить, почему критики называют Онегина «лишним человеком», но не признают его передовым человеком. По его мнению, это во многом связано с творческим приёмом Пушкина: Пушкин использовал эзопов язык для скрывания революционного содержания, чтобы его роман в стихах мог выйти в свет, миновав цензуру. Кроме того, «когда речь идёт о преобразовании или политических взглядах главного героя, поэт всегда недоговаривает, чтобы не затронуть опасные политические темы и не придать Онегину политическую окраску»³²⁰. После этого

³¹⁷ 卢兆泉. 论奥涅金形象的两重性[J]. 杭州师范学院学报(社会科学版), 1981(02):66–71. [Лу Чжаоцюань. О двойственности образа Онегина // Вестник Ханчжоуского педагогического университета (издание по общественным наукам). 1981. № 2. С.68].

³¹⁸ Лу Чжаоцюань. Цит. соч. С. 68.

³¹⁹ Лу Чжаоцюань. Там же.

³²⁰ 周敏显. 先进贵族的青年—论奥涅金.《普希金创作评论集》/ 桂林:漓江出版社, 1983 年. P.159[Чжоу Миньсиань. Прогрессивный дворянский молодой человек (об Онегине) // Сборник статей о творчестве А. С. Пушкина. Гуй Линь: Лицзяньское издательство, 1983. С. 159].

литературовед на основе текста «Евгения Онегина» доказывает, что Онегин является типичным представителем прогрессивной дворянской интеллигенции. Так, политические и экономические вопросы, которые неявно упоминались в спорах между Онегиным и Ленским, часто обсуждались передовой аристократической молодежью, представленной декабристами. Утверждение о том, что из-под пера Онегина «не вышло ничего» не доказывает, что Онегин ленив, а говорит лишь о том, что он получил неудачное образование и что это было характерно для представителей высшего общества.

Кроме того, Чжоу Миньсиань положительно отзывается о проведении Онегиным преобразований в усадьбе: «Крестьяне были частично освобождены от своего бремени. Это была похвальная и социально значимая прогрессивная мера, аналогичная политической программе декабристов по отмене крепостного права»³²¹. В итоге автор статьи делает вывод, что Онегин вполне мог бы стать декабристом, однако в конце концов он ничего не достигает — это и есть трагедия того времени в России.

Действительно, положительные стороны «лишнего человека» Онегина достойны отдельного упоминания. Так, в любом обществе, где царит иррациональность, нелегко сохранить собственную индивидуальность, придерживаться своей свободы выбора и не вырождаться. Социальные изменения часто являются результатом революции, борьбы оппозиции с правительством, но также часто являются результатом отказа реформистов сотрудничать, результатом деятельности многих «лишних людей», которые завоевали свой путь к спасению страны через пассивное сопротивление.

Основываясь на детальном анализе текста и своём понимании Онегина, многие литературоведы стремятся понимать его человеческую природу в более глубоком и широком масштабе. Анализ и критика характера Онегина в основном сосредоточены на следующих трёх вопросах. Во-первых, почему Онегин отверг Татьяну, когда она с радостью и нежностью призналась ему в любви? Во-вторых,

³²¹ Чжоу Миньсиань. Цит. соч. С. 164.

зачем Онегин, дразнивший Ленского и приглашавший Ольгу на танец, принял вызов на дуэль и убил своего друга? В-третьих, почему Онегин, после многих лет путешествий вернувшийся в Петербург и встретивший повзрослевшую Татьяну, воспылал к ней страстью и, несмотря ни на что, преследовал её?

Одна точка зрения фокусируется на негативных аспектах человеческой природы Онегина, таких как слабость, эгоизм и лицемерие. Такого мнения придерживаются Ван Бичэн в статье «Любовная трагедия Татьяны» (1985 г.), Куан Син в статье «Переосмысление типичного характера образа Онегина» (1999 г.), У Пинчунь в статье «О “лишнем человеке” Евгении Онегине» (2019 г.) и т.д.

Отвечая на первый вопрос, исследователи предполагают, что Онегин изначально отверг Татьяну, потому что он был разочарован и цинично относился к жизни. Таким образом, отказ отражает его духовную пустоту. Куан Син даёт следующее объяснение: «Онегин, выросший в пустоте высшего общества, не мог понять невинных и искренних чувств простой девушки... Его отказ был вызван его скептицизмом и разочарованием к жизни... Его высокопарные слова являлись лишь прикрытием его духовной пустоты»³²².

Рассматривая вопрос о дуэли, интерпретаторы произведения считают, что поступки Онегина демонстрируют слабости человека, такие как ветреность, малодушие, эгоизм, тщеславие и жестокость. Этим объясняется его поведение, когда Онегин преследовал Ольгу на балу, а потом принял вызов на дуэль Ленского и выстрелил первым. О дуэли между Онегиным и Ленским переводчик Ван Чжилян (тот, кто переводил «Евгений Онегин» и впервые воспроизвёл онегинскую строфу на китайском языке) специально написал статью «Дуэль между Онегиным и Ленским — изучая шестую главу “Евгения Онегина”». Автор считает, что через дуэль Пушкин глубоко раскрывает сущность Онегина. Когда Онегин «стал первым тихо подымать» пистолет, тёмная сторона в душе «лишнего человека» полностью обнажилась. Ван Чжилян также отмечает: «Хотя у Онегина прогрессивные идеи,

³²² 匡兴.对奥涅金形象典型性质的再认识[J].俄罗斯文艺,1999(02): 95. [Куан Син. Переосмысление типичного характера образа Онегина//Русская литература и искусство. 1999. № 2. С. 95].

мы никогда не должны упускать из виду глубоко укоренившиеся в его характере черствость и эгоизм»³²³.

Также принято считать, что душевное состояние Онегина не сильно изменяется после путешествия. Нравственная испорченность глубоко укоренилась в его духе. Онегин преследует Татьяну, потому что это принесёт ему «честь соблазителя». Согласно мнению Ван Чжиляна, «Татьяна сразу указала Онегину на его эгоизм, подлость и его неискренность в любви... Онегин отражает мораль высшего общества — абсолютный эгоизм»³²⁴.

Однако значительно число интерпретаторов романа в стихах отстаивает иную точку зрения и, наоборот, подчеркивают искренность, храбрость, щедрость, жертвенность Онегина, его заботу о ближних. Среди подобных статей стоит отметить следующие: «Прогрессивный дворянский молодой человек — об Онегине» (1983 г.) Чжоу Миньсианя, «Пробный анализ двойной комбинации характера Онегина. Полемика с Ван Бичэном» (1987 г.) Лю Пина, «Повторное обсуждение “лишнего человека”». Краткое рассуждение о добре и зле в “Евгении Онегине”» (2009 г.) Чжао Сяньбяо, «Страдание “лишнего человека”. Анализ образа Евгения Онегина» (2014 г.) Лю Сумэя, «Почему Онегин отказался от Татьяны? Хандра и ее метафора в “Евгении Онегине”» (2021 г.) Сун Дефа и Ван Линся и т.д.

Все вышеперечисленные исследователи полагают, что появление Татьяны принесло разнообразие и надежду в скучную жизнь Онегина. Он тронут ее чувством и влюбляется в тихую, искреннюю и простую Татьяну. Однако Онегин беспокоится, что не сможет взять на себя семейные обязанности и не сможет

³²³ 奥涅金和连斯基的决斗—谈《叶甫盖尼·奥涅金》第六章. P. 137–143/智量著.智量文论集 上. 上海: 华东师范大学出版社,2013.11.P.137–143. [Ван Чжиляна. Дуэль между Онегиным и Ленским — изучая шестую главу «Евгения Онегина»//Сборник статей Ван Чжиляна. Шанхай: Издательство Восточно-Китайского педагогического университета. 2013. С. 137–143].

³²⁴ 智量, 讲授; 杨正先, 王梅记录; 马新彰, 王志耕整理. 19 世纪俄国文学史讲稿. 上海: 华东师范大学出版社, 2013.12 P.45 [Конспект лекции по истории русской литературы 19 века. Чжиляна. Записи Ян Чжэнсяня, Ван Мэя; под ред. Ма Синьчжана, Ван Чжигэна. Шанхай: Издательство Восточно-Китайского педагогического университета. 2013. С.45].

принести счастье Татьяне. Поэтому он не хочет обманывать невинное сердце этой девушки и из чувства ответственности даёт Татьяне дружеский совет: не быть доверчивой в будущем. В этом полностью проявляет добродетель, разумность, мораль и ответственность Онегина. Так, литературовед Чжоу Миньсиань утверждает, что поведение Онегина по отношению к Татьяне в четвертой главе характерно для передовой аристократической молодежи пушкинского времени. С его точки зрения, «(Онегин) ставит свободу выбора жизненного пути выше любви и брака»³²⁵. Пушкинист Чжан Тефу также считает, что причина отказа Онегина от Татьяны состоит, с одной стороны, в сохранении свободы и своей индивидуальности, с другой стороны, в сильном чувстве ответственности по отношению к доверчивой и наивной девушке³²⁶.

Помимо этого, дуэль между Онегиным и Ленским интерпретируется как вынужденный выбор. Колебание Онегина перед дуэлью, сожаление и раскаяние после дуэли показывают его человечность.

Преследование Онегиным Татьяны после путешествия и его страсть к ней обычно рассматриваются как стремление Онегина к новой жизни, мольба — на грани отчаяния — о настоящей любви. Чжоу Миньсиань сравнивает поведение Онегина с «человеком, который упал в воду и изо всех сил пытается схватить соломинку или обломок дерева»³²⁷. Литературовед Пань Ихэ в статье «Интерпретация “отвергнутого” Онегина и переоценка “лишнего человека”» (1997 г.) считает, что в заключительной главе Пушкин показывает противоречивость Онегина и его душевное возрождение для истинной любви, а также готовность примириться с обществом и отдаться смиренной жизни. Однако, стоит отметить,

³²⁵ 周敏显. 先进贵族的青年——论奥涅金. 《普希金创作评论集》桂林:漓江出版社, 1983. P. 170. [Чжоу Миньсиань. Прогрессивный дворянский молодой человек — об Онегине // Сборник критики к произведениям А. С. Пушкина / Под ред. Гэ Баоцуня. Гуй Линь: Лицзяньское издательство. 1983. С. 170.]

³²⁶ 《叶甫盖尼奥涅金》——个性·自由·责任. 张铁夫等著. 普希金的生活与创作. 北京:北京燕山出版社, 1997.06. P. 243–270 [Чжан Тефу. «Евгений Онегин» — личность · свобода · ответственность // Жизнь и творчество Пушкина. Пекин: Пекинское издательство “Яншань”, 1997. С. 243–270].

³²⁷ Чжоу Миньсиань. Цит. соч. С. 173.

что исследователи, придерживающиеся подробного мнения, такие как Пань Ихэ, обычно принижают роль и качества Татьяны, полагая, что из-за разрыва на духовном уровне между Онегиным и Татьяной она не может понять беспомощность Онегина, поэтому она недопонимает искреннее признание Онегина и даже надеется отомстить ему посредством отказа от его любви.

Исходя из вышесказанного мы видим, что вопросы о том, к какому литературному типу принадлежит Онегин, и как оценить его характер, постоянно вызывают дискуссии среди китайских литературоведов, поскольку не существует общепринятой, единственно верной трактовки этого образа.

Несмотря на множество различных интерпретаций образа Онегина, по большей степени, доминирует мнение о том, что Онегин является «лишним человеком» (что согласуется и с давней традицией русской пушкинистики). Одновременно с этим в современной китайской пушкинистике образ Онегина уже не трактуется однозначно негативно; подавляющее большинство толкователей уже не видят в нем циничного и эгоистичного представителя аристократии. В основном акцентируются положительные стороны личности Онегина. Для китайской аудитории он больше не является представителем какой-то абстрактной идеологии или какого-то класса, поскольку идеология больше не является главной отправной точкой для анализа произведения русского поэта. Онегин теперь представлен как яркая и живая личность. Интерпретаторы пушкинского романа в стихах по большей части всесторонне рассматривают образ Онегина.

Таким образом, возвращение к «человеческим» качествам главного героя стало важнейшей особенностью критического анализа и интерпретации «Евгения Онегина» в современной китайской пушкинистике. Помимо этого, китайские исследователи пытаются проанализировать, интерпретировать и определить образ Онегина в контексте своей собственной литературной теории. Хотя некоторые тезисы и аргументы являются незрелыми или несовершенными, они позволяют интерпретации образа Онегина обрести китайские особенности, что, в свою очередь, делает образ Онегина более доступным и более понятным для китайских

читателей в настоящее время.

3.2 Интерпретация образа Татьяны Лариной³²⁸

Образ Татьяны Лариной, занимающий важное место в романе и уступающий по важности только Евгению Онегину, привлекал и продолжает привлекать пристальное внимание как русских интерпретаторов «романа в стихах», так и китайских литературоведов.

Мы помним, что сам Пушкин называл Татьяну своим идеалом. Русские критики, в свою очередь, не скупались на похвалы героине. В.Г. Белинский считал, что «Татьяна — существо исключительное, натура глубокая, любящая, страстная»³²⁹, «Татьяна создана как будто вся из одного цельного куска, без всяких примесей и приделок»³³⁰; Ф. М. Достоевский назвал её апофеозом русской женщины. В XX веке ему вторили многие выдающиеся пушкинисты. Например, Д. Мирский: «...спокойное самообладание и смирение Татьяны венчают её тем неоспоримым моральным величием, которое всегда ассоциируется с ее именем. Создав Татьяну, Пушкин избежал почти неизбежного — не сделал добродетельную женщину, холодно отвергающую любимого человека, ни ханжой, ни пуританкой — и в этом его величие»³³¹. В биографической книге «Пушкин» В.С. Гроссман оставил столь же восторженные отзывы о Татьяне: у неё «этический пафос», «непоколебимая моральная стойкость», «в русской литературе это первая девушка с духовными исканиями, встревоженной мыслью и требовательной совестью»³³² и

³²⁸ При подготовке данного раздела были использованы материалы статьи: «*Чжу Янь*. Интерпретация образа Татьяны Лариной в китайской пушкинистике 1978 – 2010 гг. // *Litera*. 2022. № 4. С. 93 –102».

³²⁹ В.Г. Белинский. Сочинения Александра Пушкина. Статья девятая. «Евгений Онегин». URL: http://gramota.ru/biblio/reading/?rub=rubric_296&text=27_309 (дата последнего обращения: 02.05.2021)

³³⁰ В.Г. Белинский. Там же.

³³¹ Мирский Д. История русской литературы с древнейших времен по 1925 год / Пер. с англ. Р. Зерновой. London: Overseas Publications Interchange Ltd, 1992. Т. 1. С. 146.

³³² Гроссман Л. Пушкин. М.: Молодая гвардия, 1960. С. 383.

так далее.

Несомненно, образу Татьяны всегда уделялось большое внимание также в работах китайских учёных. Она вызывает восхищение среди китайской аудитории своей тесной связью с народом, твёрдым отстаиванием нравственных принципов и самопожертвованием. Переводчик Ван Чжилян неоднократно высоко оценивал героиню Пушкина: «Татьяна так же невинна, проста и глубока, как жены декабристов. Она — редкий и прекрасный цветок, который цветет на земле России»³³³; «Татьяна — это эталон жизни, который Пушкин показал русским и всему человечеству на той исторической высоте, которой поэт может достичь»³³⁴. Литературовед Хэ Маочжэн³³⁵ рассматривает Татьяну как «самый очаровательный образ русской женщины в русской литературе»³³⁶. Кроме того, учёные единодушно выразили свою признательность Татьяне за ту смелость, с которой она объяснилась в любви Онегину. Например, педагог Лун Сян считает, что «это вызов, брошенный Татьяной традиционному обществу. Она стремится объединить любовь и брак, чтобы преодолеть присущие женщинам идеологические ограничения. Такое мужество достойно похвалы. Мы видим, что Татьяна обладает чертами современной женщины»³³⁷. Другой китайский учёный, Ли Юаньцзин, оценивает

³³³ 智力, 讲授; 杨正先, 王梅记录; 马新彰, 王志耕整理. 19 世纪俄国文学史讲稿. 上海: 华东师范大学出版社, 2013.12 P.45 [Конспект лекции по истории русской литературы 19 века. Преподаватель Ван Чжилян; авторы Ян Чжэнсянь, Ван Мэй; редакторы Ма Синьчжан, Ван Чжигэн. Шанхай: Издательство Восточно-Китайского педагогического университета. 2013. С.45].

³³⁴ 智力.论《叶甫盖尼·奥涅金》的形象体系与创作方法[J].外国文学评论,1990,(第3期). P. 89. [Ван Чжилян. О системе образов и творческом методе «Евгения Онегина» // Критика зарубежной литературы. 1990. № 3. С.89].

³³⁵ Хэ Маочжэн (1931–): профессор факультета иностранных языков северо-восточного педагогического университета. Он является главным редактором книг «Советские популярные романы», «Исследование и преподавание иностранного языка и литературы» и др. Он переводил и редактировал биографию И.А. Крылова, «Собрание сочинений А. С. Пушкина» (Т. VII), «Братьев Карамазовых» (перевод с русского Фэн Хуаин) и т. д.

³³⁶ 何茂正. 独创性的典范《叶甫盖尼奥涅金》. 普希金创作评论集. 桂林:漓江出版社, 1983. P148. [Хэ Маочжэн. Образец оригинальности «Евгения Онегина» // Сборник критики к произведениям А. С. Пушкина. / Под ред. Гэ Баоцунянь. Гуй Линь: Лицзяньское издательство. 1983. С. 148].

³³⁷ 龙翔. 试论达吉雅娜情感历程的三个阶段[J]. 芒种,2014(05):133 [Лун Сян. Пробный анализ трёх этапов любовных переживаний Татьяны // Манчжун. 2014. № 5. С.133].

Татьяну как «женщину-первопроходца, кто смело стремится к любви и обладает большим мужеством»³³⁸.

В исследовательской литературе Китая при осмыслении образа Татьяны пристальное внимание уделяется финальной сцене романа: каждый интерпретатор стремится объяснить причину отказа Татьяны Онегину.

Переводчик Ван Шисе в статье «Критика о Татьяне» выделяет в жизни героини два периода: в первом она деревенская девушка, во втором — дама высшего общества. Автор указывает, что в эти два периода Татьяну отличает нравственная чистота и неудовлетворенность реальностью. Разница заключается в том, что её отношение к любви Онегина резко противоположно. Ван Шисе называет три причины ее изменения и окончательного отказа от Онегина: во-первых, вследствие структуры романа в стихах. Если по первоначальному замыслу Пушкина, кроме неполной главы X, должны быть главы XI и XII, в которых соответственно пишется о восстании декабристов, осуждении Онегина, его изгнании и смерти после провала восстания декабристов. Согласно данному плану, заявляет Ван Шисе, Татьяна служит лишь второстепенным персонажем. Её судьба и жизненный выбор должны зависеть от потребностей развития характера Онегина. Поэтому Татьяна должна отвергнуть Онегина, чтобы он из-за своего личного несчастья присоединился к восстанию декабристов. Вторая причина, по мнению переводчика, обусловлена нравственными ценностями Пушкина. Автор статьи утверждает: Пушкин, учитывая свой богатый любовный опыт и весьма вольное поведение многих аристократок, чувствовал, что общественные нравы ухудшаются. Поэтому поэт создал Татьяну, которая верна своему мужу. А третья причина — творческий метод создания Татьяны. Переводчик считает, что Татьяна — это романтический образ идеальной женщины, поэтому она отказывается от Онегина, от измены мужу. Автор также подчёркивает, что «противоречие Татьяны между

³³⁸ 黎原菁.浅析《叶甫盖尼·奥涅金》中达吉雅娜作为“俄罗斯的灵魂”的形象[J].散文百家(理论), 2020, (第4期). 40 [Ли Юаньцзин. Краткий анализ образа Татьяны как “души России” в «Евгении Онегине» // Сотни эссе (Теория). 2020. №. 4. С. 40].

идеалом и реальностью, ее стремление к сельской идиллии, все это соответствует требованиям романтизма. Поэтому она представляет собой романтический образ, и скорее является “идеальной женщиной”. Просто в ее образе нет такого отчаяния и столь ярких красок традиционного романтизма»³³⁹.

Рассмотрев исторический фон создания произведения, изучив характер и жизненный опыт Пушкина, проанализировав структуру романа в стихах, Ван Шисе предложил, на наш взгляд, весьма убедительную трактовку образа Татьяны. Его статья «Критика о Татьяне» стала важным подспорьем для будущих исследований по интерпретации Татьяны. Его аргумент в пользу того, что Татьяна представляет собой романтический образ, также повлиял на многих китайских учёных. Например, переводчик Ван Чжилян в предисловии к переработанному переводу в 2003 году писал: «Если образ Онегина отражает реалистическую сторону произведения, то образ Татьяны — его романтическую сторону. Татьяна в произведении предстает идеалом красоты, истины и доброты. Она является сверхреалистичным образом»³⁴⁰.

Образу Татьяны Ван Чжилян посвятил статью «Об образной системе и творческом методе “Евгения Онегина”». По мнению переводчика, Онегин стал «лишним», потому что он не смог разрешить основное противоречие между индивидом и коллективом (См. параграф 2.1). «А Татьяна в сердце Пушкина представляла собой идеальный персонаж для разрешения этого противоречия»³⁴¹. Пушкинист подчёркивал, что в ту эпоху от женщины не требовалось бороться и посвящать себя обществу, а мораль служила критерием оценки для женщины. Татьяна смогла соблюсти моральную чистоту, предпочла отказаться от

³³⁹ 王士燮.《评塔季扬娜的形象》.普希金创作评论集.桂林:漓江出版社,1983.P148 [Ван Шисе. Критика о Татьяне // Сборник критики к произведениям А. С. Пушкина / Под ред. Гэ Баоцунь. Гуй Линь: Лицзяньское издательство. 1983. С. 148].

³⁴⁰ 普希金,叶甫盖尼奥涅金,智量译,北京:人民文学出版社,2018.P8.[Пушкин А. С. Евгений Онегин / пер. Ван Чжилян. Пекин: издательство народной литературы, 2018. С. 8].

³⁴¹ 智量.论《叶甫盖尼·奥涅金》的形象体系与创作方法[J].外国文学评论,1990,(第3期).P.89.[Ван Чжилян. О системе образов и творческом методе «Евгения Онегина» // Критика зарубежной литературы. 1990. № 3. С.89].

сиюминутной любви и радости и навсегда остаться верной своим идеалам. Поэтому она в значительной степени превзошла индивидуальное “я” и достигла уровня нравственного чувства, которое было намного выше, чем Онегин.

Что касается отказа Татьяны от любви Онегина, Ван не поддерживал мнение о том, что Пушкин прославляет феодальную мораль, используя образ Татьяны. По его мнению, окончательный отказ Татьяны стал идеальным способом преодоления противоречий между личностью и коллективом. Автор подчеркивает, что Татьяна верна своему нелюбимому мужу, это отнюдь не значит, что она намерена соблюдать правила патриархальной морали, она, скорее, верна своей чистой и благородной натуре, настаивая на своём критическом отношении к реальности того времени. «В то время и в своём положении она могла только выразить неприятие социальной реальности, пожертвовав личным счастьем, чтобы в высшей степени получить духовное удовлетворение. Мы также должны видеть, что в её отказе скрывается неизменная любовь к Онегину. Именно потому, что она дорожит их любовью, она должна отвернуться от развратного образа жизни высшего общества»³⁴².

Другой литературовед, Дяо Шаохуа, в статье «“Евгений Онегин” и становление реализма в русской литературе»³⁴³ придерживается подобного мнения. Как и Ван Чжилян, автор высоко оценивает отказ Татьяны, также рассматривает её как персонаж, который может ответить на вопросы, поставленные Онегиным, считая, что поведение Татьяны служит примером «лишнему человеку» с его неразрешимыми противоречиями. Однако Дяо Шаохуа не считает её образ романтическим. Татьяна наконец вышла замуж за нелюбимого генерала, превратилась из робкой, невинной девы в неприступную богиню на берегах Невы. Такое изменение, подчеркивает автор, сделало образ Татьяны более реалистичным. Отвергнув ухаживания Онегина, Татьяна, с точки зрения литературоведа, не хочет

³⁴² Ван Чжилян. Цит. Соч. С. 89.

³⁴³ 刁邵华. 《叶甫盖尼·奥涅金》和俄国文学中现实主义的形成[A]. 戈宝权等. 普希金创作评论集[M]. 南宁: 漓江出版社, 1983. P.190–206 [Дяо Шаохуа. «Евгений Онегин» и становление реализма в русской литературе // Сборник критических статей о произведениях А. С. Пушкина. / Под ред. Гэ Баоцунянь. Гуй Линь: Лицзяньское издательство. 1983. С. 190–206.]

идти на компромисс со своим аристократическим окружением; скорее, она решительно отказывается от неверности мужу в противовес тому, что было принято среди женщин в высшем обществе.

Таким образом, мнения Ван Чжиляна и Дяо Шаохуа совпадают. Они оба считают отказ Татьяны высокоморальным. Кроме Ван Чжиляна и Дяо Шаохуа, многие другие интерпретаторы при анализе образа Татьяны дают высокую оценку ее душевным качествам: нравственной силе, честности и благородству. Однако некоторые высказывают противоположные мнения. Мы приведём типичный пример: статья Цю Синьминя, преподавателя факультета русского языка Нанкинского сельскохозяйственного университета, «Неизменная судьба. Попытка анализа образа Татьяны в “Евгении Онегине”» (2001).

Цю Синьминь предполагает, что по мере того, как образ мышления людей переходит от эпохи бинарных оппозиций к плюралистической эпохе общения и диалога, оценка Онегина больше не ограничивается такими категориями, как эгоизм, безжалостность и распущенность. По-новому нужно воспринимать и образ Татьяны Лариной. Рассуждая о развитии характера героини, автор делит ее жизнь на три периода: 1) период девичьих фантазий, который завершается отповедью Онегина; 2) переходный период — от знакомства с библиотекой Онегина до выхода замуж за знаменитого генерала; 3) период становления — становление неприступной богини на берегах Невы.

Цю напоминает, что в первый период своей жизни Татьяна замкнута, мрачна, молчалива; она весь день фантазирует, воображает себя героиней романтических книг, мечтая найти идеального мужа, чтобы избавиться от «скучной деревни» и «суровой окружающей среды»³⁴⁴. Так она влюбилась в Онегина. Автор отмечает, что, судя по жизненному опыту Татьяны, она не видит значительных различий идеологических устремлений между собой и Онегиным: «Татьяна страстно жаждет

³⁴⁴ 邱欣敏.无法改变的命运——试述《叶甫根尼·奥涅金》中达吉雅娜的形象[J].南京理工大学学报(社会科学版),2001(04):39. [Цю Синьминь. Неизменная судьба. Попытка анализа образа Татьяны в «Евгении Онегине»// Вестник Нанкинского технологического университета (издание по социальным наукам). 2001. №.4. С. 39].

личной любви и семейного счастья», а «Онегин ищет правильный жизненный путь»³⁴⁵. Кроме того, автор хвалит Онегина за отказ от любви Татьяны, утверждая, что это справедливо и логично: Онегин не пошел против своей совести; Онегин уважает Татьяну, отказывается от ее любви по-джентльменски. Он относится к Татьяне как брат и даже дает ей добрые советы.

Во втором периоде Онегин отправился в путешествие, Татьяна читала его книги, угадывая по ним особенности его характера. Цю Синьминь отвергает мнение многих других интерпретаторов, считавших, что после чтения книг из его библиотеки Татьяна наконец раскусывает лицемерие Онегина и разочаровывается в нем. Такого мнения, в частности, придерживался Ван Бичжен в статье «Разговор о любовной трагедии Татьяны»: «Татьяна видит правду: Онегин — лишь один из персонажей, изображенных Байроном. У него эгоистичная, холодная душа, и он никогда не думает о других... В этот момент Татьяна мучительно пришла к выводу: в прошлом она ошиблась в Онегине... Человек, которого она раньше любила, оказался никчемным»³⁴⁶. А с этим Цю Синьминь выражает своё несогласие, считая такое мнение несправедливым и необоснованным. Татьяна приравнивала Онегина к главному герою произведения Байрона, лишь только исходя из несколько книг, которые нравились Онегину, что было слишком односторонним и несправедливым. Автор также утверждает, что после чтения книг из онегинской библиотеки Татьяна отнюдь не поняла Онегина лучше. «Татьяна, которая видит любовь своей единственной целью, никак не может понять Онегина, который недоволен реальностью и стремится к более высокой цели в жизни»³⁴⁷.

На третьем этапе Татьяна вышла замуж за генерала и быстро интегрировалась в высшее общество. Автор полагает, что это полностью соответствует социальной реальности, так как в России XVIII – начала XIX в., «если девушка не могла выйти

³⁴⁵ Цю Синьминь. Цит. соч. С.39.

³⁴⁶ 王璧城.漫笔达吉雅娜的爱情悲剧[J].外国文学欣赏,1985,(第 2 期).P16 [Ван Бичжен. Разговор о любовной трагедии Татьяны // Наслаждение иностранной литературы. 1985. №.2. С.16].

³⁴⁷ Цю Синьминь. Там же.

замуж до 18 лет, её бы высмеяли, и она стала бы обузой для семьи»³⁴⁸. Автор приводит в пример Анну Керн, которой увлёкся Пушкин. Когда ей было 19 лет, она уже стала женой 52-летнего генерала — в то время такие браки были чрезвычайно распространённым явлением. Замужество Татьяны, естественно, было неизбежно. Цю Синьминь утверждает: несмотря на то, что Татьяна «волнение света ненавидит» (7, LIII), она быстро стала звездой в высшем свете: «Либо она лжет, либо она великая актриса»³⁴⁹.

Дальше автор указывает, что Татьяна в третий период уже хорошо знает, как общаться с самыми разными людьми и как привлекать к себе внимание. Она видела, как Онегин увлечен ею, но была равнодушна к нему, потому что «в сердце Татьяны, помимо небольшого остатка любви, есть еще удовольствие и радость мести»³⁵⁰. По поводу отказа Татьяны у автора произведения также есть своё мнение. «Я вас люблю (к чему лукавить?), / Но я другому отдана; / Я буду век ему верна» (8, XLVII). Цю Синьминь не согласен с тем, что большинство интерпретаторов используют эти стихи как доказательство доброты и самопожертвования Татьяны. Вместо этого учёный проводит параллель со словами Онегина из четвертой главы, когда он отвергает Татьяну: «Я вас люблю любовью брата / И, может быть, еще нежней», считая, что Татьяна полностью усваивает привычки высшего общества и отказывается с тем же мастерством, как Онегин. Автор статьи наконец приходит к выводу: «Онегин и Татьяна наконец-то сблизилась по социальному положению, но расстояние между их сердцами растёт»³⁵¹.

Статья Цю Синьминя весьма показательна для китайской пушкинистики 2000-х годов. Автор подробно доказывает, что духовный разрыв между Татьяной и Онегиным стал главной причиной их любовной трагедии, придерживаясь положительной оценки Онегина, но совсем отрицательной оценки Татьяны. С некоторыми положениями Цю Синьминя мы можем согласиться. Например,

³⁴⁸ Цю Синьминь. Цит. соч. С. 40.

³⁴⁹ Цю Синьминь. Там же.

³⁵⁰ Цю Синьминь. Там же.

³⁵¹ Цю Синьминь. Цит. соч. С.41.

делением жизни героини на три периода; и после того, как Татьяна посетила комнату Онегина, она, может быть, узнала больше об интересах Онегина — необязательно о нем самом. Но стоит отметить, что некоторые из приведенных в статье тезисов всё же заслуживают обсуждения. Мы рассмотрим некоторые спорные утверждения.

Правда ли Татьяна хочет избавиться от скучной сельской жизни, как полагает Цю Синьминь? Ответ будет отрицательным. Татьяна с детства жила в сельской местности. Она любит природу родины, традиции и обряды русской деревни, и любит деревенскую жизнь. Даже когда она приезжает в высшее общество Москвы и стала светской дамой, она всё ещё скучает по родной деревне:

*Не замечается никем,
Татьяна смотрит и не видит,
Волненье света ненавидит;
Ей душно здесь... она мечтой
Стремится к жизни полевой,
В деревню, к бедным поселянам,
В уединенный уголок,
Где льется светлый ручеек... (7, LIII)*

Кроме того, самое большое противоречие концепции Цю Синьминя заключается в том, как непоследовательно истолковываются решительные объяснения между Татьяной и Онегиным в четвертой и восьмой главах. Когда Онегин использовал фразу «Я вас люблю любовью брата» в качестве повода, чтобы отвергнуть Татьяну, автор статьи полагает, что это свидетельствует о его джентльменстве. Почему же тогда отказ Татьяны от Онегина подается как усвоение привычек высшего общества?

Татьяна действительно была несколько ограниченной провинциальной девушкой, но автор полностью отрицает достоинства Татьяны и не видит её чистоту, доброту, тесную связь с народом и другие хорошие качества. Мы считаем, что это слишком односторонне и несправедливо по отношению к пушкинской героине.

Конечно, интерпретаторы, предлагающие отрицательную оценку Татьяны, относятся к меньшинству. С наступлением XXI века при изучении образа Татьяны больше внимание уделяется феминистской проблематике, которую с большим или меньшим успехом китайские литературоведы вчитывают в пушкинский роман.

С быстрым политическим и экономическим развитием Китая в 1980–90-е гг. идеологическая и культурная сфера стали очень активно реагировать на социальные изменения. В это время феминистская литературная критика из Западной Европы и США начала выходить на сцену китайской литературной критики. Существует две основных школы феминистской интерпретации текстов: англо-американская и французская. Причем англо-американская школа оказала более выраженное влияние на китайских учёных. «Специфичность американского женского прочтения текстов основывается на авторитете психологически-биологического и социального “женского опыта” и женского восприятия литературы, т. е. на своеобразии женского переживания эстетического опыта. Этот опыт побуждает к осознанию сексуальных кодов текста, которые понимаются очень широко — как признаки духовно-биологического различия женской и мужской психики. Эта сексуальная закодированное заключается прежде всего в том, что в женщине с детства воспитываются “мужской взгляд” на мир, мужское сознание, от которого женщина должна отрешиться. Задача женской критики состоит в том, чтобы научить женщину читать как женщина. В основном это сводится к переосмыслению роли и значения женских характеров и образов, к “разоблачению” мужского “психологического тиранства”»³⁵². Такая теория с 2000 года стала применяться к интерпретации пушкинской героини. Отметим некоторые трактовки феминистского толка.

Сунь Цзиньмэй в статье «Интерпретация образа Татьяны: перечтение “Евгения Онегина”» с феминистской точки зрения раскрывает «культурные коннотации гендера», отраженные в образе Татьяны как идеальной женщины в

³⁵² Ильин И. П. Феминистская критика // Западное литературоведение XX века: Энциклопедия. / под ред. Е. А. Цурганова. Москва: Intrada, 2004. С. 419.

патриархальном обществе.

Анализируя образование и жизненный опыт Татьяны и Онегина, автор считает, что хандра Онегина не является врожденной, она связана с разочарованием в обществе и неспособностью найти выход из духовного кризиса. Образ пушкинского героя отражает конфликт между человеком и обществом, и имеет типичное и глубокое социальное значение. А тоска Татьяны, по мнению автора, врожденная, не связана с обществом, а вызвана просто личной фантазией и стремлением к любви. Далее автор отмечает, что в русском обществе того времени самым большим счастьем для Татьяны, как и для других женщин, было создание семьи. Но Онегин не мог дать ей такого счастья, потому что сам был «лишним человеком», не нашедшим себе места в обществе. «Трагедия Татьяны состоит в том, что она влюбилась в Онегина, который не может нести ответственности за неё»³⁵³.

Дальше интерпретатор утверждает, когда Татьяна стала светской дамой, она все еще питала любовное чувство к Онегину, но в то же время была предана своему мужу. «Её дух и тело были полностью разделены, в её сердце “вожделения” больше не существовало. Она была больше не реальной женщиной, а “богиней”»³⁵⁴. Причём, автор считает, что в грациозном поведении Татьяны проявляется «духовная трансцендентность» и «гармония с реальностью», о которой мечтает Онегин, и поэтому он начинает безумно преследовать Татьяну. «В сознании Онегина Татьяна — его надежда на спасение, прибежище для его страдающей души, и он имел привязанность к Татьяне, как заблудшая овца к богородице»³⁵⁵. А Татьяна, по словам автора, становится воплощением нравственности: «Я вас люблю (к чему лукавить?), / Но я другому отдана; / Я буду век ему верна».

При этом автор не придерживается мнения В.Г. Белинского: «Она берёт на себя, повинувшись другому высшему закону — закону своей природы, а

³⁵³ 孙金美.解读达吉亚娜的形象—重读《叶甫盖尼·奥涅金》[J].上海师范大学学报(哲学社会科学版), 2001(04):74-79. [Сунь Цзиньмэй. Интерпретация образа Татьяны: перечтение “Евгения Онегина”// Вестник Шанхайского педагогического университета (издание по философии и социальным наукам), 2001, №4. С.75].

³⁵⁴ Сунь Цзиньмэй. Цит. соч. С. 75.

³⁵⁵ Там же.

ее натура — любовь и самопожертвование»³⁵⁶, считая, что самопожертвование Татьяны противоречит человеческой натуре, оно не может быть врожденным, а представляет собой просто результат невидимого порабощения женщин патриархальным обществом с помощью его культурных традиций в течение долгого времени. Учёный также подчёркивает, что «патриархальное общество поддерживает этику и мораль общества, подавляя природу женщины, чтобы сохранять основу своего существования. Именно это является источником духа самопожертвования»³⁵⁷.

Кроме того, Сунь Цзиньмэй сопоставляет образ Татьяны с другими женскими образами в романе в стихах. По словами автора, Ольга красивая, но легкомысленная девушка; а Татьяна не так красива, но у нее есть моральная сила и самопожертвование. Одновременно Сунь Цзиньмэй утверждает (несколько отходя от текста разбираемого произведения), что хотя Ольга не несёт ответственности за смерть Ленского, в патриархальном обществе ее винят в трагедии. Это лишь «демонстрирует враждебность и страх патриархального общества по отношению к самим женщинам, особенно к женской плоти»³⁵⁸. Вместе с тем, автор статьи упоминает судьбу матери Татьяны: когда она была молодая, у неё была любовь, но после того, как её вынудили выйти замуж за нелюбимого, она постепенно превратилась «из элегантной барышни в вульгарную домохозяйку, в придаток патриархального общества и даже стала представителем патриархата»³⁵⁹. Автор считает, что, хотя жизненный опыт Татьяны похож на опыт ее матери, финал совсем другой. «Своей самоотверженной натурой она окончательно достигла собственного нравственного совершенства, при этом сохранила своё духовное благородство»³⁶⁰.

Наконец интерпретатор оспаривает трактовку Ван Чжиляна, согласно

³⁵⁶ *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч.: В 13 т. Т.VII. М., 1955. С. 431–472.

³⁵⁷ *Сунь Цзиньмэй.* Цит. соч. С. 76.

³⁵⁸ Там же.

³⁵⁹ *Сунь Цзиньмэй.* Цит. Соч. С. 77.

³⁶⁰ Там же.

которой Татьяна представляет собой эталон жизни для всего человечества, утверждая, что это не может быть эталон для мужчины, «точнее говоря, Татьяна — это эталон жизни для женщины, созданный Пушкиным, представлявшем патриархальную культуру. Это флаг женщин, развевающийся в сердцах мужчин»³⁶¹. Автор делает вывод: «В образ Татьяны проникает идея патриархата. Сквозь образ Татьяны мы видим оковы цивилизации, налагаемые на женщин патриархальным обществом, а также дилемму выживания женщин в патриархальной культуре»³⁶².

Нужно сказать, что Сунь Цзиньмэй является первым, кто интерпретирует образ Татьяны с феминистической точки зрения. Она рассматривает Татьяну (особенно после замужества) не как настоящую женщину, а скорее, как абстракцию, идеальную богиню, созданную приверженцем мужского шовинизма.

Феминистка Чэнь Фан, профессор кафедры русского языка факультета иностранных языков Китайского народного университета, придерживается аналогичного мнения. В 2009 году она опубликовала статью «Образ Татьяны в феминистской перспективе», которую начинает с признания того, что Татьяна является монументальной литературной фигурой и обладает непревзойденным классическим статусом женского образа русской литературы. Одновременно «интерпретаторка» утверждает, что Татьяна представляет собой лишь «продукт мужского дискурса» и ни одна писательница не смогла бы создать такой женский образ.

Чэнь Фан полагает, что Татьяна считает мужчину центром своей жизни. Главное, что составляет её жизнь, — это любовь. «Авторка» также цитирует слова Барбары Хайдт, которая одной из первых ввела в изучении русской литературы идеологические установки феминизма: «Даже самые совершенные и идеальные женщины в русской литературе всегда ждут любви от мужчин, считая, что только так их жизнь будет полной»³⁶³. Чэнь Фан согласна с этой глубокой мыслью и

³⁶¹ Сунь Цзиньмэй. Цит. Соч. С. 78.

³⁶² Там же.

³⁶³ Barbara Heldt. *Terrible Perfection. Women and Russian Literature*. Bloomington: Indiana Univ. Press, 1987. P.15.

добавляет, что «в этом ожидании любви женщины могут героически действовать во имя любви, жертвуя собой и сохраняя при этом важность мужчины в своей жизни»³⁶⁴.

Инициатива Татьяны написать Онегину любовное письмо оценивается исследовательницей как самый смелый поступок. Однако «авторка» отмечает, что это письмо, на первый взгляд, выглядит как противоречие нормам женского поведения в патриархальном обществе, но содержание и эффект письма на самом деле закрепляет «патриархальную парадигму» и ещё раз определяет роль женщины в «гендерной культуре»: «По сердцу я нашла бы друга, / Была бы верная супруга / И добродетельная мать». Кроме того, Татьяна в письме неоднократно заявляет: «То воля неба: я твоя», «ты хранитель мой...». Такая женская декларация — это, по мнению Чэнь Фан, признание Татьяной судьбы женщин, привязанных к мужчинам, и признание мужчин в качестве своих жизненных целей. А наконец Татьяна выходит замуж за генерала, которого она не любит. Это объясняется исследовательницей как приверженность к доминирующей патриархальной культуре.

Татьяна обладает основными качествами, присущими традиционным женским персонажам: пассивностью, покорностью и чистотой. Эти идеальные качества женственности часто заставляют считать ее истинным главным героем в «Евгений Онегине». Однако феминистки настроенная «авторка» с этим мнением не согласна. Объясняя, что изображение Татьяны в романе никогда не выходит за рамки её отношений с главным героем-мужчиной, исследовательница рассматривает Татьяну не как центрального персонажа произведения, а скорее, как необходимое дополнение к личности героя. В понимании Чэнь Фан Татьяна является «концептуальным персонажем». Другими словами, Татьяна воплощает почти все характеристики, которые мужчина хотел бы видеть в женщине, это воплощение чаяния мужчины. Тем не менее, «авторка» выражает своё

³⁶⁴ 陈方.女性主义视野下的塔吉雅娜形象[J].俄罗斯文艺,2009(04):55-58. [Чэнь Фан. Образ Татьяны в феминистской перспективе // Русская литература и искусство.2009. №4. С.56].

неудовольствие по поводу оценки образа Татьяны, данной Ф.М. Достоевским и оказавшей влияние на китайских пушкинистов, и полагает, что, «обожествление или идеализация женского образа на самом деле является еще одной формой ее обесценивания»³⁶⁵.

Чэнь Фан приходит к выводу, что Татьяна на самом деле не женщина в подлинном смысле слова, а женщина, определяемая мужчиной, а также «продукт патриархального общества». Явно не различая реальность и мир художественного произведения, она настаивает на том, что «боль и восторг Татьяны не означают истинное внутреннее чувство женщины... Женщина должна самостоятельно изобразить собственный образ, не позволять мужчине изображать женские образы вместо себя»³⁶⁶.

Кроме статей Сунь Цзиньмэй и Чэнь Фан после 2000 годов вышли больше десяти статей, посвящённых интерпретации образа Татьяны с точки зрения феминистической критики. Перечисляем некоторые из них: «Между традицией и современностью: изучение концепции женственности Пушкина в “Евгений Онегин”» (2004) Чжоу Ин; «Феминистское размышление о Татьяне» (2005) Сяо Шуфэнь; «Интерпретация женского субъективного сознания Татьяны» (2007) Сюй Янь; «Гендерная и культурная интерпретация образа Татьяны» (2010) Чжан Цунься и т.д. В этих статьях все признанные раньше хорошие качества Татьяны, такие, например, как самопожертвование и чистота, рассматриваются феминистками как результат «мужского тиранства».

Нужно сказать, что феминистская идеология может иметь далеко идущие последствия для морального и интеллектуального просвещения в Китае. С другой стороны, она предоставляет перспективу для глубокого понимания отношений между Татьяной и Онегиным, а также концепции женственности Пушкина. Однако большинство феминисток слепо принимают феминистскую теорию и неуклюже прилагают к художественным образам. Мы можем свести причины к следующим.

³⁶⁵ Чэнь Фан. Цит. соч. С.58.

³⁶⁶ Там же.

Феминистская критика в Китае получила значительное развитие только после 1978 года. А связанные с феминизмом теоретические книги были широко переведены лишь после 2000 года, конечно, они являются неполными. Тем менее, разные уровни переводчиков и неточность понимания могут привести к неправильному толкованию самой теории.

Западная феминистская литературная критика — это развитие феминистского движения в литературной области, которое развивалось в западном обществе на протяжении сотен лет. А в Китае фактически не было феминистского движения. В рецепции современными китайскими учёными теории феминизма господствует некритическое заимствование (*borrowism*). Так что некоторые учёные весьма неуклюже применяют феминистскую критику в интерпретации пушкинской героини, резко критикуя «мужской шовинизм» Пушкина и, наконец, доходят до крайности гендерного антагонизма. Причём нередко встретить аналогичные выводы: судя по трагедии Татьяны, мы видим оковы, налагаемые на женщин мужским шовинизмом. В понимании феминисток все трагические столкновения женщин с жизнью происходят от мужчин, но они не принимают во внимание возможные проблемы женщин, и в таком случае они полностью игнорируют собственную инициативу женщин.

К тому же некоторые «интерпретаторки» слепо стремятся к применению «свежего» учения, игнорируя при этом и принцип историзма, и здравый смысл: вменяя в вину автору художественного произведения его половую принадлежность. При переосмыслении классики они ищут в произведении не смысла, заложенного автором, а доказательства, подтверждающие их учение. Таким образом, статья становится не научным исследованием, а демонстрацией определённой теории. Приведём типичный пример:

В 1998 году на китайском языке был опубликован полный перевод книги «Второй пол»³⁶⁷ французской писательницы Симоны де Бовуар, в которой была

³⁶⁷西蒙娜·德·波伏娃著,陶铁柱译.第二性(全译本).北京:中国书籍出版社,1998.844 p [Симоны де Бовуар. Второй пол (полный перевод) /пер. Тао Течжу. Пекин: Китайское книжное издательство, 1998. 844 с.]

фраза «Женщиной не рождаются, ею становятся». Эта трактовка принимается как истина в последней инстанции. Китайская «интерпретаторка» Сяо Шуфэнь в статье «Феминистское размышление о Татьяне» прилагала её к образу Татьяны. Она утверждала: Онегин отверг Татьяну, потому что она ещё не стала женщиной; потом он влюблялся в Татьяну, потому что она превратилась в настоящую женщину. Сяо Шуфэнь объясняла, что из-за давления со стороны родителей и общества она стала светской дамой. Она знала, как обращаться с мужчинами, чтобы «Мужчины кланялись ниже, /Ловили взор ее очей» (7, XV); она знала, «Как сильно ни была она/ Удивлена, поражена, /Но ей ничто не изменило...» (7, XVIII). По словам Сяо Шуфэнь, Татьяна в полной мере обладала женственностью, признанной высшим обществом. «Она завершила превращение из “человека” в “женщину”. Онегин, который вырос в светском обществе и придерживался эстетических предпочтений, свойственных аристократии, конечно, безумно влюбился в неё»³⁶⁸. А процесс превращения девушки в женщину, на взгляд «авторки», «фактически это — процесс идентификации с обществом, в котором доминируют мужчины»³⁶⁹.

Учитывая вышеизложенное, особенность интерпретацию образа Татьяны в Китае характеризуется увлечением оценкой морали Татьяны и пренебрежением художественной природой пушкинской героини. Она истолковывается с разных идеологических позиций и с разными оценками, причём о ней пишут как о живом человеке, социальном типе, но не как о художественном образе.

В современном Китае большинство учёных находятся под влиянием русских критиков и высоко оценивают образ Татьяны. Интерпретация образа героини стала одной из главных тем при изучении романа в стихах. Её смелость, чистота, верность, близость к природе и тесная связь с народом привлекли к ней любовь китайской аудитории. В китайской пушкинистике с 1978 год до 2010 года сложилось два подхода к нравственной проблеме, которую решала пушкинская героиня.

³⁶⁸ 肖淑芬.关于达吉雅娜的女性主义思考[J].扬州教育学院学报,2005(01):19-23. [Сяо Шуфэнь. Феминистское размышление о Татьяне//Вестник Института образования Янчжоу, 2005, №1. С. 22]

³⁶⁹ Сяо Шуфэнь. Там же.

Согласно первому, китайские пушкинисты, поверхностно знакомые с русской культурой и историей, наивно считали, что почти все дворянские женщины начала XIX века были распутницами. А отказ Татьяны от любви Онегина, по их мнению, демонстрирует её верность и чистоту, будто бы не соответствующую реальности того времени. Это идеал русской женщины, романтический образ, который специально создаёт поэт. Согласно другому, Татьяна отказалась от любви Онегина, потому что хотела быть верной своему сердцу и соответствовать нормам высшего света. Оба подхода, в конечном счете, подтверждают моральные качества Татьяны.

Одновременно существуют и отрицательные оценки героини. Считается, что она не понимает стремления Онегина к новой жизни. Хотя такое мнение не занимает доминирующее положение, и некоторые моменты еще требуют обсуждения, его необходимо учитывать.

После наступления XXI века доктрины феминистической критики начали прилагаться к образу Татьяны. Причём прежняя высокая оценка Татьяны подверглась суровой критике со стороны китайских феминисток, в своих опусах занимающихся не столько литературоведческим анализом, сколько дурного толка публицистикой, заостряющей вопросы о гендерных требованиях женщин. Китайские сторонники феминистских доктрин, считают, что взгляды Пушкина на представительниц лучшей части человечества обусловлены некоей «патриархальной идеологией». В слепом стремлении к новизне они топорно применяют западную теорию при интерпретации пушкинской героини, демонстрируя при этом отсутствие эстетического чутья, пренебрежение к принципу историзма и художественной природе литературных героев (не говоря уже о тех смыслах, которые вкладывал в свои образы «шовинист» Пушкин).

3.3 Интерпретация героев второго ряда и образа автора

Поскольку второстепенные персонажи романа в стихах не вызвали особого интереса у китайских учёных, по сравнению с многочисленными работами, посвящёнными интерпретации образов Онегина и Татьяны, исследований на

данную тему вышло не слишком много. Эти работы, однако, при осмыслении особенностей интерпретации «Евгений Онегина» в Китае всё-таки не следует игнорировать.

В китайском пушкиноведении Ленский редко упоминается. Одним из первых его образ осмыслил пушкинист Ван Чжилян. По его словам, «Ленский был одержим личной фантазией и любовью. Его короткая жизнь была тонкой, словно крыло цикады³⁷⁰, не имеет никакого веса»³⁷¹. Говоря о структуре произведения, Ван Чжилян утверждает, что смерть Ленского даёт возможность сюжетного развития. После дуэли начинается новый этап в жизни главного героя. Тем самым, по мысли пушкиниста, сюжетная линия, завершающаяся смертью Ленского, показывает мастерство Пушкина. «Такой человек, как Ленский — простой и милый, однако туманный и пустой, оторванный от реальности, был в конечном итоге бесполезен и не нужен в тот сложный период русской истории. Умереть и уйти со сцены истории — неплохое предназначение»³⁷².

Очевидно, что Ван Чжилян рассматривает Ленского только как второстепенного персонажа, который способствует развитию сюжета, и упоминает о нём вскользь и только при изучении структуры произведения и образов главных героев. Другие учёные, помимо Ван Чжиляна, также утверждают, что роль Ленского заключается в том, чтобы оттенять главного героя и двигать сюжет вперёд. «Онегин...был не единственным представителем молодёжи XIX века. Без Ленского портретная галерея романа в стихах была бы неполной»³⁷³. «В резком контрасте с Онегиным находится идеализм Ленского, он прост и наивен, всегда поёт о любви,

³⁷⁰ Китайская идиома, означающая что-то незначительное и хрупкое.

³⁷¹ 王智量.论《叶甫盖尼·奥涅金》的形象体系与创作方法. 外国文学评论, 1990, 第 3 期. P. 90 [Ван Чжилян. О системе образов и творческом методе «Евгения Онегина» // Критика зарубежной литературы. 1990. № 3. С. 90]

³⁷² 王智量. 奥内金和连斯基的决斗. 谈叶甫盖尼奥涅金第六章// 论普希金、屠格涅夫、托尔斯泰. 北京: 光明日报出版社, 1985. P. 22 [Ван Чжилян. Дуэль между Онегиным и Ленским. О шестой главе «Евгении Онегина»//О Пушкине, Тургеневе, Толстом. / Под ред. Ван Чжиляна. Пекин: издательство «Гуанмин жибао», 1985. С. 22]

³⁷³ 童树德.《叶甫盖尼·奥涅金》: 现实主义的胜利. 外国文学研究,1988(01). P. 60 [Тун Шудэ. Евгений Онегин. Победа реализма// Исследования иностранной литературы, 1988, № 1. С. 60]

и он предается фантазии...»³⁷⁴.

Соответственно, существует пара статей, посвященных образу Ленского. Одна из них была опубликована в 1994 году — «О Ленском. Размышление Пушкина о романтической литературе» учёного Лэй Хуа. Автор статьи не согласен с мнением Ван Чжиляна, считая, что он не видит социального значения образа Ленского в «энциклопедии русской жизни», и доминирующая трактовка данного персонажа просто упрощает конкретный смысл, заключённый в образе Ленского. Лэй Хуа отмечает, что образ Ленского тесно связан с русской романтической литературой и собственным романтическим творчеством Пушкина. Вследствие этого учёный конкретно анализирует отношение образа Ленского с романтической литературой.

В начале статьи Лэй Хуа отмечает, что в образе Ленского содержатся многие черты В.А. Жуковского — лидера «пассивного» романтизма. Автор статьи приводит несколько доказательств: первое действие Ленского после его появления в произведении — оплакивание своего соседа и родителей. «Это действие представляет отзвук элегии “Сельское кладбище” (1802) английского поэта-сентименталиста Томаса Грея, переведенной В. А. Жуковским в период зарождения пассивной романтической поэзии»³⁷⁵. Кроме того, Лэй Хуа также указывает, что отношение Ленского к дружбе и любви можно найти в стихотворениях Жуковского, таких как «Вечер» (1806), «Светлана» (1808), «Песня (Кольцо души девицы)» (1816) и так далее. Тем менее, в романе в стихах Ленского называли наполовину русским. А Лэй Хуа видит в этом намёк Пушкина: «тот, кто действительно наполовину русский — это Жуковский, отец которого русский, а мать — турчанка»³⁷⁶.

Утвердив, что в образе Ленского содержится много черт романтического поэта, учёный подробно аргументирует, что отношение Пушкина к «пассивному

³⁷⁴ 刘素梅. “多余人”的苦恼——叶甫盖尼·奥涅金形象分析. 名作欣赏, 2014(15):88-89. [Лю Сумэй. Страдание «лишнего человека». Анализ образа Евгения Онегина//Чтение литературных шедевров. 2014. № 15. С. 88]

³⁷⁵ 雷华. 连斯基论: 普希金对浪漫主义文学的思考. 四川师范学院学报(哲学社会科学版), 1994, 第 1 期. P. 41 [Лэй Хуа. О Ленском. Размышления Пушкина о романтической литературе//Вестник Сычуаньского педагогического университета (Издание по философии и социальным наукам), 1994, №.1. С. 41].

³⁷⁶ Лэй Хуа. Цит.и соч. С. 42.

романтизму» было насмешливым. В качестве примера автор статьи приводит любовь Ленского: Ленский решил защитить любовь ценой своей жизни. А Ольга после смерти Ленского вскоре вышла замуж за другого. «Кажется, что поэт слишком холоден, чтобы сделать любовь Ленского такой никчемной. Но именно из этой холодности становится яснее, что его любовь — это просто преувеличенная фантазия романтика...»³⁷⁷. Тем более, по мнению интерпретатора, и в любви, и в дружбе Ленского отражается насмешка Пушкина над «пассивным романтизмом». Ленский верил, «что друзья готовы / За честь его приять оковы» (VIII, 5–6). Однако вскоре они с Онегиным подняли пистолеты и целили друг в друга, в результате чего Ленский лишился жизни. Так что автор указывает, что все это показывает насмешку Пушкина над мыслями и эмоциями Ленского — одного из тех «пассивных» поэтов-романтиков, кто примиряется с действительностью, приукрашивает реальность, уходит в себя.

Дальше, рассматривая историю создания и сюжетное время произведения, Лэй Хуа высчитывает, что Ленский умер в 1820 году, и в тот год ему было 18 лет. Поэтому Ленский родился в 1802 году. А именно в этом году В. А. Жуковский переводил «Сельское кладбище» (1802) Т. Грея, и 1802 год считался началом русской романтической литературы. А 1820 год, отмечает учёный, был годом перехода русской литературы от пассивного романтизма к активному романтизму, и этот переход совершил Пушкин. А в 1820 году Пушкин был отправлен в Южную ссылку. «Смерть Ленского в 1820 году позволила поэту, с одной стороны, выразить свою решимость распрощаться с негативным романтическим творчеством, а с другой стороны, с горечью вспомнить о преследовании царским правительством»³⁷⁸.

Кроме того, учёный предлагает, через образ Ленского Пушкин объяснял, почему он распрощался с романтизмом и обратился к реализму. «Сопоставляя романтического Ленского с более реалистичным Онегиным, Пушкин подчёркивает,

³⁷⁷ Лэй Хуа. Там же.

³⁷⁸ Лэй Хуа. Цит. Соч. С. 43

что энтузиазм и фантазия первого — это просто оцепеневший энтузиазм и религиозная фантазия... Мрачная обстановка после неудавшегося восстания декабристов заставила поэта трезво осознавать, что романтизм был пустым и бесполезным криком. Время требовало другой творческой формы и мысли»³⁷⁹. Для доказательства автор статьи напоминает воплощенную в образе Ленского слабость романтизма — оторванные от реальности фантазии, страсть к обсуждению идеальной действительности; характерно, что перед смертью Ленский, сочиняя романтические стихи, пишет об идеалах: «На модном слове идеал / Тихонько Ленский задремал» (6, XXIII). «Под пером идеал, а перед жизнью — смерть»³⁸⁰; по словам учёного, «таков был пушкинский взгляд на романтическую литературу: говорить об идеалах вопреки реальности — огромное национальное бедствие. Это тупик»³⁸¹.

Наконец, автор приходит к выводу, что образ Ленского связан с «пассивным романтизмом». Используя образ поэта-романтика, Пушкин выражает отрицательное отношение к «пассивному романтизму», недовольство преследованием царя и мысль о необходимости перехода русской литературы от романтизма к реализму. Поэтому этот образ имеет уникальное эстетическое значение, так же как и образы Онегина и Татьяны.

Статью Лэй Хуа можно назвать наиболее всеобъемлющей и глубокой попыткой исследовать образ Ленского в китайском пушкиноведении. Используя разнообразные историко-литературные материалы, приводя вполне убедительные аргументы, учёный подробно анализирует образ Ленского и обсуждает его символику. Кроме того, учёный рассматривает творческий путь Пушкина от романтизма к реализму. Можно сказать, что статья Лэй Хуа заполняет пробел в изучении образа Ленского и заставляет китайскую аудиторию осознать важность образа Ленского, а не только рассматривать его как второстепенного персонажа.

³⁷⁹ Там же. С. 44

³⁸⁰ Там же. С. 45

³⁸¹ Там же.

Другая статья, специально посвящена образу Ленского, это — «Функциональный анализ смерти Ленского» (2003) Чжу Хунвэня. В ней анализируется функция и символика смерти Ленского.

Учитывая структуру сюжета, учёный утверждает в начале статьи, что смерть Ленского — это сочетание двух сюжетных линий: любовь Ленского и Ольги, а также любовь Онегина и Татьяны; смерть Ленского также служит точкой соединения первой и финальной частей романа в стихах: первая часть — признание Татьяны в любви Онегину и отказ Онегина, а заключительная — преследование Онегиным Татьяны, и соответственно, отказ Татьяны.

Далее Чжу Хунвэнь подчёркивает, что важность смерти Ленского проявляется и в формировании характера разных персонажей. Относительно характера Ленского автор статьи полагает: «Не задумываясь, Ленский предложил дуэль, которая привела к трагедии. Это показывает импульсивность, простоту и бедность мыслей, скрытые за энтузиазмом Ленского»³⁸².

Кроме того, автор статьи утверждает, что смерть Ленского также знаменует изменение творческого пути Пушкина и развитие западной (русской) литературы в целом. Учёный рассматривает образ Ленского как воплощение романтизма, а образ Онегина — воплощение реализма. «Пушкин позволил романтике умереть в руках реалиста, так что намерение поэта самоочевидно... Для Пушкина смерть Ленского является манифестом о переходе на путь реалистического творчества»³⁸³. Тем не менее, анализируя появление реализма мировой литературы в XIX веке, учёный отмечает, что смерть Ленского предвещает направление развития западной литературы (включая русскую литературу): переход на реализм.

В общем, Чжу Хунвэнь наследует и развивает идеи Ван Чжиляна и Лэй Хуа. С одной стороны, учёный анализирует образ Ленского в качестве персонажа-

³⁸² 朱洪文.“连斯基之死”的功能解析.湘潭大学社会科学学报(研究生论丛),2003(S1):167 [Чжу Хунвэнь. «Функциональный анализ смерти Ленского» // Вестник социальных наук Сянганьского университета (сборник статей магистров и аспирантов), 2003, №. S1. С. 167].

³⁸³ Чжу Хунвэнь. Цит. Соч. С. 168.

функции. С другой стороны, учёный считает его воплощением романтизма и подчеркивает символическое значение образа Ленского.

Подводя итог, из вышесказанного мы можем отметить следующие особенности интерпретации образа Ленского: во-первых, внимание к образу Ленского невелико, и обычно предполагается, что его роль заключается в подчёркивании главного героя и продвижении сюжета. Во-вторых, в отличие от исследования образа Татьяны в Китае, при интерпретации образа Ленского основное внимание уделяется не моральной оценке, а анализу сюжетной роли образа Ленского и его символического значения: юный поэт рассматривается как воплощение романтической литературы. В-третьих, постепенно замечается тенденция не только рассматривать Ленского как персонажа-функцию, но и подчеркивать подразумеваемую в нём важность: негативное отношение Пушкина к романтизму, решимость поэта распрощаться с романтизмом и желание обратиться к реализму.

Образ Ольги Лариной, как и образ Ленского в Китае, не привлек особого внимания исследователей. Предложенная Белинским трактовка образа Ольги оказала влияние на китайских интерпретаторов. Белинский так оценивал Ольгу: «...из грациозной и милой девочки делается недюжинною барыней, повторив собою свою маменьку, с небольшими изменениями, которых требовало время»³⁸⁴. Пушкинист Ван Чжилян придерживался мнения Белинского и полагал, что «жизнь Ольги — это повторение жизни её матери. Она думает только о любви и семейной жизни. После смерти Ленского она с застенчивой улыбкой сразу же вышла замуж за другого мужчину»³⁸⁵. При обсуждении дуэли пушкинист оценивает Ольгу весьма критично: «Она невинна и проста. Но в случае жизни или смерти она проявляет только поверхностность, ребячество и глупость... она совершенно не способна почувствовать ту бурю, которая бушевала в душе ее жениха... Читатель может

³⁸⁴ Белинский В. Г. Сочинения Александра Пушкина. Статьи девятая. — Поли. собр. соч., т. VII. М., 1955. С. 482.

³⁸⁵ 智量.论《叶甫盖尼·奥涅金》的形象体系与创作方法[J].外国文学评论,1990,第3期 P.90. [Ван Чжилян. О системе образов и творческом методе «Евгения Онегина» // Критика зарубежной литературы. 1990. №3. С. 90]

полностью раскусить эту тщеславную и легкомысленную девушку»³⁸⁶.

Большинство китайских учёных согласны с мнением Ван Чжиляна и Белинского, они упоминают Ольгу только мимоходом, интерпретируя лишь главных героев. «В порыве гнева Ленский предлагает дуэль, потому что его легкомысленная невеста Ольга легко принимает ухаживания Онегина»³⁸⁷. «(Ольга) была изображена как бездушная девушка-пустышка... После смерти Ленского Ольга вскоре вышла замуж за гусара, ещё раз подтвердив, что она была бессердечной и несправедливой женщиной»³⁸⁸. «Рядом Татьяной в романе в стихах существует аксессуар — Ольга... Она с детства предавалась земным радостям. Хотя она красива, но в ней мы можем обнаружить лишь убожество внутреннего мира, банальность мысли и отсутствие моральных сил и самопожертвования»³⁸⁹... Так что очевидно: Ольга в Китае оценивается отрицательно. Интерпретаторы считают её легкомысленной, заурядной и неверной девушкой, она служит только «аксессуаром» Татьяны.

Однако, после 2000 года замечена тенденция оправдания Ольги. Литературоведы Се Пэн в статье «О двойной маскировке трагической судьбы Ольги» (2003) и Ху Баохуа в статье «Интерпретация с другой точки зрения: трагедия Ольги и её мировое значение. Перечитывая “Евгения Онегина”» (2007) утверждают, что доминирующая негативная оценка несправедлива по отношению к Ольге.

Для оправдания Ольги Се Пэн подробно анализирует её три появления в произведении. Читатели первый раз узнали об Ольге из уст Ленского. Она

³⁸⁶ 王智量. 奥涅金和连斯基的决斗//论普希金、屠格涅夫、托尔斯泰. 北京: 光明日报出版社, 1985. P.20. [Ван Чжилян. Дуэль между Онегиным и Ленским // О Пушкине, Тургеневе, Достоевском. Пекин: издательство журнала Гуанмин. 1985. С. 20].

³⁸⁷ 彭永涛. 《叶甫盖尼·奥涅金》的艺术价值探析. 黑河学刊, 2015(08): 47. [Пэн Юнтао. Анализ художественной ценности «Евгения Онегина»// Журнал Хэйхэ, 2015, № 8. С. 47]

³⁸⁸ 李韶华. 论普希金的女性意识. 甘肃高师学报, 2016, 21(02): 24. [Ли Шаохуа. О концепции женственности Пушкина // Вестник педагогического колледжа Ганьсу. 2016. № 21(2). С. 24]

³⁸⁹ 孙金美. 解读达吉亚娜的形象—重读《叶甫盖尼·奥涅金》. 上海师范大学学报(哲学社会科学版), 2001(04): 76. [Сунь Цзиньмэй. Интерпретация образа Татьяны: перечтение “Евгения Онегина”// Вестник Шанхайского педагогического университета (издание по философии и социальным наукам), 2001, № 4. С. 76]

описывается как молодая, милая девушка. Но авторское «я» потом полагает: «...но любой роман / Возьмите и найдете верно / Её портрет» (2, XXIII). Се Пэн указывает, что эти слова приносят Ольге отрицательную оценку: нестерпимо вульгарная, заурядная. Учёный отвергает мнения о вульгарности Ольги, считая, что именно невинностью и привлекательностью характеризуются Ольга. Для переосмысления Се Пэн задаёт риторический вопрос: «В галерее “лишних людей” русской литературы кто не представлен заурядным человеком, который преследует какую-то цель, но в итоге ничего не добивается? Люди всё ещё могут выражать одобрение и признание в случае с Онегиным и Рудиным, но они скупы на похвалы Ольге, видят в ней только банальность, а её прекрасную сторону игнорируют»³⁹⁰.

С этим мы не можем согласиться. Хотя Онегин и Рудин ничего не добиваются, они стали «лишними людьми», по крайней мере, у них прогрессивные идеи, и пожелание воплощать что-то в жизни. Как полагает учёный Лу Чжаоцюань, они являются «проявлением пробуждения общественного сознания»³⁹¹. Но мы не видим в Ольге никакой прогрессивной идеи. Она всего лишь одна из многих заурядных провинциальных барышень, которые бессознательно соблюдают патриархальные порядки. Поэтому мы не придерживаемся мнения Се Пэна, считая, что обсуждать образ Ольги и образы «лишних людей» в одном ряду нельзя.

Второй раз Ольга появляется на балу. Се Пэн отмечает, что Ольга не по собственной инициативе соблазняет Онегина на танец, а наоборот, это Онегин спровоцирует инцидент из-за мести Ленскому, зазвавшему его на шумные именины. А Ольгу отвергают как легкомысленную девушку за то, что она не танцует со своим женихом. А по мнению учёного, это «логика лицемерного мужчины»³⁹².

³⁹⁰ 谢鹏. 论奥丽加悲剧命运的双重遮蔽—重读《叶甫根尼·奥涅金》. 俄罗斯研究, 2003(04):71. [Се Пэн. О двойной экранировке трагической судьбы Ольги. Перечитывание «Евгения Онегина». Русские исследования, 2003. № 4. С. 71].

³⁹¹ 卢兆泉. 论奥涅金形象的两重性. 杭州师范学院学报(社会科学版), 1981(02):68. [Лу Чжаоцюань. О двойственности образа Онегина // Вестник Ханчжоуского педагогического университета (издание по общественным наукам). 1981. № 2. С.68].

³⁹² Се Пэн. Цит. соч. С. 71.

Интерпретатор также утверждает, что, выбирая между любимой девушкой и тщеславной честью, такой мужчина, как Ленский, склонен выбрать последнее. Причина заключается в общественном мнении. «Дело не в том, что Ольга легкомысленна и тщеславна, а в том, что все общество окутано тщеславием и легкомыслием, а Ольга — настоящая жертва»³⁹³.

Из данного утверждения мы видим, что Се Пэн не знает культуру бала в России XVIII-XIX вв. Вспомним несколько неписанных правил этикета на балу: «Слишком частые (больше трех за один вечер) танцы с один и тем же кавалером также считались недопустимыми, если только он не был официальным женихом девушки. Кавалер, постоянно выбиравший одну и ту же девушку, как бы заявлял всему свету, что намерен скоро на ней жениться. Если через короткое время после бала не следовало предложение руки и сердца, репутация девушки считалась погубленной, а молодому человеку предстояло серьезное объяснение с родными девушки, справедливо считавшими, что он оскорбил честь семейства. Подобные объяснения могло закончиться либо предложением и свадьбой, либо поединком с неизвестным исходом»³⁹⁴. Учитывая эти правила этикета, Онегин приглашает Ольгу на танцы, и Ольга всё время охотно танцует с ним — это, конечно, требует объяснения. Хотя Ольга явно не соблазняет Онегина, она должна была бы думать о значении танцев только с Онегиным и последствиях такого поступка. Вследствие этого мы можем утверждать, что не напрасно многие интерпретаторы расценивали Ольгу как легкомысленную девушку.

При обсуждении второго появления Ольги в сюжетном действии учёный Се Пэн указывает одну из важных причин, вызвавших негативную оценку пушкинской героини: вольные интерпретации переводчиков тех строк, где она описывается. Се Пэн сопоставляет версии разных переводов строк: «В её лице самолюбивом /

³⁹³ Там же.

³⁹⁴ Бал как элемент дворянского быта на страницах романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин». URL: http://uchitel-slovesnosti.ru/load/personalnyj_ugolok_pisatelja/pushkin/bal_kak_ehlement_dvorjanskogo_byta_na_stranicakh_romana_a_s_pushkina_evgenij_ogin/44-1-0-520 (Дата последнего обращения: 17.05. 2021).

Румянец ярче» (5, XLIII. XLIV). Перевод Ван Чжиляна так гласит: «她自尊自爱的圆圆的脸蛋上燃起了更鲜亮的红霞(Более яркий румянец вспыхнул на её круглом лице от самоуважения и самолюбия.)». А в переводе Дин Лу: «她鲜红的脸蛋由于虚荣而更加鲜红(Её ярко-красное лицо стало еще ярче от тщеславия)»; Се Пэн вполне обоснованно замечает, что краснела «自尊自爱 (от самоуважения и самолюбия)» или краснела «由于虚荣 (от тщеславия)» — это разные характеристики. Ольга в переводе Дин Лу выглядит более ветреной.

Конечно, отношение самых переводчиков очень важно для интерпретации образов героев. Переводчики выражают своё отношение к Ольге, одновременно их отношение влияет на восприятие читателями образа Ольги.

Третий важный выход Ольги — после смерти Ленского она скоро вышла замуж за другого. Се Пэн указывает: скороспелое замужество Ольги крайне аморально — особенно для китайских читателей, которые считают добродетелью соблюдение траура по умершему мужу и даже жениху. Однако, учитывая эпоху и культурный фон, в котором находится Ольга, учёный надеется изменить взгляды китайских читателей. Во-первых, учёный полагает, что под влиянием французской культуры много женщин в высшем свете ведёт распутный образ жизни. А Ольга лишь одна из них. «Поспешное замужество Ольги — это результат давления на неё сил привычки и проявление коллективного бессознательного русских женщин»³⁹⁵. Во-вторых, автор статьи указывает, что браки по воле родителей по-прежнему популярны в сельской местности, где находится Ольга. Для брака детей мнение родителей имеет решающее значение. Перед силами феодального обычая Ольга была просто «слабой девушкой, не имеющей сил бороться»³⁹⁶. В-третьих, автор отвергает измерение женской верности продолжительностью траура и считает, что это бесчеловечная норма была принята в патриархальном обществе. Тем более, Се Пэн утверждает, что верность воплощается в процессе добровольной, взаимной

³⁹⁵ Се Пэн. Цит. соч. С. 72.

³⁹⁶ Там же. С. 72.

любви. «Ольга не любила другого мужчину, пока Ленский был жив. Её любовь к Ленскому была чистой и верной»³⁹⁷.

Другая китайская исследовательница Ху Баохуа придерживается аналогичного мнения. В статье «Интерпретация с другой точки зрения: трагедия Ольги и её мировое значение. Перечитывая “Евгения Онегина”» она также попыталась оправдать Ольгу. Учёная полагает, что читатели воспринимают образ Ольги с точки зрения Онегина или авторского «я»; к негативной оценке Ольги подводят читателя и слова Ленского, вырвавшиеся в припадке гнева: «Кокетка, ветреный ребенок! / Уж хитрость ведаёт она, / Уж изменять научена!» (5, XLV). Автор статьи утверждает, что «эти слова противопоставляют Ольгу верной Татьяне, вплоть до того, что читатели воспринимают Ольгу как антитезу Татьяне... Так что сложилось непонимание Ольги»³⁹⁸.

Принято считать, что Ольга танцует с Онегиным на балу, оставив своего жениха, это будто бы привело к гибели Ленского на дуэли с Онегиным. Ху Баохуа не согласна с этим. По её мнению, настоящей причиной дуэли между Ленским и Онегиным была не измена Ольги, а специфика дворянской этики и культуры: дуэли были модным, защищающим честь занятием в русском аристократическом обществе того времени. Кроме того, для обеления Ольги учёная упоминает Наташу в романе «Война и мир» Л.Н. Толстого. Когда у Наташи Ростовой была помолвка с Андреем Болконским, на балу она танцевала с Пьером Безуховым, а потом, после смерти Болконского, решила выйти замуж за Пьера. Но читатели не критикуют Наташу, а всё-таки воспринимают её как наивную и прямодушную девушку. В связи с этим, утверждает автор статьи, в России XIX века танец с Онегиным и замужество после смерти жениха не могут служить обоснованиями негативной оценки Ольги.

Далее Ху Баохуа сопоставляет образ Ольги с Татьяной, утверждая, что они

³⁹⁷ Там же.

³⁹⁸ 胡葆华.另一种视角的言说:奥尔加的悲剧及其世界性揭示—重读《叶甫盖尼·奥涅金》.牡丹江大学学报, 2007(09):42. [Ху Баохуа. Интерпретация с другой точки зрения: трагедия Ольги и её мировое значение. Перечитать “Евгений Онегин” // Вестник Муданьцзянского университета, 2007. № 9. С. 42].

представляют два типа трагедии. Автор статьи полагает, что у Татьяны есть самосознание: с одной стороны, она соблюдает мораль общества, с другой стороны — страдает от противоречий внутреннего мира. «Такого рода трагедия глубока. Именно такое непримиримое противоречие с реальностью придает Татьяне вечное очарование»³⁹⁹. А Ольга, считает автор статьи, не имеет самосознания, она следует установленным правилам общества без сомнения, и полностью одобряет социальный порядок. «Такого рода трагедия, может быть, не глубока, но она более характерна для определённой эпохи и отражает условие жизни и духовное мировоззрение большинства людей»⁴⁰⁰. Так что автор делает выводы: трагедия Ольга неизменно повторяется в человеческой жизни, универсальность такой трагедии и внимание на неё показывают осознание и раскрытие литературой человеческой природы, а также демонстрируют общемировое значение классической литературы.

Следовательно, до 2000 годов образ Ольги в Китае трактуется весьма негативно: Ольгу воспринимают как легкомысленную, заурядную и неверную девушку. Роль её состоит в том, чтобы контрастировать с верной Татьяной. А после 2000 года несколько интерпретаторов обращают внимание на трагическую судьбу Ольги и пытаются оправдывать её. Хотя оправдание, на наш взгляд, получилось не совсем обоснованным, изучение и обсуждение образа Ольги способствует более всестороннему пониманию персонажей и позволяет глубже интерпретировать пушкинский роман в стихах.

Кроме Ленского и Ольги, образ автора также попал в поле зрения современных китайских пушкинистов. По сравнению с количеством статей, специально посвященных Ленскому и Ольге, работ, связанных с изучением образа автора, немного больше — около десяти. Можно сказать, образ автора в Китае получает более широкое внимание, чем образы Ленского и Ольги.

До 2000 года образ автора в Китае часто понимается как сам образ Пушкина.

³⁹⁹ Ху Баохуа. Цит. соч. С. 42.

⁴⁰⁰ Там же.

Учёных, придерживающихся такого мнения, немало.

В статье «О романе в стихах Пушкина» (1983) профессор Шэньсийского педагогического университета Ма Цзяцзюнь утверждает, что образ автора — это и лирический герой, и альтер эго создателя романа в стихах. «Как очевидец и рассказчик, поэт не просто наблюдает со стороны, повествует объективно, а выражает эмоции, восхваляет и обсуждает различные события. Образ автора — это образ самого поэта, который жаждет свободы, исповедует идеи гуманизма и противостоит испорченной и консервативной земельной аристократии»⁴⁰¹. Пушкинист Ван Чжилян также полагает, что «“Я” в “Евгении Онегине” — это оригинальный образ самого Пушкина, то есть образ самого писателя также вошёл в образную систему произведения»⁴⁰². Ван Чжилян считает образ автора искренним и откровенным, что придаёт роману в стихах сильный субъективный оттенок и байронический романтический колорит. Кроме того, литературовед Сюй Кэцинь также придерживается той же точки зрения в статье «Является ли Онегин лишним человеком? Концепция и структура романа в стихах» (1992). Автор статьи утверждает, что в романе в стихах две линии: сюжетная и лирическая. Последняя демонстрирует личность поэта, его мировоззрение и переживание. По мнению Сюй Кэцинь, «именно лирическая линия определяет сюжетную линию. Образ самого поэта занимает центральное место в произведении»⁴⁰³.

Образ автора более подробно разбирает Чжан Яли в статье «Две роли, каждая проявляет свои возможности. Краткий анализ “Я” в “Евгении Онегине”» (1992). Чжан Яли также рассматривает «я» в произведении как образ самого Пушкина. При этом учёный утверждает, что «я» играет две роли: он является одним из персонажей

⁴⁰¹ 马家骏.论普希金的小说体诗.扬州师院学报(社会科学版),1983(03):76 [Ма Цзяцзюнь. О романе в стихах Пушкина// Вестник Янчжоуского педагогического университета (издание по социальным наукам). 1983. № 3. С. 76].

⁴⁰² 王智量.论《叶甫盖尼·奥涅金》的形象体系与创作方法.外国文学评论,1990,第3期.Р.92 [Ван Чжилян. О системе образов и творческом методе «Евгения Онегина» // Критика зарубежной литературы. 1990. № 3. С. 92].

⁴⁰³ 徐克勤.奥涅金是不是个“多余人”——诗体小说的构思与结构.山东师范大学学报(人文社会科学版),1992,第3期.Р.79 [Сюй Кэцинь. Является ли Онегин лишним человеком? Концепция и структура романа в стихах // Вестник Шаньдунского педагогического университета (издание по гуманитарным и социальным наукам), 1992, № 3. С. 79].

и одновременно повествователем романа в стихах.

Развивая точку зрения Ван Чжилана, автор статьи утверждает, что образ Пушкина входит в образную систему произведения, связывается с тремя главными героями произведения: «Я» является другом Онегина, поклонником Татьяны и до сих пор «я» сохраняет стихи Ленского. Назначения введения образа поэта в образную систему произведения Чжан Яли предлагает следующие:

Во-первых, удобство выражении эмоции: авторское «я» выражает отвращение от мрачной действительности России и желание свободы, любовь к молодости и природе, опыт жизни и сожаление об уходящих годах.

Во-вторых, повышение чувства реальности. Авторское «я» даёт ощущение, что все жизненные картины, персонажи и события в романе в стихах видит своими глазами поэт, благодаря чему роман кажется реальным и правдоподобным.

В-третьих, обогащение содержания произведения. Чжан Яли подчёркивает, что Белинский не зря называет роман в стихах «энциклопедией русской жизни» — одной из ключевых причин служит введение образа поэта в образную систему. «“Я” как один из персонажей появляется в произведении, обязательно добавляет ряд событий, связанных с ним: как он в Петербурге посмотрел балет, как общался с Онегиным, как призывает к свободе перед путешествием и т.д.»⁴⁰⁴.

Далее, Чжан Яли анализирует особенности авторского «я» как повествователя: он делает роман приемлемым для читателей; ведёт читателей посмотреть персонажей и сцены, обращается непосредственно к читателю, подобно гиду. «Это даёт читателям сильное ощущение, будто они лично присутствуют в романе, все персонажи и сцены прямо перед их глазами»⁴⁰⁵.

Так что в 80-90 годах XX века в китайской пушкинистике принято считать, что в образе автора воплощается жизненный опыт и переживания Пушкина. «Я» в

⁴⁰⁴ 张亚利.两种角色,各显神通—浅析《叶甫盖尼·奥涅金》中的“我”. 内蒙古民族师院学报(哲学社会科学汉文版),1992(01): 31. [Чжан Яли. Две роли, каждая проявляет свои возможности. Краткий анализ «Я» в «Евгении Онегине» // Вестник Национального университета Внутренней Монголии (издание философии и социальных наук). 1992, № 2. С. 31].

⁴⁰⁵ Чжан Яли. Цит. Соч. С. 32.

произведении выражает позицию Пушкина, его точку зрения, любовь и ненависть и т.д.

По мере того как западная теория «нарратива» начала внедряться в Китай в начале 1980-х годов, с ней знакомились всё больше и больше китайских литературоведов. С 1987 года вышли полные переводы западной теории нарратива, и на сегодняшний день были более 20 монографии опубликованы в Китае⁴⁰⁶. Быстрое развитие нарративных исследований в Китае 1990-х годов во многом обязано этим теоретическим ресурсам, и до сих пор они остаются важным теоретическим ориентиром для китайских учёных.

Так что в китайской пушкинистике 2000-х годов изменилось понимание образа автора в «Евгении Онегине». Особенно под влиянием концепции «имплицитного автора» американского учёного У. Бута, и теории «образ автора» В. В. Виноградова многие китайские исследователи стали отвергать мнение о том, что образ автора «Евгения Онегина» приравнивается к самому Пушкину.

Впервые об этом пишет профессор факультета иностранных языков Пекинского университета Пэн Чжэнь. В статье «“Евгений Онегин”. Анализ образа повествователя» (2000) учёный предлагает, что в романе в стихах образ автора должен быть пересмотрен: его следует воспринимать как образ повествователя, а не самого Пушкина. Учёный утверждает, что «в нарративном искусстве повествователь никогда не является писателем. Знают читатели об этом или нет, повествователь — это своего рода персонаж, созданный писателем»⁴⁰⁷. Пэн считает, что Пушкин как создатель романа в стихах живёт в реальном мире, а «я» представляется продуктом воображения реального писателя Пушкина, также воплощает повествовательную стратегию романа в стихах. Кроме того, профессор указывает, что в романе в стихах эмоциональные установки, идеологические

⁴⁰⁶ 施定. 近 20 余年中国叙事学研究述评. 学术研究, 2003(08):130. [*Ши Дин*. Обзор нарративных исследований в Китае за последние 20 лет // Академические исследования, 2003, № 8. С. 130].

⁴⁰⁷ 彭甄. 《叶甫盖尼·奥涅金》: 叙事者形象分析. 国外文学, 2000, № 2. Р. 112 [*Пэн Чжэнь*. «Евгений Онегин». Анализ образа рассказчика // Иностранная литература. 2000. № 2. С.112].

концепции и оценочные суждения не принадлежат самому Пушкину, но «мы не отрицаем, что в определённой степени существуют связи между вышеупомянутыми лирическими отступлениями и реальным писателем Пушкиным»⁴⁰⁸. По мнению учёного, эмоции и идеи, выраженные лирическими отступлениями, должны принадлежать «имплицитному автору» романа в стихах.

Многие современные учёные также отказываются воспринимать образ автора как альтер эго самого Пушкина. Например, Ли Хун в статье «“Я” в Евгении Онегине»⁴⁰⁹ (2004 г.), Чжан Юйли в статье «Форма выражения авторского образа. К примеру “Евгений Онегин”»⁴¹⁰ (2008), Ци Цзюнь в магистерской работе «Анализ повествования в произведениях А.С. Пушкина»⁴¹¹ (2017) и т.д. Они рассматривают образ автора как образ повествователя, который является сильной субъективной проекцией Пушкина. Тем не менее, учёные используют концепцию имплицитного автора для анализа образа автора: его существование основано не на реальном существовании автора или исторических источниках, а на тексте произведения. «Имплицитный автор — это образ автора, который читатель создаёт из всего текста»⁴¹². Считается, что образ автора имеет двойную функцию: «я» выражает эмоцию, наводит мосты между автором, героями и читателями; к тому же, «я» играет важную повествовательную роль — двигает сюжет вперед.

Можно сказать, образ автора стал объектом пристального внимания литературоведов как важный художественный приём и особенность романа в стихах. Китайские учёные сосредоточены на определении образа автора: то есть,

⁴⁰⁸ Пэн Чжэнь. Цит. Соч. С. 113.

⁴⁰⁹ 李红. 《叶甫盖尼·奥涅金》中的“我”[J]. 陕西师范大学学报(哲学社会科学版), 2004 (2): 126–128. [Ли Хун. «Я» в Евгении Онегине // Журнал Шэньсийского педагогического университета (издание по философии и социальным наукам). 2004. №.2. С. 126–128].

⁴¹⁰ 张玉丽. 作者形象的表现形态—以《叶甫盖尼·奥涅金》为例. 时代文学(下半月), 2008(01): 118 [Чжан Юйли. Форма выражения авторского образа. К примеру «Евгений Онегин» // Литература нашего времени (первая половина месяца), 2008. № 1. С. 118].

⁴¹¹ 齐俊. 普希金诗歌的叙事学分析[D]. 安庆师范大学, 2017. 29 p. [Ци Цзюнь. Анализ повествования в произведениях А.С. Пушкина: Магистерская диссертация / Педагогический университет Аньцин. 2017. 29 с.]

⁴¹² Чжан Юйли. Цит. Соч. С. 118.

что такое «я» в романе в стихах, является ли оно самим Пушкиным; и анализ «я» с помощью теории нарратологии. Но, стоит отметить, интерпретации и оценки образа автора практически нет, учёные интерпретировали образ автора не так обстоятельно, как они интерпретировали образы Онегина и Татьяны. Вместо того чтобы рассматривать «я» как личность, позволяющую судить о характере и морали, учёные предпочитают анализировать роли «я» в произведении.

И так, мы обнаруживаем, что исследование «Евгения Онегина» фокусируется на главных героях — Онегине и Татьяне, а второстепенным персонажам уделяется очень мало внимания. Сосредоточившись на протагонистах, исследователи должны, тем не менее, интерпретировать и малоизученных персонажей, чтобы достичь «одной из задач литературной критики: истолкование, разъяснение смысла произведения»⁴¹³. Безусловно, интерпретация второстепенных персонажей и даже эпизодических помогает полностью представить систему образов и лучше разъяснить смысла произведения.

⁴¹³ Критика литературная // Литература и язык. Современная иллюстрированная энциклопедия. М.: Росмэн. Под редакцией проф. Горкина А.П. 2006. С. 441.

Заключение

Творчество А. С. Пушкина занимает важное место не только в русской, но и в китайской литературе. Произведения Пушкина уже более ста лет знакомят китайских читателей с российской культурой. Среди всех произведений наибольшую известность в Китае имеет роман в стихах «Евгений Онегин». По мере пристального внимания к произведениям А.С. Пушкина тема «Пушкин в Китае» широко изучалась российскими и китайскими учёными. Но до сих пор отсутствуют работы, посвященные китайской интерпретации системы образов «Евгения Онегина» в её взаимосвязи с русской критикой и пушкинистикой. Поэтому данная проблема весьма актуальна, так же важна для развития китайского пушкинистики и изучения русской классики.

В работе рассмотрены интерпретации системы образов «Евгения Онегина», представленные как в русской критике и литературоведении, так и в китайской пушкинистике. Образы главных героев романа в стихах всегда привлекали к себе пристальное внимание исследователей и зачастую вызывали бурные полемики. Одни толкователи сочувственно писали об Онегине, другие подвергали его суровой критике. Русские интерпретаторы оценивали Онегина, исходя из его репутации как родоначальника типа лишнего человека, и в значительной мере эти оценки зависели от отношения к данному художественному типу. Образ Татьяны русские критики (за редким исключением) оценивают как идеал русской женщины. Она сочетает в себе изящность и естественность, а также наличие глубокой связи с народом. Спор о ней часто сосредоточен на её выборе между нравственностью и любовью.

Второстепенные герои, Ленский и Ольга, часто воспринимаются как антиподы центральных персонажей. Ленский, как Онегин, представитель дворянской интеллигенции начала XIX века, но в отличие от Онегина, он идеалист, романтик. И судьба Ольги — это воплощение судеб множества русских женщин того времени. Как часть системы образов эпизодические персонажи обогащают содержание произведения, они тоже привлекают заслуженное внимание русской критики. Кроме того, исследования образа автора опираются на биографическую интерпретацию или на условности этого образа, а также на разные функции авторского «я» лиро-эпического произведения. В целом интерпретация систем образов «Евгения Онегина» в русской критике является всесторонним и сложным процессом.

Также в работе выполнен комплексный, подробный обзор китайских литературоведческих и критических статей, анализирующих пушкинский текст. На основе этого продемонстрирована рецепция «Евгения Онегина» в Китае в динамике — в расширении, уточнении и углублении взглядов на роман, в смене оценок. Проведённое в диссертации исследование позволило объяснить особенности интерпретации «Евгения Онегина» в Китае на протяжении ста лет — от первых упоминаний в печати начала XX века до нашего времени. Доказаны ключевые положения философской герменевтики: «Смысл никогда не может быть исчерпан полностью», «приближение к смыслу бесконечно» и т.д.

Характер подачи «Евгения Онегина» до 1978 года формировался под влиянием официальной идеологии и, как следствие, приобретал свойство одномерности. Помимо этого, китайские исследователи слишком настойчиво приспособливали пушкинский роман к политическим и идеологическим нуждам. Делался акцент на

реализме; слишком высоко возвеличивался сам имидж поэта и место его романа в стихах; также классовый анализ часто использовался при истолковании образа персонажей. Конечно, следует подчеркнуть, что в этот период из-за особых социально-политических обстоятельств (о них сказано в начале второй главы) объективный и рациональный анализ образа Онегина находился в зачаточном состоянии.

Зато после 1978 года работ о «Евгении Онегине» становится больше и больше. Они могут быть разделены на разные тематические группы. При этом истолкование центральных образов романа в стихах стало основным направлением в китайской пушкинистике. В этот период политический фактор больше не являлся главным, классовый анализ сошёл со сцены. Вместо этого в основном используется метод историзма. В то же время последовало влияние различных зарубежных теорий. Однако, новые теории и методологии применяются не всегда успешно, некоторые утверждения нуждаются в более зрелом осмыслении (например, прямолинейные феминистские трактовки пушкинских героев или причисления Онегина к тому или иному социальному типу и т.д.).

Вполне закономерно, что именно главные герои, Онегин и Татьяна, всегда находятся в центре внимания китайских интерпретаторов. При анализе их образов всесторонне рассмотрены их характеры; в связи с ними был поднят целый ряд этических и литературных проблем, до сих пор актуальных для китайской культуры. В то же время толкование второстепенных персонажей больше сосредоточено на художественных особенностях (Ольга рассматривается как аксессуар Татьяны, Ленский — как воплощение романтизма и персонаж-функция); для них моральная

оценка — на втором месте. Образ автора вообще не интерпретируется в связи с личностью самого поэта, а анализируется только как художественный приём.

Сопоставляя китайскую интерпретацию системы образов «Евгения Онегина» с русской, следует заметить: критики и литературоведы обеих стран весьма обстоятельно исследовали образы главных героев. Однако в китайском пушкиноведении нет достаточного внимания к второстепенным, и особенно, к эпизодическим персонажам. Многие исследования, посвященные образам Онегина и Татьяны, являются продолжением и развитием идей русских критиков и литературоведов: точка зрения Белинского на образ Онегина, термин «лишний человек» Герцена и трактовка образа Татьяны, данная Достоевским, оказывают значимое влияние на исследования китайских литературоведов. Китайские пушкинисты цитируют, подтверждают или опровергают эти и другие трактовки пушкинских героев, что свидетельствует о живом диалоге и обмене идеями между русским и китайским литературоведением. Одновременно они интерпретируют образы героев, неизбежно, с учётом китайской культуры, и сочетая исторические и социальные условия Китая определённого времени. Так что исследования китайских пушкинистов образов Онегина и Татьяны являются не только продолжением и развитием идей русских критиков, но и воплощают их собственные представления о литературе, обществе и человеческой природе.

Таким образом, обилие научных исследований демонстрируют особый статус романа в стихах «Евгений Онегин» в Китае. Истолкование пушкинских героев в Китае — это история не только литературоведческая, но и история китайской ментальности, в рамках которой система образов романа «Евгений Онегин»

воспринимается и интерпретируется с точки зрения устоявшихся китайских традиций, одновременно под влиянием авторитетных русских критиков и пушкинистов. В ходе исследования выявлены особенности интерпретации системы образов «Евгения Онегина» в Китае, что помогает нам, с одной стороны, обнаружить особенности интерпретации классической русской литературы в Китае и проследить драматическую историю китайской пушкинистики, знавшую периоды расцвета и упадка. А с другой стороны, наблюдать динамическое развитие культурного общения между двумя народами. Подобное исследование исключительно значимо на фоне пристального развития культурных обменов между Китаем и Россией.

Перспективы предпринятого исследования мы видим не только в углубленном изучении интерпретации «Евгения Онегина», но и в расширении изучаемого материала. Необходимо проследить, как входили в китайскую культуру другие произведения Пушкина, как они оценивались и трактовались китайскими критиками и литературоведами, как переводились и издавались, какое влияние оказывали на китайскую литературу и культуру.

Смеем надеяться, что наша диссертация может послужить отправной точкой для дальнейших исследований, посвященных рецепции и интерпретации русской классики в Китае.

Библиография

Литература на русском языке

1. *Алексеев В.М.* О последнем, 1943 года, переводе «Евгения Онегина» на китайский язык. Из набросков к докладу «Пушкин в Китае» / В. М. Алексеев // Восток — Запад. Исследования. Переводы. Публикации. Выпуск 2. М.: Главная редакция восточной литературы издательства "Наука", 1985. С. 252-271.
2. *Алексеев В.М.* Русские писатели в китайских переводах // Восток. Кн.1, 1922. С. 73-79.
3. *Алексеев. М. П.* Пушкин в странах зарубежного Востока. Сборник статей. М., 1979. С. 55 - 92.
4. *Белинский В. Г.* Литературные мечтания. Элегия в прозе // Полн. собр. соч. М., 1955. Т. 1. С. 20–103
5. *Белинский В. Г.* Сочинения Александра Пушкина. Статьи восьмая и девятая // Полн. собр. соч. М., 1955. Т. 7. С. 431–504
6. *Бестужев А. А.* Письмо Пушкину А. С., 9 марта 1825 г. Петербург // Переписка А. С. Пушкина: В 2 т. М.: Худож. лит., 1982. Т. 1. С. 471 – 475.
7. *Благой Д. Д.* «Евгений Онегин» // А. С. Пушкин. Собрание сочинений в 10 томах. Т. 4, М.: Государственное издательство художественной литературы, 1960. С. 513 – 552
8. *Благой Д.Д.* Мастерство Пушкина. М: Советский писатель. 1955. 423 с.
9. *Бочаров С. Г.* Французский эпиграф к «Евгению Онегину»: Онегин и Ставрогин // Московский пушкинист: Ежегод. сб. / Рос. АН. ИМЛИ им. А. М. Горького. Пушкин. комис. М.: Наследие, 1995. Вып. I. 1995. С. 212—250
10. *Бочаров С.Г.* «Форма плана»: (Некоторые вопросы поэтики Пушкина) // Вопр. лит. 1967.№ 12. С. 115 – 136.
11. *Бродский Н.Л.* Евгений Онегин. Роман А.С. Пушкина: Пособие для учителей

- средней школы. Изд.3-е. М., 1950. 408 с.
12. *Булгарин Ф.* «Северная пчела», 1830, № 35.
 13. *Ван Лие.* Творчество А. С. Пушкина в Китае. Вестник московского университета. Сер. 9. филология. 2012. № 6. 158–166.
 14. *Ван Шисе.* «“Евгений Онегин” в Китае» // Временник Пушкинской комиссии / АН СССР. ОЛЯ. Пушкин. комис. СПб.: Наука, 1995. Вып. 26. С. 152–157.
 15. *Виноградов В.В.* О теории художественной речи. М., 1971. 182 с.
 16. *Винокур Г.О.* Слово и стих в «Евгении Онегине» // Пушкин. М., 1941. С. 155 – 213
 17. *Волынский А.Л.* Русские критики. СПб., 1896. 827 с.
 18. Все шедевры мировой литературы в кратком изложении. Сюжеты и характеры. Зарубежная литература древних эпох, средневековья и Возрождения / Ред. и сост. В. И. Новиков. М.: Олимп: АСТ, 1997. — 848 с. URL: <http://yanko.lib.ru/books/lit/zar-lit-old-81.pdf> (дата последнего обращения: 02.10.2021)
 19. *Гадамер Х.-Г.* Истина и метод: Основы филос. герменевтики: Пер. с нем./Общ. ред. и вступ. ст. Б. Н. Бессонова. М.: Прогресс, 1988. 704 с.
 20. *Герцен А. И.* Дневник: Отрывки // Н. В. Гоголь в русской критике: Сб. ст. М.: Гос. издат. худож. лит. 1953. С. 323 – 324.
 21. *Герцен А. И.* Еще раз Базаров // Собрание сочинений: в 30 т. Т. 20. М.: Изд-во Академии наук СССР. 1956. С. 335–350
 22. *Герцен А.И.* О развитии революционных идей в Россия // Собрание сочинений: в 30 т. Т. 7. М.: Изд-во Академии наук СССР. 1956. С. 133 – 266.
 23. *Герцен. А. И.* Новая фаза в русской литературе(перевод) // Собрание сочинений: в 30 т. Т. 18. М.: Изд-во Академии наук СССР. 1956. С. 171 – 221.
 24. *Гончаров И. А.* Лучше поздно, чем никогда: (Критические заметки) // Гончаров И. А. Собрание сочинений: В 8 т. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1952 – 1955. Т. 8. Статьи, заметки, рецензии, автобиографии, избранные письма. 1955. С. 64 – 113

25. *Гроссман Л.* Пушкин. М.: Молодая гвардия, 1960. 526 с.
26. *Гуан Лун.* Пушкин в Китае // Литература в школе. 1959. № 3. С. 25–32.
27. *Гуковский Г. А.* Пушкин и проблемы реалистического стиля. М.: Гослитиздат. 1957. 416 с.
28. *Гумбольдт В.* Избранные труды по языкознанию / Пер. с нем. Г. В. Рамишвили. М.: Прогресс, 1984. 400 с.
29. *Гуревич А.А.* Автор // Онегинская энциклопедия. Том 1. А-К. / Под общ. ред. Н.И. Михайловой. М.: Русский путь. 1999. С. 15-19
30. *Гэ Баоцюань.* Книги Пушкина в Китае // Огонёк. 1949. № 24(июль). С. 14.
31. *Добролюбов Н.А.* О степени участия народности в развитии русской литературы // Добролюбов Н. А.: Избранное / Ред. коллегия: М. Ф. Овсянников (пред.) и др. М.: Искусство. 1975. С. 35 - 95
32. *Добролюбов Н.А.* Собр. соч., т. I. М, Л., Гослитиздат, 1961. 595 с.
33. *Достоевский Ф.М.* Братья Карамазовы//Достоевский Ф.М. Собрание сочинений в 15 томах. Л.: Наука, 1991. Т. 10.
34. *Достоевский Ф.М.* Дневник писателя. 1880 август. Глава вторая. Пушкин // Достоевский Ф.М. Собрание сочинений в 15 томах. СПб.: Наука, 1995. Т. 14. С. 425 – 440.
35. *Достоевский Ф.М.* Письма. 150. А. Н. Майкову. 9 (21) октября 1870. Дрезден // Достоевский Ф.М. Собрание сочинений в 15 томах. СПб.: Наука, 1996. Т. 15. 466 – 469
36. *Е Сун.* «Евгений Онегин» А. С. Пушкина в Китае // CCS&ES. 2018. №1. С. 80-88.
37. *Есин А.Б.* Принципы и приемы анализа литературного произведения: Учебное пособие. 3-е изд. М.: Флинта, Наука, 2000. 248 с.
38. *Ильин И.П.* Феминистская критика // Западное литературоведение XX века: Энциклопедия / Под ред. Е. А. Цургановой. Москва: Intrada, 2004. 560 с.
39. Критика литературная // Литература и язык. Современная иллюстрированная энциклопедия. М.: Росмэн. Под редакцией проф. Горкина А.П. 2006. С. 440-

- 441.
40. *Лаушкина А. Г.* Композиционный и сюжетный центр романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин» // Вестник Московского университета. Филология. 1967. № 6. С. 32.
 41. *Лебедева Н. А.* Пушкин в Китае // Россия и АТР. 1999. №2. С. 65-69
 42. *Лисица Б.* Русская классическая литература в Китае // Русская литература. 1959. №4. С. 204-215.
 43. *Лотман Ю. М.* Пушкин. СПб: Искусство, 2003. 847 с.
 44. *Лотман Ю.М.* Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий: Пособие для учителя. Л.: Просвещение, 1983. 416 с.
 45. *Луначарский А.В.* Александр Сергеевич Пушкин (1930) // Собр. Соч. в восьми томах. Т. 1. С. 34 – 55
 46. *Лю Вэньфэй.* Перевод и изучение русской литературы в Китае // Новое литературное обозрение. №5. 2004. <https://magazines.gorky.media/nlo/2004/5/perevod-i-izuchenie-russkoj-literatury-v-kitae.html>? (дата последнего обращения: 02.02. 2021)
 47. *Лю Янькунь, Чэн Цзин.* Изучение творчества Пушкина в Китае // БГЖ. 2018. №2 (23). С. 168-170.
 48. *Лю Янькунь.* Функционирование творчества А.С. Пушкина в Китае: дис. кандидат наук: 10.01.01 – русская литература. Пермский государственный национальный исследовательский университет. Пермь. 2019. 308 с.
 49. *Макогоненко, Г.П.* Пушкин-художник и его время / Г. Макогоненко // Вопросы литературы. 1959. № 11. С. 144 – 154.
 50. *Малиновская Т. А.* Пушкин в Китайской народной республике // Пушкин: Исследования и материалы / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. Т. 2. С. 409–418.
 51. *Мальшев И.В.* Маргинал // Маргинальное искусство. М.: Изд-во МГУ, 1999. С. 62–63.
 52. *Медведев И.; Макогоненко Г.* Горе от ума; Евгений Онегин. М.: Худ. лит-ра.

1971. 208 с.
53. *Мейлах Б. С.* «Евгений Онегин» // Пушкин: Итоги и проблемы изучения. М.; Л.: Наука, 1966. С. 417 – 436.
 54. *Мельников Н.Г.* Лишний человек // Литература и язык. Современная иллюстрированная энциклопедия / Под ред. проф. Горкина А.П. М.: РОСМЭН, 2007. С. 275.
 55. *Мирский Д.* История русской литературы с древнейших времен по 1925 год / Пер. с англ. Р. Зерновой. 2-е изд. Новосибирск: Изд-во «Свиный и сыновья», 2006. 872 с.
 56. *Набоков В.В.* Комментарий к роману А.С Пушкина «Евгений Онегин» / пер. с англ. СПб.: Искусство-СПБ; «Набоковский фонд», 1999. 928 с.
 57. *Никишов Ю. М.* Пушкин как герой своего стихотворного романа. В кн.: Вопросы биографии и творчества А. С. Пушкина. Калинин, 1979. С. 24 – 46.
 58. *Оболенская Ю.Л.* Художественный перевод // Введение в литературоведение. В 2 т. Том 2: учебник для вузов / Л. В. Чернец [и др.]; под редакцией Л. В. Чернец. 6-е изд., перераб. и доп. Москва: Издательство Юрайт, 2020. С. 329 – 350.
 59. Онегинская энциклопедия: В 2 т. / Сост. Н. И. Михайлова и др. / Под общ. ред. Н. И. Михайловой. М.: Рус. путь, 1999.
 60. *Писарев Д.И.* Пушкин и Белинский. М.; Петроград, 1923. 230 с.
 61. *Пушкин А.С.* Евгений Онегин: Роман в стихах // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 16 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937—1959. Т. 6. Евгений Онегин. 1937. С. 1-205.
 62. *Рогов В.* Пушкин в Китае // Восточный альманах. 1960. Вып. 3. С. 187-195.
 63. *Рудман В.* Пушкин в Китае // Новый мир. 1949. № 6. С. 227–233.
 64. *Рылеев К. Ф.* Письмо Пушкину А. С. 12 февраля 1825 г. Петербург // Переписка А. С. Пушкина: В 2 т. М.: Худож. лит., 1982. Т. 1. С. 442 – 444.
 65. *Семенко И. М.* Поэты пушкинской поры. М.: Худож. лит., 1970. 295 с.
 66. *Семенко И.М.* О роли образа "автора" в "Евгении Онегине" / / Тр. Ленингр.

- библ. ин-т. 1957. Т. 2. С. 127 – 146.
67. *Степанов Л.А.* Автор и читатель в романе «Евгений Онегин». В кн.: Пушкинские чтения на Верхневолжье. Сб. второй. Калинин. 1974. С. 43 – 59.
68. *Токмаков В.Н.* Книги Пушкина в Китае // Вокруг света. 1949. №6. С. 61-62.
69. *Третьяков В.* Русская литература в Китае // Новое литературное обозрение. 2011. № 4. URL:<https://magazines.gorky.media/nlo/2011/4/russkaya-literatura-vkitae.html> (дата последнего обращения: 02.08. 2021)
70. *Турбин В. Н.* Поэтика романа А. С. Пушкина "Евгений Онегин" / В. Н. Турбин; Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, Филол. фак. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1996. 231 с.
71. *Хализев В. Е.* Историко-функциональное изучение литературы // Литературный энциклопедический словарь. / Под редакцией В. М. Кожевникова, П. А. Николаева, М., 1987. С. 138-139.
72. *Чернышевский Н. Г.* Полное собрание сочинений: в 15 т. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1948. Т. 4. 982 с.
73. *Чжа Сяо-янь.* Восприятие Пушкина в Китае: обзор переводов // Язык, сознание, коммуникация. 1999. № 10. С. 96–99.
74. *Шнейдер. М.Е.* Русская классика в Китае. Переводы. Оценки. Творческое освоение. М., 1977. 272 с.
75. *Эпштейн М.Н.* Образ художественный // Литературный энциклопедический словарь / Под ред. В.М. Кожевникова, П.А. Николаева. М.,1987. С.252–257.
76. *Языков Н.М.* Письма Н. М. Языкова к родным за дерптский период его жизни (1822—1829). СПб., 1913. 502 с.

Литература на китайском языке:

77. 奥涅金和连斯基的决斗—谈《叶甫盖尼·奥涅金》第六章. Р. 137-143/智量著. 智量文论集(上). 上海: 华东师范大学出版社, 2013. Р.137-143. [*Ван Чжунлиан.* Дуэль между Онегиным и Ленским (изучая шестую главу “Евгения

- Онегина”)//Сборник статей Чжиляна. Шанхай: Издательство Восточно-Китайского педагогического университета. 2013. С. 137 – 143]
78. 巴金著. 巴金全集. 北京: 人民文学出版社, 1986. 710 p. [Ба Цзинь. Полное собрание сочинений Ба Цзиня. Пекин: Издательство народной литературы, 1986. 710 с.]
 79. 白木.读欧根·奥尼金走笔[J].苏俄评论,1937,(第 2 期) P39-48 [Бай Му. Заметка после чтения «Евгения Онегина» // Критики о СССР и России. 1937. №2. С.39 – 48]
 80. 波涛.叶甫盖尼·奥涅金是“ЛИШНИЙ ЧЕЛОВЕК”吗?[J].外语教学,1982,第 2 期. P.67 [Бо Тао. Является ли Евгений Онегин «лишним человеком»? // обучение иностранным языкам. 1982, № 2. С. 65 – 73]
 81. 曹靖华.俄国文学史（上卷）[M].北京大学出版社. 2007. 409 p. [Цао Динхуа. История русской литературы: учебник для вузов. Т 1. Пекин: издательство пекинского университета, 2007. 409 с.]
 82. 陈方.女性主义视野下的塔吉雅娜形象[J].俄罗斯文艺,2009(04):55-58. [Чэнь Фан. Образ Татьяны в феминистской перспективе // Русская литература и искусство. 2009. № 4. С.55-58]
 83. 陈建华.中国外国文学的研究历程-苏俄文学的研究历程. 重庆: 重庆出版社. 2016. 509p. [Академическая история изучения иностранной литературы в Китае / Под ред. Чэнь Цзаньхуа. Чунцин: Чунцинское Изд-во, 2016. Т. 7: Академическая история советско-русской литературы. 509 с.]
 84. 陈训明著.普希金抒情诗中的女性.贵阳: 贵州人民出版社,1993. 351 p. [Чэнь Сюньмин. Женщины в лирических стихотворениях Пушкина. Гуйян: Народное издательство Гуйчжоу, 1993. 351 с.]
 85. 程光炜. 我的叶甫盖尼奥涅金情结//孙绳武, 卢永福主编.普希金与我.北京: 人民文学出版社,1999.P154-156 [Чэн Гуанвэй. Моя страсть к «Евгению Онегину» // Пушкин и я / Под ред. Сунь Шэнву, Лу Юнфу. Пекин: Изд-во «Народная

- литература», 1999. С. 154 – 156.]
86. 池大红, 宫小兵. 本土视角观照下的叶甫盖尼·奥涅金[J]. 外国文学研究, 2005(06):146-152+176 [Чи Дахун, Гун Сяобин. «Евгений Онегин» с точки зрения местных условий // Исследование иностранной литературы. 2005. № 5. С. 146–152+176].
87. 戴天恩. 第一个“吃螃蟹”的人—苏夫与普希金//普希金与中国/ 张铁夫, 温涛等著. 湖南: 岳麓书社. 2000. 93 – 100 [Дай Тяньен. Первый человек, кто ест крабов: Су Фу и Пушкин // Пушкин и Китай / Под ред. Чжан Тефу. Хунань: Изд-во Юйелу, 2000. С. 93 – 100].
88. 邓建中. 《叶甫盖尼·奥涅金》的死亡思考[J]. 俄罗斯文艺, 2002(06):71–73+85. [Дэн Цзяньчжун. Размышления о смерти в «Евгении Онегине» // Русская литература и искусство. 2002. № 6. С. 71–73+85]
89. 刁邵华. 《叶甫盖尼·奥涅金》和俄国文学中现实主义的形成本[A]. 戈宝权等. 普希金创作评论集[M]. 南宁: 漓江出版社, 1983. P190-206 [Дяо Шаохуа. «Евгений Онегин» и становление реализма в русской литературе // Сборник критических статей о произведениях А.С. Пушкина / Под ред. Гэ Баоцунь. Гуй Линь: Лицзяньское издательство. 1983. С. 190-206.]
90. 俄罗斯文学简史/任光宣主编. 北京: 北京大学出版社, 2006. 487 页. [Краткая история русской литературы: учебник для вузов / Под ред. Жэнь Гуансюань. Пекин: издательство пекинского университета, 2006. 487 с.]
91. 俄罗斯文学史 上(俄语专业本科生教材)/郑体武主编. 上海: 上海外语教育出版社, 2008. 319 页. [История русской литературы (первый том): учебное пособие для студентов бакалавриата по специальности русского языка / Под ред. Чжэн Тиу. Шанхай: Шанхайское издательство по образованию в области иностранных языков, 2008. 319 с.]
92. 俄罗斯文学史/周敏显编著. 上海: 上海外语教育出版社, 1990. 538页. [История русской литературы / Под ред. Чжоу Миньсянь. Шанхай: Шанхайская пресса

- по обучению иностранным языкам.1990. 538 с.]
93. 戈宝权. 《叶甫盖尼·奥涅金》在中国—谈普希金的名著的六种中文译本[J]. 中国翻译, 1990(04).P.2-6. [Гэ Баоцюань. «Евгений Онегин» в Китае: о шести китайских переводов шедевра Пушкина // Китайский перевод. 1990. № 4. С. 2 – 6]
94. 戈宝权著. 中外文学因缘—戈宝权比较文学论文集.北京: 北京出版社, 1992. 687р. [Гэ Баоцюань. История взаимодействия китайской и зарубежной литературы. Сборник статей по сравнительному литературоведению. Пекин: Пекинское издательство, 1992. 687 с.]
95. 戈宝权.谈普希金的《俄国情史》(翻译文学史话)[J].世界文学,1962,(第 1-2 期). P. 233-240. [Гэ Баоцюань. Об «Истории Смита и Мэри» (об истории переводной литературы) // Мировая литература. 1962. № 1-2. С. 233-240.]
96. 何茂正.独创性的典范《叶甫盖尼奥涅金》.普希金创作评论集.桂林:漓江出版社,1983.P142-155 [Хэ Маочжэн. Образец оригинальности «Евгения Онегин» // Сборник критики к произведениям А. С. Пушкина / Под ред. Гэ Баоцюань. Гуй Линь: Лицзянское издательство. 1983. С. 142 – 155.]
97. 胡葆华.另一种视角的言说:奥尔加的悲剧及其世界性揭示—重读《叶甫盖尼·奥涅金》.牡丹江大学学报, 2007(09):41 – 42. [Ху Баохуа. Интерпретация с другой точки зрения: трагедия Ольги и её мировое значение. Перечитывая “Евгения Онегина” // Вестник Муданьцзянского университета, 2007. № 9. С. 41 – 42]
98. 胡云波.“多余人”艺术形象分析与研究[D].内蒙古师范大学,2006.3.[Ху Юнбо. Анализ и исследование художественного образа «лишних людей»: Магистерская диссертация/Педагогический университет Внутренней Монголии. Внутренняя Монголия., 2006. 40 с.]
99. 黄勇主编. 普希金童话全集. 汕头: 汕头大学出版社, 2013. 155 р. [Полное собрание сказок Пушкина / Под ред. Хуан Юн. Шаньтоу: Издательство Университета Шаньтоу, 2013. 155 с.]

100. 黄源, 普式庚的一生, 载《月报》, 一卷 2 期, 1937 年 2 月 15 日 P417-421
[Хуан Юань. Жизнь Пушкина // Ежемесячник. 1937. Т. 1. № 2. С. 417–421]
101. 贾延红. 从《叶甫盖尼·奥涅金》看普希金的爱情观[J]. 现代语文(文学研究版), 2007(06):53-54. [Цзя Яньхун. Пушкинский взгляд на любовь в «Евгении Онегине» // Современный китайский язык (Издание литературных исследований). 2007. № 6. С. 53-54].
102. 康澄. 试析洛特曼对《叶甫盖尼·奥涅金》的研究[J]. 外国文学研究, 2002(04):35-40+170. [Кан Ченг. Труды Ю.М. Лотмана о «Евгении Онегине» // Изучение иностранной литературы. 2002. № 4. С.35-40.]
103. 匡兴. 对奥涅金形象典型性质的再认识[J]. 俄罗斯文艺, 1999(02):94-97. [Куан Син. Переосмысление типичного характера образа Онегина // Русская литература и искусство. 1999. №. 02. С. 94–97.]
104. 匡兴:“论奥涅金是‘多余人’的典型”, 北京师范大学学报(2)1962 P.45–61 [Куан Син. Онегин — типичный "лишний человек" // Газета Пекинского педагогического университета. 1962. № 2. С. 45–61.]
105. 雷成德. 论普希金的《欧根 奥涅金》的思想意义和人物形象—兼评教学中的资产阶级思想. 《内蒙古师范学院学报》1(1959)[Лэй Чэндэ. Об идейном значении и образе характера пушкинского Евгения Онегина — и комментарий к буржуазной мысли в процессе обучения // Газета педагогического университета Внутренней Монголии. 1959. №1.]
106. 雷华. 连斯基论: 普希金对浪漫主义文学的思考. 四川师范学院学报(哲学社会科学版), 1994, 第 1 期. 41-45 [Лэй Хуа. О Ленском. Размышления Пушкина о романтической литературе // Вестник Сычуаньского педагогического университета (Издание по философии и социальным наукам). 1994. № 1. С.41–45.]
107. 黎原菁. 浅析《叶甫盖尼·奥涅金》中达吉雅娜作为“俄罗斯的灵魂”的形象[J]. 散文百家(理论), 2020, 第 4 期. 40 [Ли Юаньцзин. Краткий анализ образа Татьяны

- как “души России” в «Евгении Онегине» // Сотни эссе (Теория). 2020. №. 4. С. 40.]
108. 李红. 《叶甫盖尼·奥涅金》中的“我”[J].陕西师范大学学报(哲学社会科学版), 2004 (2):126-128. [Ли Хун. «Я» в «Евгении Онегине» // Журнал Шэньсийского педагогического университета (издание по философии и социальным наукам). 2004. №.2. С. 126-128.]
109. 李明滨. 普希金在中国 // 岱宗学刊. 1999. № 01. Р. 1-3[Ли Минбинь. Пушкин в Китае // Дэйцзун: академический журнал. 1999. № 1. С. 1–3.]
110. 李明滨. 中国的普希金研究 // 俄罗斯文艺. 1999. № 02. Р. 50-54[Ли Минбинь. Китайская пушкинистка // Русская литература и искусство. 1999. № 2. С. 50–54.]
111. 李明滨. 中国普希金学发展进程 // 外国文学. 1999. № 1 (73). Р. 91-94 [Ли Минбинь. Развитие пушкиноведения в Китае // Иностранная литература. 1999. № 1 (73). С. 91–94.]
112. 李明滨主编. 世界文学简史. 北京: 北京大学出版社, 2002.08. [Краткая история мировой литературы: учебник для вузов / Под ред. Ли Минбиня Пекин: Издательство Пекинского университета. 2002. 540 с.]
113. 李韶华.论普希金的女性意识[J].甘肃高师学报,2016,21(02):24-26. [Ли Шаохуа. О концепции женственности Пушкина // Вестник педагогического колледжа Ганьсу. 2016. №.21(02). С 24–26.]
114. 李向阳.是“中间人物”,还是“多余的人”?——就叶甫盖尼·奥涅金形象与刘奉光同志商榷[J].丽水师专学报,1989(04):68-72. [Ли Сианян. “Лишний человек” или “заурядный человек”? — Спор с товарищем Лю Фэнгуаном об образе Евгения Онегина // Вестник Лишуйского педагогического университета, 1989. №. 4. С. 68–72.]
115. 李玉君.普希金和《普加乔夫史》.《兰州大学学报(社会科学版)》4(2003)р.83-86 [Ли Юйцзюнь. Пушкин и «История Пугачёва» // Газета ланчжоуского университета (Издание по социальным наукам). 2003. № 4. С.83–86.]

116. 梁启超.论小说与群治之关系[J].新小说,1902,第 1 期. P24-31[*Лян Цичао. Об отношениях между прозой и политическом режимом // Новая проза. 1902. № 1. С. 24–31.*]
117. 林薇.民族诗人普式庚[J].文艺杂志,1937,第 2 期. P. 113-116 [*Линь Вэй. Национальный поэт – Пушкин // Литературный журнал.1937. №2. С. 113–116.*]
118. 刘奉光.是中间人物,不是“多余的人”—谈叶甫盖尼·奥涅金形象的社会意义[J].齐鲁学刊,1986(02):112-113. [*Лю Фэнгуан. Это “средний человек”, а не “лишний человек” (О социальной значимости образа Евгения Онегина) // Вестник Цилу. 1986. № 2. С. 112–113.*]
119. 刘平.试论奥涅金性格的二重组合—兼与王璧城同志商榷[J].外国文学研究,1987(02):123-128. [*Лю Пин. Пробный анализ двойной комбинации характера Онегина - и обсуждение с товарищем Ван Бичэном // Изучение зарубежной литературы. 1987. № 2. С. 123-128.*]
120. 刘素梅.“多余人”的苦恼—叶甫盖尼·奥涅金形象分析.名作欣赏,2014(15):88-89. [*Лю Сумэй. Страдания «лишнего человека». Анализ образа Евгения Онегина // Чтение литературных шедевров. 2014. № 15. С. 88–89.*]
121. 刘晓燕.《叶甫盖尼·奥涅金》伦理解读[J].河北软件职业技术学院学报,2009,11(03):67-69. [*Лю Сяоянь. Этическая интерпретация «Евгения Онегина» // Вестник Хэбэйского профессионального института технологий. 2009. № 11(03). С. 67-69.*]
122. 卢兆泉.论奥涅金形象的两重性.杭州师范学院学报(社会科学版),1981(02):66-71. [*Лу Чжаоцюань. О двойственности образа Онегина // Вестник Ханчжоуского педагогического университета (издание по общественным наукам). 1981. № 2. С.66–71.*]
123. 鲁效阳.评普希金后期抒情诗中的沙文主义//《普希金创作评论集》南宁 :漓江出版社,1983 年. P. 81-101 [*Лу Сюйян. О шовинизме в поздней лирической поэзии Пушкина // Сборник критики к произведениям А. С. Пушкина / Под*

- ред. Гэ Баоцунь. Гуй Линь: Лицзянское издательство 1983. С.81–101.]
124. 鲁迅.摩罗诗力说//河南杂志.1908. № 3. P79–99 [*Лу Синь*. О демонической силе поэзии // *Хэнаньский журнал*.1908. № 3. С. 79–99.]
125. 陆凡.关于奥涅金是“多余人”的形象问题[J].文史哲, 1962, (03):69-77. [*Лу фань*. О вопросе образа Онегина как лишнего человека // *Литература, история и философия*. 1962. №3. С. 69–77.]
126. 吕荧, 关于《奥涅金》,文学书刊介绍, 1955, 02, p3-4 [*Люй Ин*. Об Онегине // *Введение в литературные книги*. 1955. №. 2. С. 3-4.]
127. 马家骏.论普希金的小说体诗.扬州师院学报(社会科学版),1983(03):74-78 [*Ма Цзяцзюнь*. О романах и поэмах Пушкина // *Вестник Янчжоуского педагогического университета (издание по социальным наукам)*. 1983, № 3. С. 74–78.]
128. 毛泽东: 论人民民主专政,《毛泽东选集》第四卷,北京: 人民出版社 1991 年版, 第 1469–1471 页. [*Мао Цзэдун*. О демократической диктатуре народа // *Избранные произведения Мао Цзэдуна*. Т. 4. Пекин: Народное издательство, 1991. С. 1469–1471.]
129. 穆旦. 漫谈《欧根·奥涅金》// 穆旦精选集. 北京: 北京燕山出版社, 2006.07. P. 246 129-135 [*Му Дан*. Беседы о “Евгении Онегине”// *Му Дан*. Сборник избранных работ Му Дана. Пекин: Издательство китайской литературы. 1976. С. 129–135.]
130. 牛光辉. 浅析《叶甫盖尼·奥涅金》中的隐喻[J]. 四川外语学院学报, 1991(02):47-52. 5. [*Ню Гуанхуй*. Краткий анализ метафор в «Евгении Онегине» // *Вестник Сычуаньского института иностранных языков*. 1991. № 2. С. 47-52.]
131. 彭体春. 边缘人——试评叶甫盖尼·奥涅金[J]. 西昌师范高等专科学校学报, 1998(02):41-46. [*Пэн Тичунь*. Маргинальный человек. Попытка анализа Евгения Онегина // *Вестник Сичанского педагогического колледжа высшего образования*.1998. № 2. С. 41–46.]

132. 彭永涛. 《叶甫盖尼·奥涅金》的艺术价值探析. 黑河学刊, 2015(08): 46-48. [*Пэн Юнтао. Анализ художественной ценности «Евгения Онегина» // Журнал Хэйхэ, 2015, № 8. С. 46–48.*]
133. 蒲风, 普式庚在歌唱. 普黄安榕, 陈松溪. 蒲风选集上. 福州: 海峡文艺出版社, 1985.06. P706-711 [*Пу Фэн. Пушкин поёт // Альманах Пу Фэна, ред. Хуан Аньжон, Чэнь Сунси. Фучжоу: литературно-художественное издательство пролива. 1985. С. 706–711.*]
134. 普希金创作评论集/易淑泉, 王远泽编. 桂林: 漓江出版社, 1983. 335 p. [*Сборник статей о творчестве А.С. Пушкина / Под ред. И Шуцюаня, Ван Юань. Гуй Линь: Лицзянское издательство, 1983. 335 с.*]
135. 普希金著; 曹纒西, 智量译. 普希金中短篇小说集. 南京: 译林出版社, 2002. 466 p. [*Сборник романов и повестей А.С. Пушкина / Пер. Цао Манси, Чжилиан. Нанкин: Издательство Илин, 2002. 466 с.*]
136. 普希金著; 查良铮译. 普希金叙事诗选集. 成都: 四川文艺出版社, 1985. 400 p. [*Избранные романы и повести А.С. Пушкина / Пер. Чжа Ланчжэн. Чэнду: Издательство Сычуаньской литературы и искусства, 1985. 400 с.*]
137. 普希金著; 陈耀球译. 普希金叙事诗全集. 湘潭: 湘潭大学出版社, 2013. 407 p. [*Полное собрание баллад А.С. Пушкина / Пер. Чэнь Яоцю. Сянган: Издательство Сянганского университета, 2013. 407 с.*]
138. 普希金著; 冯春译. 普希金抒情诗精选. 西安: 太白文艺出版社, 1997. 318 p. [*Избранная лирика А.С. Пушкина / Пер. Фэн Чунь. Сиань: Издательство литературы и искусства Тайбай, 1997. 318 с.*]
139. 普希金著; 冯春译. 普希金文集 戏剧. 上海: 上海译文出版社, 1999. 376 p. [*Собрание сочинений А.С. Пушкина: драмы / Пер. Фэн Чуня. Шанхай: Шанхайское издательство переводов, 1999. 376 с.*]
140. 普希金著; 高莽编译. 普希金抒情诗全集. 杭州: 浙江文艺出版社, 1994. 1242 p. [*Полное собрание лирических стихотворений А.С. Пушкина / Под ред. Гао Ман. Ханчжоу: Чжэцзянское издательство литературы и искусства, 1994. 1242*

- с.]
141. 普希金著；卢永选编. 普希金小说戏剧选. 北京：人民文学出版社, 1994. 688p.
[Избранные романы и драмы А.С. Пушкина / Под ред. Лу Юна. Пекин: Издательство народной литературы, 1994. 688 с.]
142. 普希金著；卢永选编；智量译. 普希金文集 第5卷 叶甫盖尼·奥涅金 诗体长篇小说. 北京：人民文学出版社, 1995.12. 466 p. [Собрание сочинений А.С. Пушкина: В 6 т. Т.5 / под ред. Лу Юна. / пер. Ван Чжиляна. Пекин: издательства «Народная литература», 1995. 466 с.]
143. 普希金著；吕荧译. 普希金小说集. 合肥：安徽文艺出版社, 1999. 372 [Сборник романов Пушкина / Пер. Люй Ина. Хэфэй: Издательство литературы и искусства Аньхой, 1999. 372 с.]
144. 普希金著；肖马, 吴笛主编；智量, 冀刚译. 普希金全集 4 诗体长篇小说 戏剧. 杭州：浙江文艺出版社, 1997.12. 668 p. [Полное собрание сочинений А.С. Пушкина: в 8 т. Т. 4. / под ред. Сяо Ма, У Ди. / пер. Ван Чжиляна, И Гана. Ханчжоу: Чжэцзянское издательство литературы и искусства, 1997. 668 с.]
145. 普希金著；肖珊译. 普希金小说选. 贵阳：贵州人民出版社, 1981. 377 [Избранные романы и повести А.С. Пушкина / Пер. Сяо Шань. Гуйян: Народное издательство Гуйчжоу, 1981. 377 с.]
146. 普希金著；云卿译. 普希金童话. 北京：中国妇女出版社, 1997. 386 p. [Сказки Пушкина / Пер. Юнь Цина. Пекин: Китайское женское издательство, 1997. 386 с.]
147. 齐俊. 普希金诗歌的叙事学分析[D]. 安庆师范大学, 2017. 29 p. [Ци Цзюнь. Анализ повествования в произведениях А.С. Пушкина: Магистерская диссертация / Педагогический университет Аньцин. 2017. 29 с.]
148. 邱欣敏. 无法改变的命运——试述《叶甫根尼·奥涅金》中达吉雅娜的形象[J]. 南京理工大学学报(社会科学版), 2001(04):38-41. [Цю Синьминь. Неизменная судьба. Попытка анализа образа Татьяны в «Евгении Онегине» // Вестник Нанкинского технологического университета (издание по социальным наукам). 2001. №.4.

С. 38-41]

149. 曲娟.论普希金《叶甫盖尼·奥涅金》的人民性[J].通化师院学报,1998(02):26-30.
[Цюй Цзюань. О народности пушкинского «Евгения Онегина» // Вестник педагогического университета Тунхуа. 1998. № 2. С.26-30.]
150. 瞿秋白. 俄国文学史 (1922). 上海: 复旦大学出版社. 2004. 141 p. [Цюй Цюбо. История русской литературы. Шанхай: Изд-во Фуданьского университета. 2004. 141 с.]
151. 任光宣主编.俄罗斯文学简史.北京: 北京大学出版社, 2006.09. 487 p. [Краткая история русской литературы: учебник для вузов / Под ред. Жэнь Гуансюаня. Пекин: Издательство пекинского университета, 2006. 487 с.]
152. 沙安之. 普希金创作道路上的光明与黑暗.《湖南师院学报》4 (1980) . P. 109-114 [Ша Аньчжи. Свет и тьма на творческом пути Пушкина // Газета Хунаньского педагогического института. 1980. № 4. С. 109–114.]
153. 邵燕祥. 我的朋友普希金 // 孙绳武, 卢永福主编. 普希金与我. 北京: 人民文学出版社, 1999. P.1-3 [Шао Яньсян. Мой друг Пушкин // Пушкин и я / Под ред. Сунь Шэньву, Лу Юнфу. Пекин: Изд-во «Народная литература», 1999. С.1-3.]
154. 沈念驹. 从翻译到出版 — 写在诗人二百周年诞辰之际//孙绳武, 卢永福主编. 普希金与我.北京: 人民文学出版社,1999.399-402 [Шэнь Няньцзюй. От перевода к публикации — по случаю двухсотлетия со дня рождения поэта // Пушкин и я / Под ред. Сунь Шэньву, Лу Юнфу. Пекин: Изд-во «Народная литература», 1999. С. 399-402.]
155. 沈栖.论“拉普”对我国左翼文艺运动影响[J].中州学刊,1988,(第 4 期).P30-35 [Шэнь Чи. О влиянии РАППа на левое литературное движение в Китае // Журнал Чжунчжоу, 1988. № 4. С. 30 – 35.]
156. 施定.近 20 余年中国叙事学研究述评.学术研究,2003(08):129-132 [Ши Дин. Обзор нарративных исследований в Китае за последние 20 лет // Академические исследования, 2003, № 8. С. 129–132.]
157. 施谊, 一百年了, 阴谋的决斗—为普希金百年祭做歌,《光明》, 第二卷, 第 5

- 号.1937年2.10 [Ши И. Сто лет прошло, коварная дуэль: песня к 100-летию со дня смерти Пушкина // Светлая ясность. 1937. Т 2. № 5. С.1112–1113.]
158. 舒荣. 沙皇是怎样杀死普式庚的, 载《世界知识》, 第五卷, 第十期, 1937.2月 [Шу Жун. Как царь убил Пушкина // Мировое знание. 1937. Т. 5. №10.]
159. 宋德发. 我国新世纪普希金研究的成绩与危机 // 俄罗斯文艺. 2007. № 1. Р. 30-34 [Сун Дэфа. Достижения и кризис в китайском пушкиноведении нового века // Русская литература и искусство. 2007. № 1. С. 30–34.]
160. 孙金美. 解读达吉亚娜的形象—重读《叶甫盖尼·奥涅金》. 上海师范大学学报(哲学社会科学版), 2001(04):74-79. [Сунь Цзиньмэй. Интерпретация образа Татьяны: перечитывая “Евгения Онегина”// Вестник Шанхайского педагогического университета (издание по философии и социальным наукам), 2001, № 4. С.74–79.]
161. 孙绳武, 卢永福主编. 普希金与我.北京: 人民文学出版社,1999. 541p. [Пушкин и я / Под ред. Сунь Шэнву, Лу Юнфу. Пекин: Изд-во «Народная литература», 1999. 541 с.]
162. 孙致祥.长诗《叶甫盖尼·奥涅金》的语言特色[J].四川外语学院学报,1989(01):67-74[Сунь Чжисян. Языковые особенности романа в стихах «Евгений Онегин» // Вестник Сычуаньского института иностранных языков. 1989. № 1. С. 67-74.]
163. 唐晓雪.论《叶甫盖尼·奥涅金》与《罪与罚》中“回归”的多重意义[J].青年文学家,2018(09):102-103. [Тан Сяосюэ. О многозначности слова «возвращение» в романе в стихах «Евгений Онегин» и романе «Преступление и наказание» // Молодые литературоведы. 2018. № 9. С. 102-103.]
164. 田紫卉.梦境在文学作品中的意义与功能—以《叶甫盖尼·奥涅金》与《三三》中的梦境为例[J].江苏经贸职业技术学院学报,2017(04):48-50. [Тянь Цзыхуэй. Значение и функция сновидений в литературных произведениях — в пример сновидения в «Евгении Онегине» и «Три-три»// Вестник Цзянсуского профессионально-технического института экономики и торговли. 2017. № 4. С.

48-50.]

165. 童树德.《叶甫盖尼·奥涅金》：现实主义的胜利. 外国文学研究,1988(01):59-63 [Тун Шудэ. «Евгений Онегин». Победа реализма // Исследование иностранной литературы. 1988. № 1. С. 59–63.]
166. 王璧城.漫笔达吉雅娜的爱情悲剧[J].外国文学欣赏,1985,(第 2 期). 15-17 [Ван Бичэн. Любовная трагедия Татьяны // Чтение иностранной литературы. 1985. № 2. С. 15–17.]
167. 王璧城.漫笔达吉雅娜的爱情悲剧[J].外国文学欣赏,1985,(第 2 期).P15-17 [Ван Бичжэн. Разговор о любовной трагедии Татьяны // Наслаждение иностранной литературой. 1985. № 2. С.15–17.]
168. 王加兴.试论《叶甫盖尼·奥涅金》中的修辞手法“换说”[J].解放军外国语学院学报,2005(02):113-117. [Ван Цзясин. Перифраза в «Евгении Онегине» // Вестник Института иностранных языков при Народно-освободительной армии Китая. 2005. № 2. С.113-117.]
169. 王智量.奥涅金和连斯基的决斗//论普希金、屠格涅夫、托尔斯泰. 北京：光明日报出版社. 1985.P. 16-23. [Ван Чжилян. Дуэль между Онегиным и Ленским // О Пушкине, Тургеневе, Достоевском. Пекин: издательство журнала Гуанмин. 1985. С. 16–23.]
170. 王智量.论《叶甫盖尼·奥涅金》的形象体系与创作方法.外国文学评论, 1990,第 3 期.P. 87-92 [Ван Чжилян. О системе образов и творческом методе «Евгения Онегина» // Критика зарубежной литературы. 1990. № 3. С. 87–92.]
171. 魏荒弩. 前言//普希金, 叶甫盖尼奥涅金, 田国彬译, 北京: 北京燕山出版社, 2003. P. 1-3. [Вэй Хуанну. Предисловие // Пушкин А. С. Евгений Онегин / Пер. Тянь Гобинь. Пекин: Пекинское изд-во «Яньшань». 2003. С.1-3.]
172. 魏玲.论俄罗斯文学中的“多余人”形象[J].国外文学,1994(04):57-66. [Вэй Лин. Об образах «лишних людей» в русской литературе // Иностранная литература. 1994. №. 4. С.57-66.]
173. 吴平春.论“多余人”叶甫盖尼·奥涅金[J].文学教育(上),2019(11):46-47. [У

- Пинчунь*. О лишнем человеке Евгении Онегине // Литературное образование (Часть 1). 2019. № 11. С. 46–47.]
174. 西蒙娜·德·波伏娃著,陶铁柱译.第二性(全译本).北京:中国书籍出版社,1998.844p [*Симоны де Бовуар*. Второй пол (полный перевод) / Пер. Тао Течжу. Пекин: Китайское книжное издательство, 1998. 844 с.]
175. 肖淑芬.关于达吉雅娜的女性主义思考[J].扬州教育学院学报, 2005(01):19-23. [*Сяо Шуфэнь*. Феминистское размышление о Татьяне // Вестник Института образования Янчжоу, 2005. №1. С. 19–23.]
176. 谢鹏. 论奥丽加悲剧命运的双重遮蔽——重读《叶甫根尼·奥涅金》. 俄罗斯研究, 2003(04):70-73. [*Се Пэн*. О двойной экранировке трагической судьбы_Ольги. Перечитывая «Евгения Онегина» // Русские исследования. 2003. № 4. С. 70–73.]
177. 徐克勤.奥涅金是不是个“多余人”——诗体小说的构思与结构.山东师范大学学报(人文社会科学版),1992,第 3 期. P. 77-81 [*Сюй Кэцин*. Является ли Онегин лишним человеком? Концепция и структура романа в стихах // Вестник Шаньдунского педагогического университета (издание по гуманитарным и социальным наукам), 1992, № 3. С. 77–81.]
178. 徐琰.解读塔吉雅娜的女性主体意识[J].安阳工学院学报,2007(03):64-66. [*Сюй Янь*. Интерпретация женского субъективного сознания Татьяны // Аньянского технологического института, 2007. № 3. С. 64–66.]
179. 徐玉琴.我在大学里讲《奥涅金》——30年教学的曲折经历//孙绳武,卢永福主编.普希金与我.北京:人民文学出版社,1999.249-253 [*Сюй Юйцин*. Я преподаю «Евгения Онегина» в университете — Трудный педагогический опыт за 30 лет. // Пушкин и я / Под ред. Сунь Шэнву, Лу Юнфу. Пекин: Изд-во «Народная литература», 1999. С. 249-253.]
180. 徐允明. 鲁迅、普希金与 1830 年波兰起义.《文学评论丛刊》2(1979). 127-141 [*Сюй Юньмин*. Лу Сюнь, Пушкин и польское восстание 1830 года // Газета литературной критики. 1979. № 2. С.127-141.]

181. 炎.苏联学者关于奥涅金是否系“多余人”的讨论[J].文学评论,1961,(第2期).P 25
[*Янь*. Дискуссия советских ученых о том, является ли Онегин “лишним человеком” // Литературная критика. 1961. № 2. С.25.]
182. 杨怀玉.《叶甫盖尼·奥涅金》在中国[J].外国文学,1998. № 4. P7-13. [*Ян Хуайюй*. «Евгений Онегин» в Китае // Иностранная литература. 1998. № 4. С.7 – 13].
183. 杨怀玉.《叶甫盖尼奥涅金在中国》//普希金与中国/ 张铁夫, 温涛等著. 湖南: 岳麓书社.2000. P. 260-281. [*Ян Хуайюй*. «Евгений Онегин» в Китае // Пушкин и Китай / Глав. ред. Чжан Тефу; авт. колл.: Ян Яньсун, Вэй Тао, Чжи Юй и др. Хунань: Изд-во «Юйелу». 2000. С. 260-281.]
184. 杨敏. 《叶甫盖尼·奥涅金》中“花”的意象[J].潍坊工程职业学院学报,2015,28(05):69-72. [*Ян Минь*. Символика цветов в «Евгении Онегине» // Вестник Вэйфанского инженерного профессионального института. 2015. № 28(05). С.69-72.]
185. 叶甫盖尼奥涅金——个性·自由·责任. 张铁夫等著. 普希金的生活与创作. 北京: 北京燕山出版社, 1997.06. 243-270 [*Чжан Тефу*. «Евгений Онегин» — личность, свобода, ответственность // Жизнь и творчество Пушкина. Пекин: Пекинское издательство “Яншань”. 1997. С. 243-270.]
186. 叶秋士.普希金的叶弗格尼奥尼金[J].新中华,1937,(第7期),19 -25. [*Е Чуши*, Пушкинский «Евгений Онегин» // Новый Китай. 1937. №2. С. 19–25.]
187. 张存霞.达吉亚娜形象的性别文化阐释[J].宜宾学院学报,2010,10(08):70-72. [*Чжан Цунься*. Гендерная и культурная интерпретация образа Татьяны // Вестник университета Ибинь, 2010. № 10(08). С. 70–72.]
188. 张铁夫. 近年来我国的普希金研究 // 外国文学研究. 1988. № 03. P. 114-121
[*Чжан Тефу*. Исследования Пушкина в Китае в последние годы // Исследование зарубежной литературы. 1988. № 3. С. 114–121.]
189. 张铁夫. 普密之争的由来及其实质.《湘潭大学学报》4 (1983):88-95 [*Чжан Тефу*. О шовинизме в поздней лирической поэзии Пушкина // Газета Сянтаньского

- университета. 1983. № 4. 88-95]
190. 张铁夫等著. 普希金新论:文化视域中的俄罗斯诗圣. 北京: 中国社会科学出版社,2004. 347 p. [*Чжан Тефу*. Новое суждение о Пушкине: русский гений поэзии в культурной перспективе. Пекин: Издательство общественных наук Китая, 2004. 347 с.]
191. 张铁夫等著. 普希金的生活与创作.北京: 北京燕山出版社,1997. 434 p. [*Чжан Тефу*. Жизнь и творчество Пушкина. Пекин: Пекинское издательство Яньшань, 1997. 434 с.]
192. 张铁夫主编. 普希金与中国.长沙: 岳麓书社, 2000. 410 p. [*Чжан Тефу*. Пушкин и Китай. Чанша: издательство Юэлу, 2000. 410 с.]
193. 张铁夫主编. 新编比较文学教程[M].长沙: 湖南人民出版社.1997.422p. [Новый курс сравнительной литературы / Под ред. Чжан Тэфу. Чанша: Народное издательство провинции Хунань, 1997. 422с.]
194. 张铁夫著. 普希金: 经典的传播与阐释. 湘潭: 湘潭大学出版社, 2009. 276 p. [*Чжан Тефу*. Пушкин. Распространение и интерпретация классики. Сянган: Издательство Сянганского университета, 2009. 276 с.]
195. 张铁夫著. 普希金学术史研究.南京: 译林出版社,2013. 349 p. [*Чжан Тефу*. Истории научного исследования Пушкина. Нанькин: Издательство Илинъ. 2013. 349 с.]
196. 张亚利. 两种角色, 各显神通——浅析《叶甫盖尼·奥涅金》中的“我”. 内蒙古民族师院学报(哲学社会科学汉文版), 1992(01):29-33. [*Чжан Яли*. Две роли, каждая проявляет свои возможности. Краткий анализ «Я» в «Евгении Онегине» // Вестник Национального университета Внутренней Монголии (издание философии и социальных наук). 1992. № 2. С. 29-33]
197. 张玉丽. 作者形象的表现形态——以《叶甫盖尼·奥涅金》为例. 时代文学(下半月),2008(01):118 [*Чжан Юйли*. Форма выражения авторского образа. На примере «Евгения Онегина» // Литература нашего времени (первая половина месяца). 2008. № 1. С. 118.]

198. 赵红著. 文本的多维视角分析与文学翻译:《叶甫盖尼·奥涅金》的汉译研究. 上海: 复旦大学出版社, 2007. 273 p. [Чжао Хун. Многомерный анализ текстов и литературный перевод: исследование китайского перевода «Евгения Онегина». Шанхай: Издательство Фуданьского университета, 2007. 273 с.]
199. 赵宪彪.再论多余人—《叶甫盖尼·奥涅金》善恶之辨浅谈[J].内蒙古农业大学学报(社会科学版),2009,11(05):275-276. [Чжао Сяньбяо. Повторное обсуждение «лишнего человека». Краткое рассуждение о добре и зле в «Евгении Онегине» // Вестник сельскохозяйственного университета Внутренней Монголии (Издание по социальным наукам). 2009. №11(5). С.275-276].
200. 郑体武主编. 俄罗斯文学史上(俄语专业本科生教材). 上海: 上海外语教育出版社, 2008.08. 319 p. [История русской литературы: учебное пособие для студентов бакалавриата по специальности русский язык. Т.1. / Под ред. Чжэн Тиу. Шанхай: Шанхайское издательство по образованию в области иностранных языков, 2008. 319 с.]
201. 智量, 讲授; 杨正先, 王梅记录; 马新彰, 王志耕整理. 19世纪俄国文学史讲稿. 上海: 华东师范大学出版社, 2013. 147 p [Конспект лекции по истории русской литературы 19 века Чжиляна. Записи Ян Чжэнсяня, Ван Мэя; под ред. Ма Синьчжана, Ван Чжигэна. Шанхай: Издательство Восточно-Китайского педагогического университета. 2013. 147 с.]
202. 智量.论《叶甫盖尼·奥涅金》的形象体系与创作方法[J].外国文学评论,1990,(第3期). P.89-92 [Ван Чжилян. О системе образов и творческом методе «Евгения Онегина» // Критика зарубежной литературы. 1990. № 3. С.87–92]
203. 智量译. 普希金选集 第5卷. 北京: 人民文学出版社, 1985.03. 441 p. [Антология Пушкина.Т.5 / Пер. Ван Чжиляна. Пекин: издательства «Народная литература», 1985. 441 с.]
204. 周钢鸣. 关于「欧根·奥尼金」的几个问题[J]. 诗创作, 1942,(第15期). P 48 – 55[Чжоу Ганмин. Некоторые характеристики «Евгения Онегина» // Создание стихотворения. 1942. №15. С 48–55.]

205. 周敏显. 先进贵族的青年——论奥涅金. 《普希金创作评论集》桂林:漓江出版社, 1983. P.156-176. [*Чжоу Сианьминь*. Прогрессивный дворянский молодой человек (об Онегине) // Сборник статей о творчестве А. С. Пушкина / Под ред. Гэ Баоцунь. Гуй Линь: Лицзянское издательство. 1983. С. 156–176.]
206. 周娜. 中外文学“边缘人”形象比较研究[D].辽宁大学, 2011, С. 45 [*Чжоу На*. Сравнительное исследование образа “маргинальных людей” в китайской и зарубежной литературе: Магистерская диссертация / Ляонинский университет. Чэнян. 2011, 45 с.]
207. 周颖. 《叶甫盖尼·奥涅金》的现代阐释[J].五邑大学学报(社会科学版),2009,11(03):58-61[*Чжоу Ин*. Современная интерпретация Евгения Онегина // Вестник университета Вуйи (издание по общественным наукам). 2009. № 11(3). С. 58-61.]
208. 周颖.在传统与现代之间 — 从《叶甫盖尼·奥涅金》看普希金的女性观[J].江西社会科学, 2004(08):106-108. [*Чжоу Ин*. Между традицией и современностью: изучение пушкинской концепции женственности в «Евгении Онегине» // Общественные науки Цзянси. 2004. №4. С. 106–108.]
209. 朱达秋.作为记忆形象的多余人——俄罗斯文学与文化记忆[J].外国语文,2014,30(03):10-12. [*Чжу Дацю*. Лишний человек как образ памяти. Русская литературная и культурная память // Иностранный язык. 2014. №. 30(03). С.10–12.]
210. 朱洪文.“连斯基之死”的功能解析.湘潭大学社会科学学报(研究生论丛), 2003(S1):166-168. [*Чжу Хунвэнь*. Функциональный анализ смерти Ленского // Вестник социальных наук Сянтаньского университета (сборник статей магистров и аспирантов). 2003. №. S1. С.166–168.]

Приложение

Переводы романа в стихах «Евгений Онегин» на китайском языке:

1. 普式庚著,奥尼金,苏夫译,桂林:斯文.1942年,294页[Пушкин А.С. Евгений Онегин / Пер. Су Фу. Гуйлинь: Сывэнь, 1942. 294 с.].
2. 普希金,欧根·奥涅金 诗体小说.,吕荧译,重庆:希望.1944.294页[Пушкин А.С. Евгений Онегин / Пер. Люй Ина. Чунцин: Надежда, 1944. 249с.].
3. 普希金,欧根·奥涅金,吕荧译,郑州:海燕.1950年.391页 [Пушкин А.С. Евгений Онегин / Пер. Люй Ина. Чжэнчжоу: Буревестник, 1950. 391с.].
4. 普希金,叶甫盖尼·奥涅金,吕荧译,北京;人民文学出版社,1954年,380页 [Пушкин А.С. Евгений Онегин / Пер. Люй Ина. Пекин: Народное изд-во, 1954. 380 с.].
5. 普希金,叶甫盖尼·奥涅金,吕荧译,安徽文艺出版社,1996年,352页 [Пушкин А.С. Евгений Онегин / Пер. Люй Ина. Аньхой: Литература и культура: 1996. 352 с.].
6. 普希金. 叶甫盖尼·奥涅金. 吕荧译 北京: 生活·读书·新知三联书店, 2020年.370页 [Пушкин А.С. Евгений Онегин / Пер. Люй Ина. Пекин: Саньянь книжный дом, 2020. 370 с.].
7. 普希金,欧根·奥涅金,查良铮译,上海:平明出版社.1954年.332页 [Пушкин А.С. Евгений Онегин / Пер. Чжа Лянчжэна. Шанхай: Пинмин, 1954. 332 с.].
8. 普希金,欧根·奥涅金,查良铮译,上海:文化生活出版社,1956年 333页 [Пушкин А.С. Евгений Онегин / Пер. Чжа Лянчжэна. Шанхай: Изд-во культурной жизни, 1956. 333 с.].
9. 普希金,欧根·奥涅金,查良铮译,上海:新文艺出版社,1957年,341页[Пушкин А.С. Евгений Онегин / Пер. Чжа Лянчжэна. Шанхай: Изд-во новой литературы и культуры, 1957. 341 с.].
10. 普希金,欧根·奥涅金,查良铮译,成都:四川人民出版社,1983年,340页 [Пушкин А.С. Евгений Онегин / Пер. Чжа Лянчжэна. Чэнду: Сычуаньское

- народное изд-во, 1983. 340 с.].
11. 普希金, 叶夫根尼·奥涅金, 王士燮译, 黑龙江: 人民出版社.1981 年.317 页 [Пушкин А.С. Евгений Онегин / Пер. Ван Шисе. Хэйлунцзян: Народное изд-во, 1981. 317с.].
 12. 普希金, 叶夫根尼·奥涅金, 王士燮译, 杭州: 浙江文艺出版社, 1991 年.378 页[Пушкин А.С. Евгений Онегин / Пер. Ван Шисе. Ханчжоу: Чжэцзянское изд-во литературы и культуры, 1991. 378 с.].
 13. 普希金, 叶甫盖尼·奥涅金, 冯春译, 上海: 译文出版社. 1982 年. 309 页 [Пушкин А.С. Евгений Онегин / Пер. Фэн Чуня. Шанхай: Изд-во переводов, 1982. 309 с.].
 14. 普希金, 叶甫盖尼·奥涅金, 冯春译, 上海: 译文出版社. 1991 年. 403 页 [Пушкин А.С. Евгений Онегин / Пер. Фэн Чуня. Шанхай: Изд-во переводов, 1991. 403 с.].
 15. 普希金, 叶甫盖尼·奥涅金, 冯春译, 上海: 译文出版社. 2013 年. 381 页 [Пушкин А.С. Евгений Онегин / Пер. Фэн Чуня. Шанхай: Изд-во переводов, 2013. 381 с.].
 16. 普希金, 叶甫盖尼·奥涅金, 冯春译, 桂林: 广西师范大学出版社. 2016 年. 472 页 [Пушкин А.С. Евгений Онегин / Пер. Фэн Чуня. Гуйлинь: Изд-во Гуансиского педагогического университета, 2016. 472 с.].
 17. 普希金, 叶甫盖尼·奥涅金, 冯春译, 上海: 译文出版社. 2018 年. 392 页 [Пушкин А.С. Евгений Онегин / Пер. Фэн Чуня. Шанхай: Изд-во переводов, 2018. 392 с.].
 18. 普希金, 叶甫盖尼·奥涅金, 智量译, 北京: 人民文学出版社.1985 年. 325 页 [Пушкин А.С. Евгений Онегин / Пер. Ван Чжиляна. Пекин: Народная литература, 1985. 325 с.].
 19. 普希金, 叶甫盖尼·奥涅金, 智量译, 北京: 人民文学出版社. 2004 年, 373 页 [Пушкин А.С. Евгений Онегин / Пер. Ван Чжиляна. Пекин: Народная литература, 2004. 373 с.].
 20. 普希金, 叶甫盖尼·奥涅金.智量译, 武汉: 长江文艺出版社, 2009 年, 422 页

- [Пушкин А.С. Евгений Онегин / Пер. Ван Чжиляна. Ухань: Изд-во литературы и искусства реки Янцзы, 2009. 422 с.].
21. 普希金, 叶甫盖尼·奥涅金, 智量译.上海: 华东师范大学出版社, 2013 年, 339 页 [Пушкин А.С. Евгений Онегин / Пер. Ван Чжиляна. Шанхай: Изд-во Восточно-китайского педагогического университета, 2013. 339 с.].
 22. 普希金, 叶甫盖尼·奥涅金, 智量译.广州: 花城出版社, 2014 年, 448 页 [Пушкин А.С. Евгений Онегин / Пер. Ван Чжиляна. Гуанчжоу: Изд-во Хуачэн, 2014. 448 с.].
 23. 普希金, 叶甫盖尼·奥涅金, 智量译.北京: 人民文学出版社. 2018 年, 360 页 [Пушкин А.С. Евгений Онегин / Пер. Ван Чжиляна. Пекин: Народная литература, 2018. 360 с.].
 24. 普希金, 叶甫盖尼·奥涅金, 智量译.上海: 上海文艺出版社, 2020 年. 397 页 [Пушкин А.С. Евгений Онегин / Пер. Ван Чжиляна. Шанхай: Изд-во литературы и культуры, 2020. 360 с.].
 25. 叶甫盖尼奥涅金. 未俊, 余邦 译\戈宝权, 王守仁主编. 普希金抒情诗全集 4. 长沙: 湖南文艺出版社, 1993. P 178-483. [Пушкин А. С. Евгений Онегин/пер. Вэй Цзюнь и Юй Бан // Полн. собр. соч. Т. IV/ Под ред. Гэ Баоцюань, Ван Шуожэнь. Чанша: Издательство литературы и искусства провинции Хунань. 1993. С. 178-483].
 26. 普希金. 普希金诗选. 王志耕译. 石家庄: 花山文艺出版社. 1995. P. 213-311 [Пушкин А. С. Евгений Онегин/Пер. Ван Чжигэн // Избранные стихи. Шицзячжуан: Издательство литературы и искусства «Хуашань». 1995. С. 213-311].
 27. 普希金, 叶甫盖尼·奥涅金, 丁鲁译, 南京: 译林出版社, 1996 年. 284 页 [Пушкин А.С. Евгений Онегин / Пер. Дин Лу. Нанкин: Изд-во «Илинь», 1996. 284 с.].
 28. 郑清文. 永恒的恋人. 台北志文出版社, 1997. [Чжэн Цзинвэнь. Вечные влюблённые. Тайбэй: издательством Чживэнь. 1997].
 29. 刘文飞主编; 顾蕴璞, 范红译. 普希金全集 第 5 卷 长诗卷. 石家庄: 河北教

- 育出版社, 1999 年. 318 页 [Полное собрание сочинения Пушкина: Т.V Поэма (Евгений Онегин) / Под. ред. Лю Вэньфэя., пер. Дин Лу. Шицзячжуан: Изд-во образования Хэбэй, 1996. 318 с.]
30. 普希金著. 叶夫根尼·奥涅金. 刘宗次译. 西安: 陕西人民出版社, 2002 年. 253 页 [Пушкин А.С. Евгений Онегин / Пер. Лю Цзунцзи. Шицзячжуан: Изд-во образования Хэбэй, 2002. 253 с.].
31. 普希金著; 田国彬译. 叶甫盖尼·奥涅金. 北京: 北京燕山出版社, 2003 年. 389 页 [Пушкин А.С. Евгений Онегин / Пер. Тянь Гобиня. Пекин: Изд-во Яньшань, 2003. 289 с.].
32. 普希金著; 剑平译. 叶甫盖尼·奥涅金. 郑州: 河南人民出版社, 2004 年. 347 页 [Пушкин А.С. Евгений Онегин / Пер. Цзянь Пина. Чжэнчжоу: Хэнаньское народное изд-во. 2004. 347 с.].
33. 普希金著; 剑平译. 叶甫盖尼·奥涅金. 郑州: 河南人民出版社, 2016 年. 347 页 [Пушкин А.С. Евгений Онегин / Пер. Цзянь Пина. Чжэнчжоу: Хэнаньское народное изд-во. 2016. 347 с.].
34. 叶甫盖尼奥涅金, 曾冲明, 曾凡华译//普希金诗选. 北京: 长征出版社, 2005.05. С. 125-450 [Пушкин А. С. Евгений Онегин/Пер. Цзэн Чунмин и Цзэн Фаньхуа // Избранные стихи. Пекин: Издательство Чанчжэн. 2005. С. 125-450].